

ЧЭН-ЭНЬ У

ПУТЕШЕСТВИЕ НА
ЗАПАД. ТОМ 2

Китайская классическая литература

ЧЭН-ЭНЬ У

Путешествие на Запад. Том 2

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

У Ч.

Путешествие на Запад. Том 2 / Ч. У — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,
— (Китайская классическая литература)

ISBN 978-5-91051-020-7

Этот роман - жемчужина китайской классической прозы. Он написан более трехсот лет назад и стал неотъемлемой частью мировой культуры. Историческое ядро сюжета - путешествие буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными сутрами. Реальное путешествие удивительно переплетается с фантастическими подробностями. Оригинальные сюжетные ходы, схватки с демонами и оборотнями окрашены юмором, который придает повествованию особую легкость. Образ одного из героев повествования. Сунь У-куна - Царя обезьян, - занял прочное место в современной массовой культуре. Путешествие буддийского монаха и его друзей продолжается в мультфильмах и мюзиклах. У Чэнь-энь создал роман, которым будут зачитываться многие поколения читателей. Роман в 4-х книгах.

ISBN 978-5-91051-020-7

© У Ч.

© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Глава двадцать шестая,	5
Глава двадцать седьмая,	20
Глава двадцать восьмая,	32
Глава двадцать девятая,	47
Глава тридцатая,	59
Глава тридцать первая,	74
Глава тридцать вторая,	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Путешествие на Запад. Том 2

Глава двадцать шестая, *повествующая о том, как Сунь У-кун искал на трех островах¹ небожителей средство для возрождения дерева жизни и как бодисатва Гуаньинь оживила это дерево святой водой*

Идет по лезвию ножа
Избравший праведности путь,
О кончике вершка в пути,
Рожденный в мире, не забудь!
Ведь осторожность словом «жэнь»
Передается с давних пор.
Да, осторожность для людей —
Главнейшая из всех опор.
Подумать надо много раз,
Как гнев терпением побеждать.
Не спорят славные мужи
О том, как доблесть передать,
И добродетельный мудрец
Несет ее до наших дней,
А сильные оставят нам
Своих детей – еще сильней.
Но все уходит в пустоту —
Небытие таится в ней².

Итак, праведник Чжэнь-юань, взяв за руку Сунь У-куна, сказал:

– О твоих способностях и храбрости я много слышал. Но на сей раз ты перешел всякие границы и, что бы ты ни делал, к каким бы волшебным способам ни прибегал, сейчас ты из моих рук не уйдешь. Я сам отправлюсь с вами в Индию, увидаю вашего Будду и добьюсь, чтобы ты вернул нам дерево жизни. Смотри не пускай в ход свою магию.

– Ах, учитель, вы словно дите малое! – рассмеявшись сказал Сунь У-кун. – Возродить дерево жизни совсем не трудно. Знал бы я раньше, что вы этого хотите, давно бы кончились все раздоры.

– В таком случае, – сказал праведник, – я согласен помиловать тебя.

– Освободите моего учителя, – сказал Сунь У-кун, – а я верну вам дерево жизни. Согласны?

¹ Три острова небожителей – по преданиям, являлись обиталищем бессмертных.

² Здесь и далее стихи в обработке Н. Павлович.

– Если ты обладаешь волшебной силой, способной вернуть мне дерево жизни, то я готов восемь раз поклониться³ тебе и назвать тебя своим братом.

– Все это не так важно, – сказал Сунь У-кун. – Вы только освободите моих товарищей, а я верну вам ваше дерево целым и невредимым.

Праведник поверил Сунь У-куну и тут же приказал освободить Сюань-цзана, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна.

– Учитель, – обратился Ша-сэн к Сюань-цзану. – Что за штуку собирается выкинуть наш брат?

– Какую там еще штуку, – сказал Чжу Ба-цзе. – Это значит «сыграть на человеческих чувствах»! Дерево погибло, откуда же взять средство, чтобы оживить его! Хвастовство одно! Он хочет освободиться и отправиться в путь. А до нас ему никакого дела нет!

– Нет, он не посмеет бросить нас, – возразил Сюань-цзан. – Мы спросим, где это он собирается достать такое волшебное средство.

– Сунь У-кун, ты зачем обманываешь праведника: хочешь освободить нас? – обратился к своему ученику Сюань-цзан.

– Я вовсе не обманываю, – запротестовал Сунь У-кун. – А говорю сущую правду.

– Куда же ты думаешь отправиться? – снова спросил Сюань-цзан.

– Еще в древности люди говорили, что «всякая помощь исходит от моря», – отвечал на это Сунь У-кун. – Так вот я и думаю отправиться к Великому Восточному морю, объеду три острова небожителей и десять материков, побываю у бессмертных духов и мудрых старцев и попрошу у них средство для оживления умерших. Ручаюсь вам, что дерево оживет.

– Когда же ты думаешь вернуться обратно? – спросил Сюань-цзан.

– Да дня через три, не позднее, – сказал в ответ Сунь У-кун.

– Ну, если так, то пусть будет по-твоему, – согласился Сюань-цзан. – Даю тебе три дня срока. Вернешься – все будет в порядке, задержишься – я стану читать известное тебе заклинание.

– Слушаюсь, учитель, – поспешил согласиться Сунь У-кун и, оправив на себе одежду из шкуры тигра, вышел из ворот. Подойдя к праведнику, он промолвил:

– Почтенный, вы можете быть совершенно спокойны. Я непременно вернусь. Только смотрите, чтобы о нашем учителе заботились как следует. Три раза в день он должен пить чай и шесть раз получать пищу. Если он хоть в чем-нибудь будет испытывать недостаток, вы будете иметь дело со мной. Помните, что как-то раз я уже разбил у вас котел. Если у учителя загрязнится одежда – пусть ее постирают. Следите за цветом его лица, предупреждаю, шутить не буду. И смотрите, чтобы он не похудел, иначе мы вас не оставим в покое.

– Ладно-ладно, отправляйся, – ответил праведник. – И можешь быть спокоен – голодать ему не придется.

О, прекрасный Царь обезьян! Совершив прыжок в воздухе, он вскочил на облако, покинул Учжуангуань и отправился к Великому Восточному морю. Он летел по воздуху, как молния, и был стремителен, как метеор. Вскоре он прибыл к острову страны бессмертных Пэнлай. Остановив облако, он внимательно посмотрел вниз и увидел чудесную картину.

Сонм мудрецов. Благословенный край, —
Волшебный остров на море Пэнлай;
Но никнут волны здесь у берегов,
И свет и тени яшмовых дворцов
Восходят до небесной высоты:
Их отблески по морю разлиты.

³ Восемь раз поклониться – значит выразить особое уважение.

Здесь заросли бамбука на холмах,
В прозрачной дымке, в солнечных лучах.
Ван-му – царица неба – ходит там
И персики подносит мудрецам.

Сунь У-кун не мог охватить взором той волшебной красоты, которая открылась перед его глазами. Наконец он спустился на землю этой благодатной страны и пошел вперед. Вдруг он заметил перед входом в белую пещеру трех старцев небожителей, которые в тени сосны играли в шашки. На главном месте за шашечной доской сидел дух звезды Долголетия и наблюдал за игрой духов звезд: звезды Счастья и звезды Благополучия. Сунь У-кун подошел к ним и сказал:

– Прошу вас, уважаемые братья, принять мой поклон!

Старцы убрали шашки и, отвечая на приветствие, спросили:

– По какому делу вы явились, Великий Мудрец?

– Да вот хотел поиграть с вами в шашки, – сказал Сунь У-кун.

– Я слышал, что вы отказались от даосизма и исповедуете буддизм, – промолвил дух звезды Долголетия. – Мне стало так же известно, что вы ушли из мира и сопровождаете Танского монаха в Индию за священными книгами, что вам каждый день приходится проделывать большие расстояния, преодолевать горы и пересекать реки. Как же вам удалось выбрать свободное время, чтобы поиграть с нами?

– Не хочется мне обманывать вас, почтенные старцы, – сказал тогда Сунь У-кун. – В пути мы встретили препятствие. Вот я и пришел просить вашей помощи. Не знаю только, согласитесь ли вы помочь нам.

– Что за препятствие и где именно вы его встретили? – спросил дух звезды Счастья. – Расскажите, пожалуйста, более подробно, может быть, мы что-нибудь и придумаем.

– Да, препятствие возникло у нас в то время, когда мы проезжали мимо монастыря Учжуангуань, на горе Ваньшоушань, – сказал Сунь У-кун.

– Учжуангуань – обиталище великого праведника Чжэнь-юаня! – изумленно воскликнули старцы. – Может быть, вы съели плоды с дерева жизни?

– А что же тут особенного? – сказал на это Сунь У-кун.

– Ну и обезьяна! – воскликнули старцы. – Не разбирается даже в том, что хорошо, что плохо. Тот, кто понюхает плод жизни, доживает до трехсот шестидесяти лет. Кто съест его – проживет сорок семь тысяч лет. Эти плоды называются плодами бессмертия. В нашем учении нет ничего подобного. Истину эту Чжэнь-юань познал без особого труда, и он может теперь быть вечным, как небо. А нам, чтобы воспитать в себе духовные силы, укрепить энергию и научиться обуздывать свои страсти, нужно потратить уйму сил и времени. Как же ты можешь говорить, что эти плоды ничего не стоят. Ведь в Поднебесной всего одно священное дерево.

– Священное, священное! – передразнил Сунь У-кун. – Да я это священное дерево вырвал с корнем.

– Как с корнем? – изумились старцы.

– Позавчера, когда мы пришли в монастырь Учжуангуань, праведника там не было, оставались двое послушников, которые вышли встречать нашего учителя. Они преподнесли ему два плода жизни. Однако наш учитель, ничего не знавший о существовании таких плодов, принял их за новорожденных младенцев и, несмотря на уговоры, решительно отказался съесть их. Послушники отнесли плоды к себе в комнату и съели, даже не подумав угостить нас. Тогда я выкрал три плода, и вместе с братьями мы съели их. Тут послушники, не разобравшись в чем дело, начали всячески поносить и оскорблять нас, называя ворами. Меня это возмутило, я выдернул их дерево с корнем и повалил на землю. Плоды куда-то исчезли, ветки поломались, листья облетели, корни вышли наружу, и дерево засохло. Послушники попытались было запереть нас в монастыре, но я открыл все ворота, и мы ушли. На следующее утро в монастырь

вернулся праведник. Договориться с ним по-хорошему мы не могли, и между нами началась борьба. Праведник при помощи волшебства захватил нас в свой рукав. Затем нас связали и начали бить. Избивали весь день. А ночью мы снова бежали. Однако праведник догнал нас и захватил, как и в первый раз. Причем в руках у него не было ни цуня⁴ железа и отбивался он опахалом. Я и мои братья, обладая волшебным оружием, так и не могли ничего с ним сделать. На этот раз он приказал завернуть в полотно моего учителя и побратимов, а меня велел бросить в котел с кипящим маслом. Однако я тут же перевоплотился и избежал наказания, а котел разбил. Видя, что со мной не так-то легко справиться, он немного струсил, и, наконец, мы договорились. Я попросил его освободить моего учителя и побратимов, а за это обещал ему возвратить к жизни священное дерево. Памятуя о том, что «всякая помощь исходит из моря», я решил отправиться в вашу волшебную страну и навестить вас, почтенные братья. Если у вас есть какое-нибудь средство, с помощью которого можно возродить священное дерево, назовите его. Этим вы поможете Танскому монаху избавиться от беды.

– Ты, обезьяна, не умеешь распознавать людей, – выслушав Сунь У-куна, с горечью сказали старцы. – Праведник Чжэнь-юань – предок земных святых. Мы же принадлежим к божествам. А ты хоть и являешься небесным существом, но сейчас ты не у дел, всего-навсего член секты Тайи, и не входишь даже в число божеств. Как же тебе удалось уйти от праведника? Если бы ты убил какое-нибудь животное или насекомое, рыбу или змею, то их можно было бы оживить эликсиром, который мы делаем из проса. Но дерево жизни, священное дерево, как мы можем оживить его? Нет, такого средства мы не имеем.

Услышав это, Сунь У-кун нахмурил брови, и на лбу его появились тысячи морщин.

– Возможно, оно есть в другом месте, – сказал, заметив это, дух звезды Счастья. – Зачем же сразу расстраиваться?

– Я могу, конечно, поискать, – сказал Сунь У-кун. – Мне ничего не стоит обшарить все моря и уголки вселенной и побывать на всех тридцати шести небесах⁵. Но Танский монах весьма строг в своих правилах и не очень великодушен. Он отпустил меня всего на три дня. Если же я не возвращусь в назначенный срок, он будет читать заклинание о сжатию обруча.

– Это замечательно! – воскликнули смеясь старцы. – Если не обуздать тебя, ты можешь пробуровать все небо.

– Успокойтесь, Великий Мудрец, и не сердитесь, – сказал тут дух звезды Долголетия. – Этот святой, хоть и относится к высшим божествам, однако водит знакомство и с нами. Мы давно не виделись с ним, и сейчас отправимся к нему в монастырь. Ну а там замолвим за вас словечко и попросим вашего учителя не читать псалма. Так что не беспокойтесь о том, сколько дней вам придется странствовать, мы расстанемся с ним лишь тогда, когда вернетесь вы.

– Вот за это я чрезвычайно признателен вам, – обрадованно воскликнул Сунь У-кун. – Пожалуйста, отправляйтесь поскорее, а я поеду по своим делам.

О том, как они расставались, мы распространяться не будем. Скажем лишь, что духи трех звезд сели на волшебное облако и в какой-нибудь миг очутились у монастыря Учжуангуань. В этот момент обитатели монастыря услышали высоко в небе курлыкание журавлей⁶. Оно извещало о прибытии духов.

Все небо загорелось сверканьем облаков,
И аромат разлился нежней, чем от цветов,
И в легкий пух и перья оделись облака.
Как поступь ног священных по облаку – легка! —

⁴ Цунь – мера длины, равная 3,2 сантиметра.

⁵ *Тридцать шесть небес* – образное выражение; значит – побывать повсюду.

⁶ *Журавль* – священная птица. Символ долголетия. На журавлях, по преданию, летали боги и небожители.

Луань⁷ взлетела в небо: нет крыльев зеленей,
И ярко-алый феникс поднялся вслед за ней;
Тогда мудрец явился, окутан в аромат,
Сиял благоволеньем его блаженный взгляд.
И борода белела, упавшая на грудь,
На посох опирался он, собираясь в путь.
И кажется, печали совсем не ведал он,
Могуществом, здоровьем и счастьем наделен.
Как звезды долголетен, он осушал моря,
И полем стало море, свой урожай даря;
Владыкой долголетия тот дух небесный был,
И тыкву он и свиток у пояса носил.
Себе обитель духи повсюду обретут.
И материк и остров даруют им приют.
Приносят духи счастье, куда бы ни пришли,
В них мир, и долголетье, и радость для земли.
Послушники поспешили сообщить о прибытии духов.

– Учитель, – сказали они, – со священных островов прибыли духи трех звезд.

Праведник, беседовавший в это время с Сюань-цзаном и его учениками, услышав это, спустился с лестницы встретить гостей. Увидев духа звезды Долголетия, Чжу Ба-цзе подошел к нему и, схватив за руку, смеясь сказал:

– Эй, кроткий старикашка! Давненько мы не виделись. А ты такой же чудак, как и раньше, все ходишь без шляпы.

Он нахлобучил свою монашескую шапку на голову духа звезды Долголетия и, похлопав его рукой, расхохотавшись, сказал:

– Вот замечательно! Ну прямо вновь испеченный вельможа с пожалованным ему головным убором!

– Ах ты, негодник, – рассердился дух звезды Долголетия, сорвав с себя шляпу. – Никак не научишься вести себя!

– Я-то что, – сказал Чжу Ба-цзе. – А вот ты и тебе подобные – настоящие рабы.

– Негодник ты, – сказал дух звезды Счастья, – как ты осмеливаешься других называть рабами.

– Почему же, если вы не рабы, – продолжал смеясь Чжу Ба-цзе, – вас называют «увеличивающий долголетие», «увеличивающий счастье» и «увеличивающий жалованье»?

Тут Сюань-цзан отогнал Чжу Ба-цзе и, поспешно оправив на себе одежду, приветствовал духов трех звезд⁸ почтительным поклоном. Наконец, после того как духи звезд приветствовали праведника как старшего, все уселись и начали беседу.

– Давно мы не видались с вами, – заметил дух звезды Благополучия, – но никак не могли почтить вас своим визитом раньше. И вот сейчас, узнав, что Великий Мудрец Сунь У-кун учинил беспорядок в вашей обители, мы решили навестить вас.

– Значит, Великий Мудрец побывал в вашей волшебной стране? – спросил праведник.

– Да, – отвечал дух Долголетия. – Он хотел достать у нас какое-нибудь средство, чтобы оживить священное дерево. Но поскольку у нас ничего подобного не было, он отправился искать в другое место. Он очень боится, что не управится за три дня и не вернется в назначен-

⁷ Луань – сказочная птица с ярким оперением.

⁸ Три звезды – звезда счастья, звезда благополучия и звезда долголетия.

ный срок, а его учитель начнет читать заклинание о сжатию обруча. Вот мы и прибыли, во-первых, навестить вас, а во-вторых, попросить о том, чтобы вы не ограничивали его сроком.

– Смею вас заверить, что не стану читать заклинание! – поспешил успокоить их Сюань-цзан.

В этот момент Чжу Ба-цзе снова пробрался вперед и, схватив за руку духа звезды Счастья, стал выпрашивать у него фрукты. Желая найти что-нибудь, он стал шарить у духа в рукавах, поднимая полы его кафтана.

– Чжу Ба-цзе, – укоризненно улыбнулся Сюань-цзан, – ну разве это порядок?

– Тут дело не в порядке, – ответил Чжу Ба-цзе. – Ведь говорят: «Поищи – достигнешь благополучия и счастья».

Однако Сюань-цзан и на этот раз велел ему выйти. С неохотой покидая зал, Дурень с ненавистью смотрел на духа звезды Счастья.

– Негодник! – сказал дух звезды Счастья, – чем я тебя прогневил, что ты с такой ненавистью смотришь на меня?

– Никакой ненависти я к тебе не питаю, – отвечал Чжу Ба-цзе. – Это называется: «Посмотри назад и увидишь счастье».

Выйдя из зала, Дурень встретил послушника, который нес четыре чайных ложечки и колокол, употребляемый праведником вместо чашки при приеме пищи. Выхватив у него все это, он вбежал в зал и, держа в руках цимбалы, начал беспорядочно колотить по колоколу.

– Этот монах становится все более непочтительным, – сказал праведник.

– Да какая же это непочтительность? – рассмеялся Чжу Ба-цзе. – Это называется «Счастье и радость круглый год».

Однако оставим пока Чжу Ба-цзе и расскажем о том, как Сунь У-кун, покинув волшебную страну, вскоре прибыл на священный остров Фанчжан⁹. Это было удивительно красивое место.

Величественный остров,
Блаженный рай – Фанчжан;
Он был небесным духам
Для обитанья дан.
Сиял пурпурным светом
Великолепный трон,
Был путь к трем сферам неба
Тем светом озарен.
Неслось благоуханье
Деревьев и цветов,
Как радужная дымка
Плывущих облаков.
Золотоперый феникс
Хранил святой чертог:
Среди полей струился
Нефритовый поток;
Чжи¹⁰ – древний знак священный
Там сеяли весной,
А персика и сливы
Зрел урожай двойной.

⁹ Остров Фанчжан – один из трех островов, на которых, по преданию, обитают небожители.

¹⁰ Чжи – сказочное растение. Символ долголетия. Часто изображают оленя с веткой этого растения в зубах.

Бессмертье небожитель
Вкушал в плодах святых,
И силу долголетия
Он получал от них.

Сунь У-кун опустился на облаке вниз, но ему было не до того, чтобы любоваться красотами природы. Вдруг он ощутил изумительный аромат и услышал крик журавля. Здесь, несомненно, была обитель праведника.

Был радугами воздух
Окредный осиян,
И веял светоносный
И радужный туман.

Был дивен алый феникс —
Он в клюве нес цветы,
Луань легко порхала,
Спустившись с высоты.

Под звуки чудных песен
Царило счастье там,
Бессмертье утвердилось,
Подобное горам.

Отшельник, отрок с виду,
Но телом был силен,
И эликсир бессмертья
Хранил в сосуде он.

На поясе висела
Волшебная печать.
Резьба Чжуань¹¹ покрыла
На ней металла гладь.

Печать древнее солнца,
И с ней мудрец не раз
Являлся, знаменуя
Счастливым день и час.

Освобождал от бедствий,
Спасал от горя мир,
И приходил он гостем
На Персиковый пир.

Когда свой двор на праздник
Звал император Ди,

¹¹ Резьба Чжуань – древнее письмо, изобретенное при династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.). Впоследствии употреблялось только на печатях и гравировках на художественных изделиях.

В нефритовую заводь
Отшельник приходил.

Он просвещал монахов,
Как гнет страстей стряхнуть,
И открывал пред ними
Огромный светлый путь.

Поздравить с днем рожденья, —
Моря переплывал.
Для поклоненья Будде
Линшань¹² он посещал.

Великий император
Дунхуа наречен
И к лику лучезарных
Подвижников причтен.

Встретив праведника, Сунь У-кун скромно произнес:

– Разрешите приветствовать вас, святейший!

Праведник поспешил ответить на приветствие и вежливо обратился к Сунь У-куну:

– Простите, Великий Мудрец, – сказал он, – что не вышел встретить вас. Не зайдете ли в мою обитель попить чаю?

И, поддерживая Сунь У-куна под руку, он ввел его во дворец Нефритовой заводи. Дворец был поистине великолепен: сколько прудов и роскошных построек вы могли увидеть там! Как только праведник со своим гостем уселись, из-за бирюзовых ширм появился отрок.

В даосскую одежду
Тот отрок был одет,
От пояса лучился
И рассыпался свет.

Медведицы созвездьем
Платок его блистал,
В сандалиях священных
Всходил на перевал.

Он истинную сущность
Раскрыл души своей:
Отбросил оболочку
И смысл постиг вещей.

Начала ведал духа,
В блаженство погружен,
И знал его хозяин —
Не ошибался он.

¹² *Линшань* – священная гора; у даосов это остров Пэнлай, у буддистов – гора Гиджакута, в Центральной Индии.

Бежав от искушений,
От брэнной суеты,
Всходил он по ступеням
Небесной чистоты.

От циклов воплощений
Уже освобожден,
Священный персик в небе
Держал три раза он.

Из-за лазурной ширмы
Вдруг облако плывет:
То Дун Фан-шо блаженный,
Сияя, предстает.

– Да этот маленький разбойник, оказывается, здесь, – со смехом воскликнул Сунь У-кун. – Ведь у праведника нет персиков, которые ты мог бы утащить!

– А ты, старый разбойник, зачем явился сюда? – почтительно кланяясь, спросил Дун Фан-шо. – Ведь у моего учителя нет эликсира бессмертия, так что украсть тебе ничего не удастся.

– Перестань говорить глупости, Мань-цин, и принеси чаю.

Мань-цин было даосское имя Дун Фан-шо. Приказание было тотчас выполнено. После чаю Сунь У-кун сказал:

– Я прибыл к вам по важному делу и хочу просить вашей помощи. Не знаю только, согласитесь ли вы оказать мне ее?

– А что у вас за дело? – поинтересовался праведник. – Пожалуйста, говорите – я сочту своим долгом помочь вам.

– Я сопровождаю Танского монаха на Запад, – начал Сунь У-кун, – и вот, когда мы проезжали монастырь Учжуангуань на горе Ваньшоушань, послушники обошлись с нами невежливо, тогда я в гневе вырвал с корнем дерево жизни. Теперь мы не можем двигаться дальше, так как праведник Чжэнь-юань не отпускает Танского монаха. Это и привело меня к вам. Не дадите ли вы мне какого-нибудь средства, чтобы оживить священное дерево, – я так надеюсь на ваше великодушие!

– Ах ты, обезьяна, – сказал праведник. – Куда бы ты ни попал, везде натворишь зло. Праведник Чжэнь-юань из Учжуангуань носит священное имя «Равный миру» и является родственником земных бессмертных. Как же ты посмел оскорбить его? А священное дерево жизни, которое ты загубил, приносит плоды бессмертия. Украсть и съесть эти плоды – большое преступление. А ты загубил дерево и хочешь, чтобы праведник оставил это безнаказанным.

– Я с вами совершенно согласен, – промолвил Сунь У-кун. – Мы пытались бежать, но праведник настиг нас и, словно платок или полотенце, втянул в рукав своей одежды. Он беспрестанно ворчит, и мне не оставалось ничего другого, как пообещать ему достать средство оживить священное дерево.

– У меня есть пилюля бессмертия, – отвечал праведник, – но она помогает только живым существам. А дерево – это душа, вскормленная землей и напоенная небом. Если бы это было простое дерево, то еще можно было бы что-нибудь сделать. Но ведь гора Ваньшоушань, на которой оно растет, благословенная земля, существовавшая еще в прежнем мире, а монастырь Учжуангуань – священная обитель на материке Годанья¹³. Да и само дерево жизни – священное,

¹³ Материк Годанья – санскритское название одного из четырех материков по буддийской космологии.

оно растет с момента сотворения мира. Как же можно вернуть его к жизни? Нет у меня никаких средств для этого.

– В таком случае, – промолвил Сунь У-кун, – мне остается только распротиться с вами.

Праведник предложил Сунь У-куну выпить чашу эликсира жизни, но тот наотрез отказался.

– Дело у меня срочное, и задерживаться я никак не могу, – сказал он.

С этими словами он поднялся на облако и отправился на волшебный остров Инчжоу, поражающий своей красотой.

Деревья были хороши,
В цветах пурпурных лес,
Дворцы на острове Инчжоу¹⁴
Вставали до небес.

И твердым, как железо, был
Суровый камень скал,
Ручей зеленого волной
Среди теснин играл.

Фазаны, к морю обратясь,
Там пели песнь свою.
И тысячу блаженных лет
Жил феникс в том краю.

В миру живущим красота
Блаженства не ясна:
Здесь миллиарды лет цвела
Счастливая весна.

На острове Великий Мудрец увидел седовласых, седобородых небожителей с юными лицами. Они сидели в тени роскошных деревьев, под красной скалой, играли в шашки и потягивали вино, разговаривали, смеялись и пели песни.

Все было в священном сиянье,
И плыл с облаков аромат.
И фениксы пестрые пели
В пещерах подземных палат,

Вдали журавли пролетели,
Кружась над вершинами скал,
Вкушали отшельники лотос —
Он сладостно их опьянял.

Указ императорской силы
В блаженном краю не имел,
Одним заклинаньям подвластен
Был этих счастливых удел.

¹⁴ *Инчжоу* – один из священных островов в Восточном море; обитель бессмертных.

Свой возраст они исчисляли,
Как возраст небес и земли;
Живя беззаботно, привольно,
Покой бесконечный нашли.

Плоды им несли обезьяны,
Спеша по стопам их святым,
Стада белоснежных оленей
Почтительно кланялись им.

И вот в самый разгар веселья Сунь У-кун вдруг громко крикнул:

– А что это вы даже замечать меня не хотите!

Бессмертные, увидев его, поспешили к нему навстречу и приветствовали.

– Как беззаботно вы живете, братья мои, – смеясь сказал Сунь У-кун девяти старцам.

– Если бы вы, Великий Мудрец, вели себя достойно и не учинили в небесных чертогах дебош, то жили бы еще более беззаботно, – отвечали старцы. – Но теперь, говорят, вы на правильном пути и идете поклониться Будде. Что же привело вас сюда?

Тут Сунь У-кун уже в который раз поведал историю о гибели священного дерева.

– Сам беду накликать! – придя в ужас, воскликнули старцы. – А средства оживить священное дерево у нас нет.

– Тогда пожелаю вам всего хорошего, – сказал Сунь У-кун.

Старцы задержали его, предлагая выпить нектара и поесть зерен драгоценного лотоса. Однако Сунь У-кун отказался присесть и стоя выпил бокал эликсира и съел кусок корня лотоса. Затем он покинул остров Инчжоу и направился к Восточному морю. Еще издали заметив гору Лоцзяшань, он спустился на своем облаке прямо к горе Путоянь и увидел в зарослях красного бамбука бодисатву Гуаньинь, которая читала небожителям Муча, Лун-нюю и другим священные книги и закон Будды. Об этом рассказывается в стихах:

Обитель духа моря высока,
Над нею счастья реют облака;
Важнее то, что можно встретить в ней
Необычайных множество вещей.
Из малого начало все берет —
Об этом здесь разумный узнает.
Такая мысль важней речей пустых

И мелких мыслей, заключенных в них.
Познав закон, четыре мудреца
Прошли свой путь успешно до конца,
А шестеро других, простых людей
Тенета с жизни сбросили своей.
Лес молодой был полон красоты:
Плоды благоухали и цветы.

Между тем бодисатва давно уже заметила Сунь У-куна и послала духа – стража горы встретить его.

– Куда путь держишь, Сунь У-кун? – выходя из леса, крикнул дух.

– А, это ты дух Медведя, – откликнулся Сунь У-кун. – Ты что же это называешь меня по имени! Или позабыл о том, как когда-то у горы Черного ветра я сохранил тебе жизнь? Как же! Ты ведь живешь теперь на священной горе, приобщился к учению Будды и служишь самой бодисатве. Где уж тебе помнить о почитительности!

Сунь У-кун говорил сушую правду. Дух Черного медведя, который действительно встал на путь Истины, был хранителем горы Путоянь в обители бодисатвы и получил звание духа, однако всем этим он был обязан Сунь У-куну.

– Великий Мудрец, – сказал он улыбаясь. – Еще в старину говорили: «Кто старое помянет – тому глаз вон». Зачем же ты вспоминаешь о том, что давно прошло? Бодисатва послала меня встретить тебя.

Сунь У-кун подтянулся, вместе с духом вошел в лес Пурпурного бамбука и склонился перед бодисатвой.

– Где находится сейчас Танский монах? – спросила бодисатва.

– В стране Годанья на горе Ваньшоушань, – ответил Сунь У-кун.

– На этой горе стоит монастырь Учжуангуань, обитель праведника Чжэнь-юаня, – продолжала бодисатва, – вы виделись с ним?

– Да, мы побывали на этой горе, но поскольку не знали самого праведника, я погубил там дерево жизни, и вот теперь, праведник не отпускает моего учителя.

– Ах ты, гадкая обезьяна, до сих пор не можешь научиться вести себя! – с притворным изумлением промолвила бодисатва, хотя знала уже обо всем случившемся. – Да знаешь ли ты, что дерево жизни священо и существует с момента сотворения мира. А сам праведник Чжэнь-юань является предком земных бессмертных. Я сама поклоняюсь ему. Как же ты дерзнул пойти на такое дело?

– Уверяю вас, что все это мне действительно не было известно, – сказал, не переставая отбивать поклоны, Сунь У-кун. – В тот день, когда мы прибыли в монастырь, самого праведника не было и нас встретили два послушника. Случайно Чжу Ба-цзе узнал, что у них есть какие-то диковинные фрукты и захотел отведать их. Ну, я выкрал три плода, и мы с братьями съели их. Узнав об этом, послушники стали всячески поносить нас. Это вывело меня из терпения, и я вырвал с корнем их дерево. На следующий день, когда мы были в пути, праведник догнал нас и посредством волшебства втянул в рукав своей одежды. Потом нас связали и стали избивать плетью. Нас били целый день. Однако ночью нам снова удалось бежать, но он опять догнал нас, и мы очутились у него в рукаве. Несмотря на все мои старания, нам не удалось избавиться от него, и я вынужден был пообещать им оживить дерево. Я объездил моря, побывал на трех островах в надежде найти там какое-нибудь средство, однако никто из бессмертных не мог помочь мне в этом деле. Тогда я решил прийти поклониться вам, милостивая бодисатва. Умоляю вас явить свое милосердие и пожаловать мне какое-нибудь средство, чтобы Танский монах мог продолжать свой путь на Запад.

– Почему же ты сразу обратился ко мне, а решил прежде отправиться на острова? – спросила бодисатва.

Услышав это, Сунь У-кун обрадовался и подумал: «Ну, мне, кажется, повезло! У бодисатвы, несомненно, есть какое-то средство!»

И он продолжал умолять бодисатву помочь ему.

– Сладкая вода из росы, которая находится в этой бутылки, – сказала тогда бодисатва, – возвращает к жизни священные деревья и растения.

– А это испытанное средство? – спросил Сунь У-кун.

– Да, оно проверено, – отвечала бодисатва.

– Каким же образом его проверили? – поинтересовался Сунь У-кун.

– Когда-то великий Лао-цзюнь заключил со мной пари: он отломал ветку ивы и бросил ее в одну из своих печей, где выплавлял эликсир бессмертия. Ветка, конечно, обгорела и засохла.

После этого он вернул ветку мне, и я поставила ее в этот кувшин. Через сутки на ветке появились листья и она вновь стала зеленой.

– Тогда мне, можно сказать, повезло! – радостно воскликнул Сунь У-кун. – Если обгоревшая ветка вновь зазеленела, то и дерево можно будет оживить.

– Вы охраняйте лес, – промолвила бодисатва, обращаясь к остальным небожителям, – а я отправлюсь вместе с ним.

И, держа в руках волшебную бутылку, бодисатва поднялась в воздух. Впереди летели два белых попугая, распевая чудесные песни. Сунь У-кун последовал за бодисатвой.

Об ее надбровье,
Об ее челе
Как поведать можно
Людям на земле!

Будду не хулила
Никогда она,
И небесной силой
Оттого полна.

Помогает в горе
И хранит от бед,
И с собой приносит
Утешенья свет.

В смене воплощений
Свергла гнет страстей,
Суэта мирская
Не властна над ней.

Сладкою росой
Дева окропит,
Вечной жизни древо
Оживотворит.

И вот, когда остававшийся в монастыре праведник вел с тремя старцами беседу на священные темы, перед ними вдруг спустился на облаке Сунь У-кун и сказал:

– Бодисатва явилась! Скорее выходите!

Три духа звезд, праведник, Сюань-цзан и все ученики, покинув главный зал, поспешили приветствовать бодисатву. Остановив радужное облако, бодисатва поздоровалась с праведником Чжэнь-юанем, а затем поклонилась духам трех звезд. После этого она села на возвышение, а Сунь У-кун подвел Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, чтобы они поклонились ей. Затем бодисатву приветствовали остальные обитатели монастыря. Когда церемония с поклонами была закончена, Сунь У-кун сказал:

– Великий праведник, тотчас же прикажите приготовить жертвенник для возжигания фимиама и просите бодисатву оживить ваше дерево.

Склонившись перед бодисатвой в благодарственном поклоне, праведник промолвил:

– Разве смеем мы беспокоить бодисатву нашими ничтожными делами?

– Танский монах – мой ученик, – отвечала на это бодисатва. – И раз Сунь У-кун нанес вам оскорбление, я считаю своим долгом вернуть к жизни ваше драгоценное дерево.

– В таком случае, – сказали тут три старца, – нечего спорить, попросим лучше бодисатву пройти в сад и посмотреть, что там происходит.

Между тем праведник приготовил жертвенник с фимиамом, и после возжигания благовоный бодисатву пригласили пройти в сад, который успели привести в порядок. За бодисатвой последовали три старца. И вот, когда в саду собрались все, в том числе Сюань-цзан и остальные обитатели монастыря, они увидели священное дерево: оно лежало на земле с вывернутыми корнями, с опавшими листьями и засохшими ветвями.

– Сунь У-кун, протяни руку! – приказала бодисатва.

Тот поспешил выполнить приказание. Тогда бодисатва обмакнула ивовую ветвь в сладкую росу, написала на ладони Сунь У-куна заклинание о воскрешении мертвых и велела ему увлажнить этой росой корни дерева. Сунь У-кун выполнил и это ее приказание. В тот же миг из-под дерева забила ключом прозрачная вода.

– Эту воду нельзя держать в посуде, сделанной из материала, относящегося к пяти элементам природы, то есть из металла, дерева, воды, огня и земли, – сказала тут бодисатва. – Ее можно черпать только нефритовым ковшом. Надо поднять дерево и опрыскать его сверху донизу этой водой. Тогда кора и корни отойдут, вырастут ветви и на них появятся листья. А когда ветви зазеленеют, появятся плоды.

– Эй, люди! – крикнул Сунь У-кун, – скорее несите нефритовый черпак.

– Откуда мы его возьмем! Ведь мы живем в захолустье, – сказал праведник. – У нас есть только нефритовые чашки и бокалы. Годаются они?

– Не важно, – сказала бодисатва, – были бы они из нефрита. Принесите, попробуем!

Праведник велел принести чашки и бокалы. Послушники принесли тридцать чашек и пятьдесят бокалов и стали черпать ими воду из источника. Тем временем Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и сэн бережно подняли дерево, а корни засыпали землей. После этого нефритовые сосуды с водой преподнесли бодисатве. Опустив в воду ивовую ветвь, бодисатва тщательно опрыскала ею все дерево, произнося при этом заклинание.

Вскоре на дереве появились ветви, покрытые зеленой листвой, образующей густую тень, а затем и двадцать три плода жизни. Увидев это, Цин-фын и Мин-юе в один голос воскликнули:

– Позавчера, когда у нас пропали плоды, мы насчитали всего двадцать две штуки. Откуда же взялась двадцать третья?

– Сердце человека познается не сразу, – произнес Сунь У-кун. – Позавчера я утащил три плода. Но один из них упал; дух почвы сказал мне, что эти плоды при соприкосновении с землей уходят в нее. Чжу Ба-цзе не поверил мне и стал кричать, что я обманул их и утаил один плод. В общем, все дело так запутали, что лишь теперь с трудом разобрались.

– Я знала, что плоды дерева жизни не должны соприкасаться ни с одним из пяти элементов, потому и попросила нефритовый сосуд, – промолвила бодисатва.

Все это привело праведника в неописуемый восторг. Он тут же приказал принести золотую колотушку и сбил с дерева десять плодов жизни. После этого, желая отблагодарить всех за хлопоты и угостить своим сокровищем, он пригласил бодисатву и трех старцев в зал и устроил роскошный пир. Послушники расставили столы и принесли всевозможные яства. Бодисатва заняла главное место, старцы сели слева от нее, а Танский монах – справа. Праведник Чжэнь-юань уселся напротив бодисатвы. После этого каждый из них съел по одному плоду жизни. Об этом пиршестве сложены стихи:

Гора Ваньшоушань прекраснее звезды —
Раз в девять тысяч лет священные плоды
На древе жизни созревали там,
Даруя долголетье мудрецам.

Когда же дерево сломано легло,
Росы прикосновенье помогло, —
Вновь древо зеленеет и живет,
Вкушают старцы вновь бессмертья плод.

Здесь повстречались у Святой горы
Все четверо монахов. С той поры
Вкусивший от бессмертного плода
Состариться не может никогда.

Бодисатва и три старца съели по одному плоду жизни. Танский монах, узнав о том, что плоды эти священны, не стал отказываться и тоже съел один плод. По плоду досталось Сунь У-куну и его товарищам. Вместе со всеми съел один плод также и сам праведник Чжэнь-юань. И, наконец, остальные обитатели монастыря разделили между собой один плод. После этого Сунь У-кун поблагодарил бодисатву за помощь и проводил ее до горы Путоянь, проводил он также и трех старцев до волшебной страны Пэнлай.

Между тем праведник Чжэнь-юань распорядился, чтобы накрыли столы, принесли вина и постной пищи и заключил с Сунь У-куном братский союз.

Не зря говорят, что, если не подерешься, так и не узнаешь как следует друг друга. Случилось так, что чужие люди породнились. Сюань-цзан и его ученики остались очень довольны. Час был поздний, и все удалились на покой.

О событиях последующего дня и о том, как паломники расстались с хозяевами и продолжали свой путь, вы узнаете из следующей главы.

**Глава двадцать седьмая,
из которой вы узнаете о том, как дух
Трупа трижды преграждал путь Сюань-
цзану и как Сюань-цзан, разгневавшись на
прекрасного Царя обезьян, прогнал его от себя**

На следующее утро Сюань-цзан и его ученики собрали свои вещи и хотели отправляться в путь, но праведник Чжэнь-юань решительно отказался отпустить их. Побратавшись, праведник с Сунь У-куном очень сдружились. Снова был устроен пир. Так Сюань-цзан с учениками прожил в монастыре еще дней шесть.

А надо вам сказать, что Сюань-цзан, съев плоды жизни, как бы полностью переродился: он почувствовал себя бодрым, жизнерадостным и очень сильным. Все его помыслы были направлены к тому, чтобы побыстрее получить священные книги: ему очень не хотелось задерживаться. Наконец они двинулись в путь.

И опять через некоторое время перед ними выросла высокая гора.

– Ученики мои, – сказал тогда Сюань-цзан, – гора эта сурова и неприступна, боюсь, что наш конь не одолеет ее. Нам следует быть очень осторожными.

– Не беспокойтесь, учитель, – сказал Сунь У-кун. – Мы всё отлично понимаем.

Идя впереди и держа наперевес посох, прекрасный Царь обезьян прокладывал в горах путь. Вскоре они поднялись на вершину. Тут перед ними раскрылись необозримые пространства:

Все громоздились пики
И уходили ввысь
И горные потоки
Стремительно неслись.
Олени и архары
Скакали по горам,
Бродили стаями волки,
Скрывались тигры там,
И кабаны стадами
Средь зарослей паслись,
А сколько было зайцев
И золотистых лис!
И злобные гадюки
Ползли из пышных трав,
Гнилой туман из пасти
Выбрасывал удав,
Все змеи извергали
Тяжелый, душный смрад.
Кустарник цепкий стлался
Средь каменных громад.
И выпрямляли сосны
Величественно стан,
Смоковницы теснились
В густых сетях лиан,

И вдаль, до горизонта
Плыл аромат травы;
Касались эти горы
Небесной синевы.
Медведицы созвездья
Они достичь могли,
До Северного моря
Их тени пролегли.

Эта картина повергла Сюань-цзана в ужас, но тут Великий Мудрец Сунь У-кун, размахивая своим посохом, издал такой страшный крик, что волки и гады от страха попрятались, а тигры и барсы разбежались в разные стороны. Когда путники, углубившись в горы, достигли самых высоких вершин, Сюань-цзан вдруг обратился к Сунь У-куну:

– Я сильно проголодался. Ты попросил бы где-нибудь немного еды.

– Да вы что, с ума сошли? – улыбнулся Сунь У-кун. – Ведь здесь нет ни деревень, ни постоянных дворов, где же это я вам пищу достану? Тут и за деньги ничего не купишь.

Такой ответ очень расстроил Сюань-цзана.

– Эх ты, обезьяна! – сказал он сердито. – Вспомни то время, когда ты на горе Усиншань был заточен Буддой в каменный ящик. Тогда ты мог лишь говорить, но не имел возможности двигаться. Ведь ты спас свою жизнь только благодаря мне. Затем ты был посвящен в монахи и стал моим учеником. Почему же ты постоянно проявляешь нерадивость?

– Как же это я проявляю нерадивость? – удивился Сунь У-кун. – Ведь я служу вам верой и правдой.

– В таком случае почему ты не хочешь достать мне еды? Разве могу я идти голодным? Кроме того, этот туман и вредные испарения помешают нам добраться до храма Раскатов грома.

– Ладно, учитель, не сердитесь, – сказал тут Сунь У-кун. – Я знаю, вы человек гордый и самолюбивый и, если чем-нибудь вам не угодить, вы, чего доброго, начнете читать свои заклинания. Сойдите с коня и спокойно сидите здесь, а я пойду посмотрю, где тут есть жильё, и, может быть, что-нибудь достану.

Одним прыжком Сунь У-кун очутился на облаке и, приложив руку к глазам, стал внимательно осматриваться. В западном направлении он так ничего и не обнаружил. Кругом стояла мертвая тишина: ни деревень, ни поселений не было видно. Один только лес темнел. Сунь У-кун долго осматривал местность и вдруг к югу увидел высокую гору. Склон ее, обращенный к солнцу, был усеян какими-то ярко-красными пятнами. Тут Сунь У-кун опустился на своем облаке и сказал:

– Учитель, сейчас я принесу вам поесть!

Когда Трипитака поинтересовался, что ему удалось найти, Сунь У-кун сказал:

– Здесь нет жилья и попросить подаюния не у кого. Зато на горе, что к югу, видны какие-то красные пятна, видимо, персики. Сейчас отправлюсь туда и принесу вам несколько штук.

– Персики – самая лучшая пища для монахов, – обрадованно сказал Сюань-цзан.

Мы не будем подробно рассказывать о том, как Сунь У-кун, захватив чашку для сбора подаюний, сделал прыжок и на чудесном луче молнией понесся по воздуху, так что только ветер свистел в ушах. Через какой-нибудь миг он уже был на южной горе и рвал персики.

Не зря говорят, что «когда гора высока, на ней водятся оборотни, а если горные хребты обрывисты, там можно встретить духов». Так и на этой горе был свой оборотень. Полет Великого Мудреца за персиками растревожил его. Восседавая на облаке, гонимым северным ветром, этот оборотень вдруг увидел Сюань-цзана и пришел в неопиcуемый восторг.

«Ну, мне отчаянно повезло! – подумал он. – Последнее время только и говорят о Танском монахе, который идет за священными книгами. Этот монах подвергался перевоплощениям. Он совершенствовался в течение десяти поколений, и тот, кто съест хотя бы кусочек его тела, станет бессмертным».

Оборотень приготовился было схватить Сюань-цзана, но, обнаружив, что с обеих сторон его охраняют, не решился приблизиться к нему.

«Кто же это охраняет его», – подумал он, и тут же решил, что это Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Конечно, они не обладают какими-либо необычайными способностями, однако Чжу Ба-цзе был небесным полководцем, а Ша-сэн – распорядителем церемоний. Нет сомнения в том, что они все еще могущественны. Не решаясь приблизиться к Сюань-цзану, оборотень подумал:

«Сыграю-ка я над ними штуку. Посмотрим, что они станут делать!»

О, чудесный дух! Он остановил свое облако, спустился в ущелье и, встряхнувшись, превратился в прелестную девушку, с круглым, как луна, лицом. У нее были очень красивые брови и глаза, зубы сверкали белизной, губы адели. Держа в одной руке глиняный сосуд, а в другой – зеленую фарфоровую бутылку, девушка направилась прямо на восток, туда, где сидел Танский монах.

У самого обрыва
Монах сдержал коня, —
Красавица предстала,
Улыбкою маня.

Приоткрывались ручки
Движеньем рукава,
И ножка из-под юбки
Видна была едва;

Казались капли пота
Росою на цветке,
Чернели брови ивой,
Склоненною к реке;

Увидел он, решившись
Внимательней взглянуть,
Что странникам навстречу
Красотка держит путь.

– Чжу Ба-цзе, Ша-сэн, – промолвил Сюань-цзан. – Вы слышали, как Сунь У-кун говорил о том, что здесь нет людей? А ну-ка, взгляните, кто это там идет?

– Учитель, – сказал Чжу Ба-цзе. – Побудьте пока с сэном, а я мигом разужнаю, в чем там дело.

Положив грабли, Чжу Ба-цзе поправил на себе одежду и с важным видом, степенно, пошел навстречу женщине. Верно говорят: то, что издали кажется туманным, вблизи приобретает отчетливую форму. К ним приближалась настоящая красавица!

Чернели брови
Ивой у воды,
В очах миндалевидных
Свет звезды;

Лицом прекрасна,
Как луна, белая,
Она была
Приятно весела;
Напоминала
Ласточку она,
И щебетала иволгой, —
Нежна, —
Как яблони
Раскрывшийся бутон,
Как шао-яо¹⁵,
Что солнцем озарен.

Увидев женщину, Дурень тотчас же воспылал к ней страстью и стал молоть всякую чепуху.

– Красотка, куда путь держите? И что это у вас в руках? – спросил Чжу Ба-цзе.

Ему и в голову не приходило, что перед ним дух-оборотень.

– Почтенный монах, – поспешила ответить женщина, – в этом горшке ароматная каша, а в зеленом кувшине – жареная лапша. Пришла я сюда лишь только потому, что дала обет помогать монахам.

Чжу Ба-цзе остался очень доволен ее ответом и вихрем помчался к Сюань-цзану.

– Учитель, – сказал он. – Поистине «Небо заботится о достойных людях». Проголодавшись, вы послали нашего брата поискать для вас какой-нибудь пищи, но мы даже не знаем, куда эта обезьяна отправилась за персиками. Кроме того, много их не съешь, так как от них может сильно заболеть живот. А тут пришел человек с подаянием.

– Ты, негодник, – недоверчиво сказал Сюань-цзан, – вечно лезешь со всякими глупостями! С тех пор как мы покинули монастырь Учжуангуань, мы не встретили ни одного хорошего человека, кто же станет заботиться о монахах и приносить им подаяние?

– Вот кто! – воскликнул Чжу Ба-цзе.

Увидев женщину, Сюань-цзан поспешил встать и, сложив на груди руки, промолвил:

– О благодетельница! Где ваш дом, из какого вы рода и что за обет дали?

Сюань-цзан тоже не сумел распознать оборотня. А тот стал всячески изощряться и рассказывать всякие небылицы.

– Учитель, – сказал он, – эти горы называются «Хребет белого тигра». Его избегают и змеи и звери. Вот к западу отсюда и живет моя семья. Мои родители сейчас находятся дома. Они любят читать священные книги и делают добрые дела. Монахи всех окрестных монастырей облагодетельствованы ими. У них долгое время не было детей, но они горячо молились, и небо послало им меня. Я хотела найти себе мужа и уйти жить к нему. Но родители боялись, что на старости лет у них не будет опоры, и решили принять зятя к себе в дом, чтобы спокойно дожить до конца дней своих.

– Дорогая, – сказал, выслушав ее, Сюань-цзан. – Что-то нескладно у вас получается. В священных книгах сказано: «Если у тебя живы отец и мать, не уезжай от них далеко. А если поедешь, то держи себя строго». Ты говоришь, что родители твои живы и нашли тебе мужа, значит, обет, данный тобой, мог выполнить твой муж. Почему же ты одна бродишь по горам? Женщине это не пристало.

Выслушав это, красавица усмехнулась и стала убеждать монаха в правдивости своих слов:

¹⁵ Шао-яо. – Водяной каштан, корни которого употребляются как тоническое средство.

– Учитель, в ущелье на северном склоне горы мой муж с работниками полет сейчас посева. Вот я и отправилась туда отнести им обед. Ведь сейчас страдная пора и нанять работников очень трудно. А родители у меня старые, мне и приходится самой относить еду. Увидев вас, я поняла, что вы – странствующие монахи, и вспомнила, что мои родители всю жизнь делали людям добро, потому я и решила отдать обед вам. Если не брезгуете, то сделайте милость: примите от меня этот скромный дар.

– О небо, небо! – воскликнул Сюань-цзан. – Мой ученик только что отправился за персиками и вот-вот должен вернуться. А если мы съедим обед твоего мужа, то он, узнав об этом, станет ругать тебя, ну и вина, естественно, ляжет на нас, монахов.

Видя, что Танский монах решительно отказывается принять угощение, женщина очень вежливо произнесла:

– Дорогой учитель! Мои родители благодетельствовали многих монахов. Но должна вам сказать, что мой супруг – человек еще более добродетельный. Всю жизнь он строит мосты, прокладывает дороги и всегда помогает старикам и бедным. Если он узнает, что я накормила вас, то станет относиться ко мне еще лучше. Мы не то, что другие.

Между тем Сюань-цзан, решительно отказываясь от предлагаемой ему пищи, окончательно расстроил Чжу Ба-цзе. Дурень надулся и сердито ворчал:

– Много монахов на свете, но вряд ли найдешь среди них более бестолкового, чем этот. Мы могли бы поесть сейчас втроем, еда, можно сказать, у нас в руках, так нет же, ему непременно нужно дождаться обезьяны, чтобы и ее накормить.

Наконец терпение у Чжу Ба-цзе лопнуло, и он, схватив обеими руками горшок, хотел разом все съесть.

Между тем Сунь У-кун, набрав на вершине южной горы персиков и сложив их в миску, сделал прыжок в воздухе и в тот же миг очутился рядом с учителем. Пристально взглянув на женщину своими огненными глазами, он тотчас же признал в ней духа-оборотня и, поставив на землю миску, схватил свой посох.

– Сунь У-кун! – испуганно воскликнул Сюань-цзан, схватив его за руку. – Кого это ты собираешься бить?

– Учитель, – сказал тогда Сунь У-кун. – Не думайте, что женщина, которую вы видите, – хороший человек. Это – дух, он обманул вас.

– Ах ты, обезьяна, – отвечал на это Сюань-цзан. – Ты, конечно, доказал свою прозорливость, но это вовсе не значит, что сейчас должен болтать всякий вздор. Эта женщина явилась сюда с благими намерениями и изъявила желание накормить нас, как же смеешь ты после этого называть ее оборотнем?

– Учитель, ничего вы не знаете, – промолвил Сунь У-кун. – Когда я был духом в пещере Водного занавеса и думал о том, как поесть человеческого мяса, я прибегал точно к таким же уловкам: либо превращался в золото и серебро, либо принимал вид столика, а иногда притворялся пьяным или же становился красавицей. И если находился какой-нибудь дурак, который влюблялся в меня, я заманивал его в пещеру и здесь делал с ним все, что было моей душе угодно: или поджаривал, или варил. А если не мог съесть сразу, то вялил про черный день. Запоздай я сейчас немного, учитель, и вы, безусловно, попали бы к нему в ловушку.

Однако Сюань-цзан никак не мог поверить тому, что говорил Сунь У-кун, и твердил свое.

– Ну, теперь мне все понятно, – сказал Сунь У-кун. – Просто вы не устояли перед такой красавицей и в вас проснулись человеческие страсти. Ну что ж, в таком случае велите Чжу Ба-цзе срубить несколько деревьев. Ша-сэн же пусть наберет травы, а я буду за плотника и сооружу вам уютное гнездышко. Наслаждайтесь в свое удовольствие. А мы пойдем каждый своей дорогой. Зачем тащиться за какими-то там священными книгами и переживать разные трудности.

Сюань-цзан, будучи по натуре человеком мягким и добрым, не мог снести подобного оскорбления и весь зарделся.

А Сунь У-кун между тем решил показать себя. Он размахнулся и ударил оборотня посохом по голове. Однако оборотень тоже умел прибегать к различным волшебным способам. Как только Сунь У-кун занес над его головой посох, он применил способ «освобождение от телесной оболочки», встряхнулся и, прежде чем Сунь У-кун успел ударить его, выпустил душу из тела, которое так и осталось лежать на земле бездыханным. Перепуганный насмерть Сюань-цзан весь дрожал и читал про себя молитвы.

– Эта обезьяна продолжает безобразничать, – бормотал он. – Никакие увещевания не действуют на нее. Взяла вот и ни за что, ни про что погубила человеческую жизнь.

– Не сердитесь, учитель, – промолвил Сунь У-кун. – Вы лучше посмотрите, что находится в горшке.

И вот, когда Сюань-цзан, поддерживаемый под руку сэном, приблизился к горшку, то вместо каши из ароматного риса обнаружил там ползающих червей, которые тащили свои хвосты, а вместо лапши увидел зеленых лягушек и жаб, которые ползали вокруг. Тут Сюань-цзан призадумался над словами Сунь У-куна и готов был уже поверить тому, что тот сказал. Однако подстрекательства Чжу Ба-цзе, который никак не мог успокоиться, оказали свое действие.

– Как можно было принять эту женщину за оборотня? – говорил Чжу Ба-цзе. – Ведь она из местных поселян и встретила нас только потому, что несла мужу в поле обед. Посох нашего брата чересчур тяжел, и стоило Сунь У-куну прикоснуться им к женщине, как она тут же отдала богу душу. Сунь У-кун ничуть не боится заклинания о сжатии обруча. Посредством волшебства он затуманил ваши глаза и совершил это превращение. Он делает все это для того, чтобы вы не читали своего заклинания.

Слова Чжу Ба-цзе оказались роковыми. Сюань-цзан поддался на подстрекательства Дурня и, щелкнув пальцами, стал читать заклинание.

– Ой, больно! – закричал Сунь У-кун. – Умоляю вас, остановитесь. Если хотите что-нибудь сказать мне, пожалуйста, говорите.

– Какие тут еще могут быть разговоры, – возмутился Сюань-цзан. – Отрекшийся от мира должен совершать только добрые дела, читать молитвы и никогда не забывать о добродетели: «Подметая пол, надо стараться не причинить вреда даже муравью и жалеть мотылька, полетевшего на огонь». Как же ты смеешь на каждом шагу творить зло? Вот и сейчас ты ни за что, ни про что убил человека. Зачем же тебе идти за священными книгами? Возвращайся лучше обратно!

– Куда же вы меня посылаете, учитель? – спросил Сунь У-кун.

– Отныне я не желаю считать тебя своим учеником, – отвечал Сюань-цзан.

– Боюсь, что без меня вы никогда не доберетесь до Индии, – произнес Сунь У-кун.

– Моя судьба в руках неба, – смиренно отвечал Сюань-цзан. – Если мне суждено, чтобы какой-нибудь дух сварил и съел меня, – значит, так и будет. Разве сможешь ты предотвратить мою смерть? Еще раз говорю тебе – иди обратно!

– Вернуться, конечно, можно, ничего хитрого в этом нет, – сказал Сунь У-кун. – Беда лишь в том, что я не успел отблагодарить вас за оказанную мне милость.

– О какой милости ты говоришь? – спросил Сюань-цзан.

Тогда Великий Мудрец встал перед Сюань-цзаном на колени и, отбивая поклоны, промолвил:

– За то, что я учинил дебош в небесных чертогах, меня подвергли тягчайшему наказанию: наш святейший Будда заточил меня под гору Усиншань. Но, к счастью, бодисатва Гуаньинь постригла меня в монахи, и благодаря вам, учитель, я был освобожден из заточения. И теперь, если я не буду следовать с вами до Индии, значит, я «поступил неблагородно и не отплатил за оказанную мне милость» и меня, неблагодарного, будут поносить во веки веков.

У Танского монаха было доброе сердце. Видя искреннюю печаль Сунь У-куна, он изменил свое решение и сказал:

– Ну, если все это правда, то на сей раз я помилую тебя. Смотри только, больше не безобразничай. Иначе я буду читать заклинание не менее двадцати раз!

– Как вам будет угодно, – согласился Сунь У-кун. – Вы можете читать хоть тридцать раз, но людей я убивать не буду.

После этого Сунь У-кун помог монаху сесть на коня и поднес ему персики. Сюань-цзан съел несколько штук и немного утолил голод.

Однако вернемся к оборотню, которому удалось спасти свою жизнь и взлететь на небо. Вы уже знаете о том, что Сунь У-кун не убил волшебника, так как душа его успела покинуть телесную оболочку. И теперь, сидя на облаке, волшебник от злости скрежетал зубами.

– Вот уже несколько лет я слышу о необычайной силе Сунь У-куна, – кипия ненавистью, размышлял он, – и сегодня убедился, что не зря о нем такая слава идет. Танский монах не опознал во мне оборотня и совсем было собрался отведать моего угощения. Стоило ему только понюхать мое зелье, и он был бы у меня в руках. Так надо же было явиться этому Сунь У-куну и испортить все дело. Но мало этого. Он чуть было не прикончил меня. Выходит, я зря трудился. Нет, не могу я так просто отпустить этого монаха. Спустишь-ка я еще раз вниз и сыграю с ними еще одну штуку.

О, чудесный волшебник! Он опустился на склон горы, встряхнулся всем телом и мигом превратился в дряхлую старуху с палкой в руках, которая, плача, медленно пошла вперед.

– Учитель, беда, – испуганно вскрикнул Чжу Ба-цзе. – Эта старушка, несомненно, кого-то ищет.

– Кого же это она может искать? – спросил Сюань-цзан.

– Женщина, которую убил наш брат, конечно, приходится ей дочерью. Вот она и ищет ее, – сказал Чжу Ба-цзе.

– Не болтай глупостей! – крикнул на него Сунь У-кун. – Той женщине было не больше восемнадцати лет, а старухе, пожалуй, все восемьдесят. Что же, по-твоему, она родила, когда ей было уже за шестьдесят? Нет, тут что-то нечисто. Погодите, я выясню, в чем дело.

И, зашагав вперед, Сунь У-кун подошел прямо к старухе:

На грудь старухи мнимой опускались,
Как две сосульки, две седые пряди;
Она едва плелась, трясясь, хромая,
С опаской боязливой в мутном взгляде.

Как чайный лист сухой – лицо в морщинах,
Беспомощное, все иссохло тело,
Вперед далеко выдвинулись скулы,
И нижняя губа ее висела.

Как с молодостью старости равняться!
Уж складки кожи на кошель похожи,
Который бережливою рукою,
Как лотоса листок, умело сложен.

Сунь У-кун тотчас же понял, что перед ним дух, и без дальнейших рассуждений взмахнул своим посохом. Однако дух, как и в первый раз, встряхнулся, душа его покинула телесную оболочку, а на дороге осталась лежать убитая старуха. Увидев это, Сюань-цзан сошел с коня

и, распростершись у дороги, стал читать заклинание о сжатии обруча. Читал он его не мало, не много двадцать раз.

Посмотрели бы вы, что творилось с бедной головой Сунь У-куна! Она стала похожа на тыкву-горлянку. А он сам от нестерпимой боли катался по земле.

– Учитель, пощадите! – не выдержав, взмолился он. – Если вы хотите что-нибудь сказать мне, говорите, пожалуйста!

– Что-нибудь сказать, – повторил Сюань-цзан. – Когда монах следует добрым советам, он не попадает в ад. Ведь я как будто убедил тебя, почему же ты снова сотворил зло? Как можно убивать одного за другим ни в чем не повинных людей?

– Да ведь это волшебник, – сказал Сунь У-кун.

– Все это ерунда, – возмутился Сюань-цзан. – Что-то много волшебников у тебя развелось. Ты просто не стремишься к добру, и на уме у тебя одно зло. Сейчас же убирайся!

– Что же, – отвечал Сунь У-кун, – раз вы гоните меня, я могу уйти. Одно только меня беспокоит.

– Что же именно? – спросил Сюань-цзан.

– Учитель, – вмешался в разговор Чжу Ба-цзе, – он хочет поделить с вами вещи. Неудобно ведь возвращаться с пустыми руками после того, как он столько лет сопровождал вас. Дайте ему из своего узла что-нибудь старое – рубашку или шапку.

От негодованья Сунь У-кун даже подскочил.

– Я тебя, скотина! – заорал он. – С тех пор как я стал монахом, мне чужды и зависть и корыстолюбие. Как же ты смеешь говорить о каких-то вещах!

– Почему же в таком случае ты не уходишь? – спросил Сюань-цзан.

– Что же, не стану обманывать вас, учитель, – сказал Сунь У-кун. – Пятьсот лет назад, когда я жил в пещере Водного занавеса, на горе Цветов и плодов и был в зените славы, я победил духов – повелителей семидесяти двух пещер, и мне подчинялись сорок семь тысяч духов. В те времена я носил корону из червонного золота, желтый кафтан с синим поясом и туфли для хождения по облакам. В руках у меня был посох желаний с золотыми обручами. В общем, я был, как говорится, настоящим человеком. Но когда я понял, что от преступления можно спастись через нирвану, дал монашеский обет и сделался вашим учеником, на голове моей очутился этот обруч. Возвращаться с ним в свои владения мне неудобно. И если вы, учитель, не хотите, чтобы я сопровождал вас, прочитайте, пожалуйста, заклинание об освобождении меня от этого обруча и наденьте его на кого-нибудь другого. Тогда я смогу спокойно вернуться к себе домой, ведь часть пути я все же сопровождал вас. Так неужели в вас нет хоть капли жалости ко мне?

– Сунь У-кун, – сказал изумленный Танский монах. – Я знаю только заклинание о сжатии обруча, ни о каком другом заклинании мне бодисатва не говорила.

– Тогда, – сказал Сунь У-кун, – вам придется идти со мной и дальше.

Сюань-цзан вынужден был согласиться.

– Ну ладно, вставай. Еще раз прощаю тебя. Но смотри, чтобы впредь этого больше не было!

– Можете не сомневаться! – заверил Сунь У-кун.

И он снова помог Сюань-цзану сесть на коня, а сам пошел впереди.

Но вернемся к оборотню. Итак, второй удар Сунь У-куна не причинил ему никакого вреда. Находясь в воздухе, этот оборотень восхищался провидением Сунь У-куна.

«Чудесный Царь обезьян! – думал он. – У него действительно дар провидца. В любом превращении он сразу же распознает меня. А монахи идут довольно быстро. Если они перейдут эту гору и уйдут на сорок ли к западу, то выйдут из моих владений. А вдруг их там поймают другие духи? После этого меня просто засмеют и я потеряю всякое уважение. Попробую-ка еще разок подшутить над ними».

О, чудесный волшебник! Остановив на вершине северный ветер, он на склоне горы встряхнулся и превратился в почтенного старца:

Как у Пэн-цзу¹⁶, глава его седа,
У духов звезд такая ж борода,
Вложил он в уши, как глухой, – нефрит, —
Пусть это било легкое звенит!

Сверкал, как звезды, взор его живой,
А посох был с драконьей головой.
Был на халате журавлиный пух...
Так шел старик, псалмы читая вслух.

Увидев старца, Танский монах пришел в восторг.

– Амитофо! – воскликнул он. – Да эта Западная страна – поистине благодатный край. Старик, который едва волочит ноги, и тот считает своим долгом выполнять закон Будды и читает псалмы.

– Погодите, учитель, – заметил тут Чжу Ба-цзе. – Как бы этот старик не стал источником новой беды.

– Это почему же? – удивился Танский монах.

– Наш брат убил его дочь и жену и теперь он, конечно, пошел искать их. Если нас впутают в это дело, учитель, то придется вам поплатиться собственной жизнью. Ну а меня как соучастника сошлют куда-нибудь в отдаленные места на военную службу. Ша-сэна обвинят в подстрекательстве и отправят на принудительные работы. Зато наш брат, Сунь У-кун, прибежит к волшебству, станет невидимым и скроется. Ему не придется переживать бедствий, какие выпадут на нашу долю.

– Какой же ты дурень, – сказал, выслушав его, Сунь У-кун. – Ведь своей глупой болтовней ты можешь напугать учителя. Сейчас пойду узнаю, что это за старец.

Спрятав под одеждой посох, он пошел навстречу старцу.

– Почтенный господин, – обратился он к нему, – куда путь держите? И почему это вы на ходу псалмы читаете?

На сей раз волшебник просчитался, решив, что Сунь У-кун ведет себя как обыкновенный человек и, не задумываясь, ответил:

– Почтенный отец! Всю свою жизнь я провел в этих местах, занимался благотворительными делами и любил читать буддийские священные книги. Судьба не послала мне сына, была у меня единственная дочь. Я взял к себе в дом зятя. И вот сегодня дочь отправилась на поле относить мужу обед и не вернулась. Очевидно, попала в пасть тигру. Жена пошла искать ее и тоже не вернулась. И вот сейчас я сам отправился на поиски. Если они действительно погибли, соберу их останки и похороню на семейном кладбище.

– Ну, вот что, – рассмеялся Сунь У-кун. – Ты, выдающий себя за моего предка. Жизнь тебе надоела, что вздумал надувать меня? Нет, провести меня не удастся. Я отлично знаю, кто ты.

Волшебник был так поражен, что не мог даже слова вымолвить. А Сунь У-кун между тем схватил свой посох, но тут же остановился.

«Если я не убью его, он наверняка причинит нам неприятности. А если убью, учитель снова начнет читать заклинание. Но ведь он может воспользоваться случаем и схватить учителя, а тогда хлопот не оберешься... Нет, правильнее все-таки убить его, – решил, наконец,

¹⁶ Пэн-цзу – китайский Мафусаил: по преданию, жил 800 лет.

Сунь У-кун. – Ну, пусть учитель читает заклинание. Но ведь не зря говорит пословица: «Тигр не ест своих детенышей». Уж как-нибудь я постараюсь уговорить его. Может быть, и обойдется».

Тут Великий Мудрец произнес заклинание, и перед ним предстали местные духи – хранители земли и гор.

– Этот волшебник, – сказал он им, – третий раз обманывает нашего учителя. Но сейчас я хочу наконец разделаться с ним. Вы поднимитесь в воздух и будьте свидетелями. Уходить никому не разрешаю.

Ни один из духов не посмел нарушить приказа. Все они поднялись на облако и стали наблюдать за тем, что происходит на земле.

А Великий Мудрец в это время взмахнул своим посохом и ударил волшебника. Тот сразу же испустил дух. Сидевший на коне Сюань-цзан задрожал от ужаса и не мог вымолвить ни слова, в то время как Чжу Ба-цзе только расхохотался.

– Ну и молодец Сунь У-кун! – крикнул он. – До чего разошелся! Не прошло еще и полдня, как он успел убить трех человек!

Танский монах хотел было произнести заклинание, но Сунь У-кун подбежал к нему и крикнул:

– Учитель! Погодите! Вы лучше взгляните, что осталось от этого волшебника.

Сюань-цзан посмотрел и увидел груды истлевших белых костей.

– Сунь У-кун! – с изумлением воскликнул он. – Ведь ты его только что убил, как же мог он так быстро превратиться в груды костей?

– Это была душа, скрывшаяся в трупe, оборотень, который заманивал людей и причинял им зло, но сейчас он потерпел поражение. И вот, когда я убил его, он предстал в своем настоящем виде. На хребте у него написано: «Женщина – скелет».

Выслушав это, Сюань-цзан наконец поверил Сунь У-куну. Но тут опять вмешался Чжу Ба-цзе:

– Учитель, – не отставал он. – Рука у Сунь У-куна тяжелая, а посох такой, что и подумать о нем страшно. Сунь У-кун убил человека, но, опасаясь, как бы вы не стали произносить заклинание, тут же превратил его в груды костей, чтобы ввести вас в заблуждение.

Будучи от природы человеком доверчивым, Танский монах послушался Чжу Ба-цзе и стал читать заклинание. Обезумев от боли, Сунь У-кун опустился на колени и взмолился:

– Остановитесь! Остановитесь! Если вы хотите что-нибудь сказать мне, так прошу вас, говорите скорее!

– Обезьяна ты! Какие тут еще могут быть разговоры! Тот, кто отрекся от мира и совершает добрые дела, подобен весенней траве. Ты не замечаешь, как с каждым днем она становится все выше и выше. Тот же, кто творит зло, подобен точильному камню. Ты не замечаешь, как с каждым днем он становится все меньше. Ты убил подряд трех человек. Но в этом глухом и пустынном месте свидетелей нет и некому донести на тебя. Ну а что будет, когда мы попадем в город, где много народу? Ведь если ты и там начнешь действовать своим злосчастным посохом и без разбору избивать людей, то натворишь таких бед, что трудно будет рассчитывать на спасение. Короче говоря, сейчас же убирайся!

– Вы напрасно сердитесь на меня, учитель, – выслушав его, сказал Сунь У-кун. – Неужели вы не понимаете, что этот старец был злым духом? Ведь он намеревался причинить вам зло. Убив его, я вас же избавил от беды. А вы не хотите этого понять, прислушиваетесь к словам Дурня и каждый раз прогоняете меня. Пословица гласит: «Терпеть можно до трех раз». И если бы я сейчас не ушел от вас, то был бы самым презренным и ничтожным монахом. Я уйду! Но помните, что без меня вам будет трудно.

– Ну что за низкая обезьяна! – возмутился Сюань-цзан. – С каждым днем она становится наглее! Что ж, по-твоему, только ты человек, а У-нэн и У-цзин не люди?

Эти слова привели Сунь У-куна в полное отчаяние.

– О небо! – воскликнул он. – вспомните то время, когда вы отправились в путь из Чань-ани и сопровождал вас только Лю Бо-цинъ – охотник. Ведь после того как вы достигли горы Усиншань, освободили меня и я поклонился вам, как своему учителю, я проникал в древние пещеры, входил в дремучие леса, вылавливал злых духов и оборотней, умирал Чжу Ба-цзе, поймал Ша-сэна и каких только мук и трудностей не перетерпел за это время! А вы потеряли прозорливость, ничего не хотите понимать и только знаете, что прогонять меня. Недаром говорит пословица: «Когда нет птиц – лук прячут, когда заяц умирает – варят собаку»¹⁷. Ладно! Пусть будет по-вашему! Но как быть с заклинанием о сжатию обруча?

– Я больше не буду его произносить, – отвечал Сюань-цзан.

– Ну, этому трудно поверить, – усомнился Сунь У-кун. – Когда вы попадете в безвыходное положение, из которого вас не смогут выручить ни Чжу Ба-цзе, ни Ша-сэн, вы, конечно, вспомните обо мне и снова прибегнете к заклинанию. И где бы я ни находился в этот момент, пусть за сотни тысяч ли, оно все равно окажет свое действие, и я снова вернусь к вам. Так не лучше ли сейчас отказаться от вашего намерения?

Но чем больше говорил Сунь У-кун, тем сильнее сердился Танский монах. Он слез с коня и велел Ша-сэну достать из узла бумагу и кисть. Затем, зачерпнув в ручье воды, растер на камне тушь и написал Сунь У-куну бумагу об отставке.

– Вот возьми этот документ, обезьяна, – сказал он. – Отныне я не желаю считать тебя своим учеником! Лучше мне провалиться в преисподнюю, где подвергаются самым жестоким пыткам, нежели увидеть тебя снова.

– Учитель, не нужно давать клятвы, – сказал Сунь У-кун, поспешно взяв бумагу. – Я и так уйду.

Затем он сложил бумагу, спрятал ее в рукав и кротко обратился к Сюань-цзану:

– Учитель, мы прошли с вами не малый путь. Кроме того, я получил от бодисатвы наставления. Жаль, что все дело рухнуло и я не смогу выполнить данного мне поручения. А теперь прошу вас сесть, учитель, и принять мои поклоны. Тогда я с легким сердцем покину вас.

Однако Танский монах отвернулся от него и тихо проговорил:

– Я честный монах и не хочу принимать почести от таких злодеев, как ты!

Тогда Великий Мудрец выдернул из головы три волоска, подул на них волшебным дыханием и крикнул:

– Изменитесь!

В тот же миг появилось еще три Сунь У-куна. Они окружили Сюань-цзана, склонились перед ним, и ему волей-неволей пришлось принять поклоны.

После этого Великий Мудрец выпрямился, встряхнулся, водворил волоски на место и обратился к Ша-сэну.

– Уважаемый брат, – сказал он. – Ты человек хороший, но смотри, остерегайся наветов Чжу Ба-цзе. В пути ведите себя очень осторожно. Если случится беда и какой-нибудь злой дух захватит нашего учителя, то ты скажи, что его главным учеником является Сунь У-кун, а западные волшебники слышали о моей силе и не осмелятся причинить зло нашему учителю.

– Я честный монах! – сказал тут Сюань-цзан. – И не хочу, чтобы при мне упоминали твое злодейское имя. Можешь уходить от нас.

Окончательно убедившись в том, что Сюань-цзан не изменит своего решения, Великий Мудрец понял, что надо уходить.

Перед учителем в слезах
Он положил поклон,

¹⁷ «Когда нет птиц...» – соответствует пословице: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Беречь учителя в пути
Ша-сэна просит он.
И на лужайке истоптал
В отчаянье траву,
На землю глядя, средь лиан,
Он преклонил главу.
Был у него особый дар:
Взмываться колесом,
На землю опускаться вновь
Стремительным броском;
Свободно, как никто другой,
Моря пересекал
И не страшился на пути
Он высочайших скал.
Исчез он сразу... не успеть,
Казалось, и мигнуть,
Как воротился Сунь У-кун
Опять на старый путь.

С трудом преодолевая боль разлуки со своим учителем, Великий Мудрец совершил стремительный прыжок и полетел к пещере Водного занавеса на горе Цветов и плодов. Одинокó сидя на облаке, он тяжело переживал свалившуюся на него беду. Вдруг до него донесся шум воды. Взглянув вниз, Великий Мудрец увидел, что под ним бушуют воды Великого Восточного моря. Тут он снова вспомнил о Танском монахе, и по лицу у него неудержимо потекли слезы. Остановив свое облако, он долго оставался на месте и наконец полетел дальше.

Чем же закончилось его путешествие, вам расскажет следующая глава.

**Глава двадцать восьмая,
повествующая о том, как на горе Цветов и плодов
собрались духи и волшебники и как Сюань-
цзан повстречал в лесу Черной сосны оборотня**

Итак, Великий Мудрец, изгнанный Танским монахом, тяжело переживал свое горе и, как вы уже знаете, неожиданно увидел воды Восточного моря.

«А ведь я целых пятьсот лет не бывал в этих местах», – подумал Сунь У-кун.

Вздымаются волны,
Бурля и вскипая,
И нет им конца,
Ни конца нет, ни края...

Путь Млечный задело
Свирепой волною,
Бушует вода
Под корою земною...

Прибой кровожадней
Могучего зверя —
Он пену с размаха
Бросает на берег...

Вода, сверхъестественной
Силой влекома,
Гремит, как раскаты
Весеннего грома.

Вода ненасытная
Берег кромсает,
А ветер неистовый
Волны бросает...

Счастливый старик,
Оседлавший дракона,
Нахмурясь, летит
Над пучиной бездонной.

На аисте быстром
Промчавшейся тенью,
Прислужник святого
Изведал волнение!..

На бреге пустынном
Ни дома, ни крова,

Ни лодок рыбацких
Средь моря пустого.

Здесь тысячи лет
Без конца, неизменно
Вздымает снега
Исполинская пена,

А в месяц шестой
Забывают о лете.
Рождающий осень —
Господствует ветер...

Здесь только порхают
Над берегом птицы
Да белая чайка
Над морем резвится:

Кричит, веселится
Она на просторе —
Других рыбаков
Не знавало здесь море...

Лишь рыбы морские
Не ведают грусти;
Кричат, пролетая,
Печальные гуси...

Сунь У-кун встряхнулся всем телом и сразу же очутился у горы Цветов и плодов, где и снизился на своем облаке на землю. Осмотревшись вокруг, он не увидел ни растений, ни цветов. Исчез и волшебный туман. Горные пики обрушились, лес стоял обожженный.

Что же, вы думаете, здесь произошло? А произошло здесь вот что. Когда Сунь У-кун учинил бунт в небесных чертогах, божественный Эрлан¹⁸ и его семь братьев с горы Мэйшань¹⁹ разрушили владения Сунь У-куна, не оставив здесь камня на камне. Об этом печальном событии сохранились старинные стихи:

В два ручья точил он слезы,
Пред горой священной стоя —
Горевал о том, что дело
Уничтожено святое;

Говорил он сам когда-то,
Что гора неузвима,
Но теперь зияют раны
На его земле любимой,

¹⁸ Эрлан – могучее божество, покорившее Сунь У-куна в бою.

¹⁹ Мэйшань. – Под этим названием известно несколько гор. Одна из них находится в провинции Хунань, другая – в провинции Хэнань и две горы в провинции Аньхуэй. На одной из последних двух, по преданиям, находилась обитель бессмертных.

Враг Эрлан, достойный гнева,
Вторгся к нам, разрушил царство,
И народ мой обмануло
Злого недруга коварство.

И могилы древних предков
Беззаконно осквернили:
Дела нет чужим до предков,
Почивающих в могиле.

Вещий пар, скрывавший небо,
Вдруг развеялся печально,
И туман, скрывавший землю,
Нынче в край умчался дальний.

На горах восточных тигры
Не выходят на поляны,
А на западных – умолкли
Вопли белой обезьяны;

Больше в северных ложбинах
Не найти следов лисицы;
По долинам, по ущельям
Кабарга уже не мчится.

Повалили наши сосны,
Грязью стал песок красивый,
И последний кедр уныло
Зеленеет у обрыва;

А каштаны, ель, софора,
Можжевельник и цебрела,
Сливы, груши, абрикосы —
Все погибло, все сгорело.

Нет кудрадии и тута, —
Не накормишь шелкопряда;
Места нет гнездиться птицам —
Нет ни леса, нет ни сада.

Стало прахом то, что было
Драгоценными камнями,
Высохли ручьи в ущельях,
Не покрыты склоны мхами.

Перепутались лианы...
Где же радостные птицы.
И куда бежали звери?

Даже барс спешит укрыться.

Журавли бегут и змеи,
Общим ужасом гонимы...
Он тогда свои злодейства
Вспомнил с мукой нестерпимой.

И вот, скорбя по поводу этого нового несчастья, обрушившегося на его голову, Сунь У-кун вдруг услышал, что из впадины на склоне горы, поросшей колючим кустарником, доносятся какие-то неясные звуки. Вслед за тем оттуда выскочило несколько обезьян. Они подбежали к Сунь У-куну, окружили его и, земно кланяясь, воскликнули:

– Отец наш, Великий Мудрец! Неужели вы вернулись?

– Почему у вас не слышно ни шума, ни веселья? – спросил прекрасный Царь обезьян. – Все вы куда-то спрятались. Я давно здесь сижу и до сих пор никого не видел.

Услышав это, обезьяны заплакали:

– После того как вас увели на небо, мы попали в беду; ни днем, ни ночью не дают нам покоя охотники. Они гоняются за нами с луками и арбалетами, с желтыми соколами и злыми собаками, расставляют сети, ловят нас на крючья. Вот почему мы боимся даже нос высунуть и забыли о прежних играх и забавах. Мы стараемся забиться в самые отдаленные уголки пещеры. Когда нас начинает мучить голод, мы украдкой выходим на склон горы и питаемся травой, жажду утоляем родниковой водой. Но сейчас, услышав ваш голос, мы осмелились встретить вас и просить вашей помощи и защиты.

Рассказ обезьян поверг Великого Мудреца в еще большее отчаяние.

– Сколько же вас осталось на этой горе? – спросил он.

– Да всех, старых и малых, не больше тысячи, – отвечали те.

– Но прежде, – сказал Великий Мудрец, – в моем подчинении было сорок семь тысяч духов, куда же они делись?

– Как только вас не стало здесь, – сказали тут обезьяны, – нашу гору поджег бодисатва Эрлан, и половина ее обитателей погибла в огне. Спаслись лишь те, которые успели броситься в колодец, в воду горных потоков или же укрыться под железным мостом. Когда огонь перестал бушевать и дым немного рассеялся, мы вышли и увидели, что все наши плодовые деревья обгорели и нам нечем больше поддерживать свое существование. Тогда половина из тех, кто остался в живых, разбрелась по другим местам. Ну а мы остались здесь влачить жалкое существование. Но за последние два года, после того как появились охотники, нас стало вдвое меньше.

– Зачем же они на вас охотятся? – спросил Сунь У-кун.

– При мысли об этом нас охватывает гнев, – отвечали обезьяны. – Они убивают нас отравленными стрелами, сдирают с нас шкуру, отделяют мясо от костей, а затем готовят из своих жертв различные блюда в сое, в уксусе или же делают рассолы. В общем, готовят из нас всякие приправы и закуски. Тех же, кто попадает в сети, они берут живыми, обучают прыгать через обруч, стоять на голове, бить в барабан, заставляют ходить по улицам, бить в гонги и проделывать самые невероятные номера для увеселения прохожих.

Все это привело Великого Мудреца в неопишное негодование.

– Кто у вас тут в пещере сейчас главный? – спросил он.

– Да еще остались полководцы Ма и Лю и генералы Бэнь и Ба, которые управляют нами, – отвечали обезьяны.

– Пойдите доложите, что я вернулся, – приказал Великий Мудрец.

Обезьяны тотчас же бросились в пещеру.

– Наш отец, Великий Мудрец вернулся! – доложили они.

Ма, Лю, Бэнь и Ба поспешили встретить Сунь У-куна и, поклонившись ему, пригласили его войти в пещеру, Когда Великий Мудрец занял центральное место, обезьяны выстроились перед ним в ряд и, отдав соответствующие почести, обратились к нему со следующими словами:

– Отец наш, Великий Мудрец! Мы слышали о том, что вы получили помилование и отправились с Танским монахом в Индию за священными книгами. Каким же образом вы очутились здесь?

– Дорогие мои! – отвечал на это Великий Мудрец. – Поскольку вы находитесь в полном неведении, я должен сказать вам, что этот Танский монах не разбирается в том, что хорошо и что плохо. На протяжении всего пути я сражался со всякими оборотнями и чертями, применил все свои способности, чтобы победить злого духа, а монах, несмотря на это, обвинил меня в злодеяниях и не пожелал больше считать меня своим учеником. Он навсегда прогнал меня и даже выдал мне об этом свидетельство.

– Ну и повезло нам! – в один голос весело закричали обезьяны, хлопая в ладоши. – Да к чему вам быть каким-то монахом? Очень хорошо, что вы вернулись. Хоть несколько лет еще проживем в свое удовольствие!

– Давайте сюда вина из орехов кокосовой пальмы, – раздались крики, – выпьем в честь нашего отца!

– Погодите, – сказал тут Великий Мудрец. – Пить пока не будем. Вы лучше вот что скажите мне: в какое время сюда приходят охотники?

– Да разве можно тут говорить о времени, – отвечали Ма и Лю. – Они не дают нам ни дня покоя.

– А почему же их сегодня нет? – спросил Великий Мудрец.

– Явятся еще, – отвечали те.

– Ну-ка, ребята! – приказал тут Сунь У-кун. – Соберите мелких пережженных камней и в каждую кучку складывайте от тридцати до шестидесяти штук.

Обезьяны, шумя, как рой пчел, бросились выполнять приказ. Вскоре работа была закончена. Тогда Великий Мудрец приказал:

– А теперь спрячьтесь в пещеру, я должен применить волшебство.

После этого Сунь У-кун взобрался на вершину горы и, внимательно осмотревшись, вдруг заметил в южной стороне огромное количество всадников, – их было более тысячи человек. Все они были вооружены мечами и копьями и имели при себе соколов и собак. С барабанами и гонгами всадники мчались прямо к горе. Вид у всадников был поистине грозный, это были настоящие удалыцы:

Лисьи шкуры защищали
Плечи всадников могучих,
Золотой парчой расшитой
Покрывались грудь и стан;

Кони были, как драконы
Грозно прыгали по кручам,
И резьбой блистали луки,
Стрелы полнили колчан.

Были всадники свирепы,
Словно тигры на охоте,
Устремясь толпой огромной,
За собой собак вели;

Сотни вил для ловли зайцев,
Сто корзин для разной дичи,
Сто шестов, натертых клеем,
Сто сетей они несли.

Так велел Нью-тоу²⁰ хитрый
По дорогам ставить сети,
Так Янь-ван ловил веревкой
Беглецов из адских стен.

Словно звезды в поднебесье,
Замелькали люди эти:
Закричали, зашумели,
Всех захватывая в плен.

Увидев, что всадники окружают гору, Великий Мудрец задрожал от охватившего его гнева. Пошевелив пальцами и произнеся заклинание, он вдохнул в себя воздух и тут же с силой выдохнул его из себя в северо-западном направлении. Поднялся бешеный ураган.

Перевертывая землю,
Подымал он тучи пыли,
Лес валил, кружил деревья,
Волны бурные вздымал.

Мрак настал во всей вселенной,
Волны по морю ходили,
И луна и солнце скрылись,
Тигром ветер налетал.

Он рычал, ломая сосны,
И в бамбуковую рощу
Он ворвался с горьким стоном,
Словно раненый дракон.

И рычало в гневе небо,
Извергая град разящий,
С неба камни полетели,
Пыль и пыль – со всех сторон.

Ветер подхватил камни, собранные обезьянами, и понес их прямо на всадников.

Летели камни в головы людей.
Слепила пыль глаза лошадей.
Целительные гуань-гуй²¹, жэнь-шень
В сраженье пригодились в этот день,

²⁰ Нью-тоу – Демон с головой быка. Служитель Владыки ада Янь-вана.

²¹ Гуань-гуй – лучшая корица.

И обагрила кровь тогда песок...

Фу-цзы²², как путь домой еще далек!
И даже с чудной помощью бинь-лан²³,
Ты не увидишь свой родной очаг.
На склонах мертвые лежат тела,
И нет лекарства, чтобы смерть ушла.

Об этом написаны еще и такие стихи:

Лежат повсюду трупы лошадей...
О, сколько перебито здесь людей!
Для них домой не будет возвращенья,
Летают души, полные смущенья,
Пристанища нигде не находя.
И жалок жребий бывшего вождя.
Который, разобраться не умея,
Горячей кровью заплатил своею.

Великий Мудрец опустился на облаке и от восторга захлопал в ладоши.

– Вот так удача! – смеясь воскликнул он. – После того как я принял постриг и стал учеником Танского монаха, он при всяком удобном случае читал мне наставления, говоря: «Если ты тысячу дней будешь совершать добрые дела, этого все равно будет недостаточно, стоит же тебе хоть один раз сотворить зло, оно окажется в избытке». Когда я убил нескольких духов, он счел это злодеянием. А вот сейчас, не успев я вернуться домой, как тут же расправился со всеми этими охотниками. Ребятки! – крикнул он. – Выходите!

Убедившись в том, что ураган пронесся, и, услышав голос Великого Мудреца, обезьяны одна за другой повыскакивали из своего убежища.

– Ступайте на южный склон горы, – приказал им Великий Мудрец, – и снимите с убитых одежду. Постирайте ее: она вся в крови, и надевайте, когда будет холодно. Трупы побросайте в пучину. С лошадей сдерите шкуру и сшейте себе ботинки. Мясо засолите впрок. Луки, стрелы, пики, мечи возьмите себе, будете проделывать военные упражнения. Знамена принесите мне. Пригодятся.

Обезьяны бросились выполнять приказ. Великий Мудрец изорвал знамена врагов, выстирал их и сделал одно огромное разноцветное знамя, на котором написал: «На горе Цветов и плодов, а также в пещере Водного занавеса вновь восстановлен порядок. Великий Мудрец, равный небу».

Знамя водрузили на шесте у входа в пещеру. После этого Сунь У-кун каждый день созывал духов и оборотней, а также делал запасы продовольствия. О своем монашеском звании он нигде не упоминал. Гуманность его была велика, волшебные силы – могучи. Через некоторое время Сунь У-кун отправился к царям-драконам четырех морей, занял у них живительного дождя и чудесной росы и оросил ими гору, которая снова зазеленела. Затем он посадил ивы, тополя, сосны, кипарисы, персики, сливы, финики и множество других деревьев. Обезьяны зажили припеваючи, наслаждаясь покоем. Но об этом мы сейчас распространяться не будем.

Вернемся теперь к Сюань-цзану, Как вы уже знаете, поверив коварным словам Чжу Ба-цзе, он дал волю своим страстям и прогнал Сунь У-куна. И вот он сел на коня, и они двинулись

²² Фу-цзы – ядовитые семена растения «волчий корень», употребляемые в качестве укрепляющего средства.

²³ Бинь-лан – дерево арек.

дальше. Чжу Ба-цзе шел впереди, а Ша-сэн – за ним, неся коромысло с вещами. Перейдя хребет Белого тигра, они вдруг увидели перед собой поросший лесом холм. Бирюзовые кипарисы и зеленые сосны были увиты ползучими растениями.

– Ученики мои, – сказал Сюань-цзан, – сейчас начинается опасная горная дорога. К тому же и лес здесь дремучий и густой, так что следует соблюдать осторожность. В этих местах, надо полагать, водится много разной нечисти.

При этих словах Дурень приободрился, велел Ша-сэну взять коня под уздцы и, орудуя своими граблями, провел Танского монаха в сосновый лес. Вдруг Сюань-цзан остановил лошадь и сказал:

– Чжу Ба-цзе, я что-то сильно проголодался, нельзя ли где-нибудь здесь попросить подаяния?

– Хорошо, учитель, – отвечал Чжу Ба-цзе, – я пойду поищу.

Сюань-цзан сошел с коня, а Ша-сэн, опустив свою ношу на землю, достал из узла чашку для сбора подаяний и передал ее Чжу Ба-цзе.

– Ну, я пошел, – сказал Чжу Ба-цзе.

– Куда же ты думаешь идти? – поинтересовался Сюань-цзан.

– Пусть это вас не тревожит, – сказал Чжу Ба-цзе. – Если бы даже мне пришлось высечь изо льда огонь или же выжать из снега масло, чтобы добыть вам пищу, я сделал бы это.

Выйдя из леса, Чжу Ба-цзе прошел более десяти ли на запад, но не встретил ни одной живой души. Это было глухое место – пристанище волков и тигров. Шел он долго и очень устал.

«Когда с нами был Сунь У-кун, – с горечью размышлял он, – он выполнял любое желание учителя. А теперь все заботы легли на меня. Вот уж не зря говорится: «Цену хвороста и пшена узнаешь лишь тогда, когда сам возьмешься за хозяйство; родительскую ласку может оценить лишь тот, кто сам воспитывает детей». Но ведь мне действительно не у кого просить подаяние».

Чжу Ба-цзе стало клонить ко сну.

«Если я сейчас вернусь с пустыми руками, учитель не поверит мне, что я проделал такой большой путь. Лучше уж я пробуду здесь подольше, потом легче будет ответ держать. А сейчас надо поспать здесь в траве».

И, обхватив голову руками, Дурень улегся спать. Он говорил сам себе, что скоро встанет, но кто не знает, что стоит усталому путнику склонить голову, как он засыпает.

Однако оставим пока Чжу Ба-цзе спящим и вернемся к Сюань-цзану. Встревоженный длительным отсутствием Чжу Ба-цзе, он не находил себе места. Уши у него горели, глаза беспокойно бегали.

– У-цзин, – не выдержав, обратился он к Ша-сэну, – куда это Чжу Ба-цзе запропастился?

– Да разве вы, учитель, не понимаете, – сказал на это Ша-сэн. – Здесь, в западной стране, очень многие занимаются благотворительными делами и помогают монахам, а у Чжу Ба-цзе живот огромный, разве ему теперь до вас? Вот когда он сам наестся вдосталь, тогда и придет.

– Пожалуй, ты прав, – сказал Сюань-цзан. – Но если он не скоро вернется, где мы встретимся с ним? Время позднее, а здесь оставаться нельзя. Надо позаботиться о ночлеге.

– Все это не так уж страшно, – сказал Ша-сэн. – Вы, учитель, побудьте здесь, а я пойду найду его.

– Ладно, – согласился Сюань-цзан. – Бог с ней, с едой, главное – найти пристанище.

Ша-сэн взял свой посох и, выйдя из леса, отправился на поиски Чжу Ба-цзе. Сюань-цзан с тяжелым чувством остался один в лесу. Чтобы подбодрить себя немного, он встал, сложил вещи в одно место, привязал коня к дереву, снял шляпу, воткнул в землю посох, расправил ряску и стал медленно прохаживаться по лесу. Он делал все, чтобы хоть немного разогнать тоску. Здесь росла трава, благоухали цветы, но не было слышно пения птиц, возвращающихся в свои гнезда. В лесу этом были узкие тропинки, густо поросшие травой, и Сюань-цзан, поглощенный своими невеселыми думами, сбился с дороги. Он пошел просто для того, чтобы раз-

веять свою грусть и вместе с тем надеясь найти Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Но те ушли в западном направлении, а Сюань-цзан повернул на юг.

Выйдя на опушку, Сюань-цзан увидел перед собой золотое сияние. Оно исходило от купола чудесной пагоды, сверкавшего в лучах заходящего солнца.

«А ведь мои ученики не выполняют заповедей Будды, – подумал Сюань-цзан. – Покидая Китай, я дал обет у каждого храма возжигать фимиам, при встрече с Буддой – совершать поклоны, а если попадет пагода, приводить ее в порядок. И вот перед нами пагода, окруженная золотым сиянием. Как же мы не пошли этим путем? Около пагоды, несомненно, расположен монастырь, в котором проживают монахи. Отправлюсь-ка я туда. Место здесь пустынное, так что с вещами и конем, я думаю, ничего не случится. А если в монастыре этом можно будет остановиться на ночлег, я подожду моих учеников, и мы все вместе отправимся туда».

Но тут нашего Сюань-цзана подстерегала беда. Он подошел к пагоде, и его взору открылась удивительная картина:

Перед ним открывались скалы,
В десять тысяч чжан²⁴ высоты,
Упирались вершинами в небо
Удивительные хребты.

Уходили вглубь их породы,
Пики высились до небес,
У дороги теснились деревья,
Спал в ползучих лианах лес.

Колебались под ветром травы,
Даже тень их была длинна,
В синих тучах вода копилась,
Угасала порой луна.

А поваленные деревья
Перекидывались мостом,
Засыхали, свиваясь, лозы
Над прозрачным горным ручьем.

По ветвям обезьяны сновали,
С гор слетали стаи сорок,
Подымался бамбук багряный,
Охраняя горный поток.

Глянeshь издали – видишь иней,
Словно в храме трех островов,
А вблизи – с красотой Пэнлая
Состязалась прелесть лесов.

Здесь чудесные пели птицы,
Лили сосны густой аромат
И гуляли дикие звери

²⁴ Чжан – мера длины, равная 3,2 метра.

У дверей подземных палат;

А кругом зеленели травы,
Распускались цветы у воды.
Это – знаменье, что Трипитаке
Здесь нельзя пройти без беды.

Вскоре Сюань-цзан очутился у ворот пагоды, на которых висела пестрая бамбуковая занавеска. Замедлив шаги, он приподнял занавеску и вошел внутрь. И что же он увидел! Развалясь поперек кровати, сделанной из камня, здесь спал безобразный на вид дух.

Разверзта пасть. Синеет темный лик,
И отвратительный белеет клык,
А цвет волос взлохмаченных багрян,
Как будто кто-то вылил в них румян.
И загнут нос, как попугая клюв.
Звездopodobен взор его, блеснув,
А ноги скрученные сплетены,
Как корни, что сползают с вышины.
Был желтый шелковый халат на нем,
Как риза, весь в узоре золотом,
И оборотень меч в руках держал,
И лезвием огнистым угрожал.
На камне этот злобный дух сидел,
Был камень ложа гладок, чист и бел.
Лукавый дух был – небольших чинов:
Таких, как он, не счесть, что муравьев.
Он старым был – таких не счесть, как пчел,
Но сколько он величья приобрел!
Все звали его старшим и отцом.
Он каждый месяц угощал винцом
И разливал на новоселье чай.
Когда же власть являл он невзначай,
В одно мгновенье, облетал он мир...
Даосы – жизни варят эликсир,
Удавы и драконы в чаше спят,
И птицы в диких зарослях свистят.
Где боги обработали поля,
Родит там перлы белые земля;
А здесь ведет в пещеру тесный вход;
Хотя неглавный ад пришельца ждет,
Но Якша²⁵ Нью-тоу правил в том аду
Всем мимо проходящим на беду.

Увидев это чудовище, Сюань-цзан от страха даже оступился: тело его ослабло, ноги подкосились. Он хотел тут же скрыться, но дух, который все знал, все видел и все слышал, открыл в этот момент свои огненные глаза и крикнул:

²⁵ *Якша* – Демоны, выполняющие роль посланцев или патрулирующей охраны.

– Эй, ребята, посмотрите, кто это там у ворот?

Один из духов, вытянув шею, выглянул и, увидев лысого монаха, бросился докладывать об этом своему повелителю:

– Великий князь, за воротами какой-то монах. У него круглая голова и полное лицо. Уши его свисают прямо на плечи!²⁶ Кожа у него нежная. Замечательный монах!

Услышав это, волшебник рассмеялся от удовольствия.

– «Когда мухи садятся змее на голову, это все равно, что пища сама лезет в рот», – сказал он. – Вы вот что, ребята, схватите его да тащите сюда поскорее. А я уж вас поблагодарю как следует.

Не успел он договорить, как его подчиненные бросились выполнять приказ. Сюань-цзану хотелось бы сейчас стрелой лететь по воздуху, однако от страха он едва волочил ноги. К тому же горная дорога была крута и опасна, а лес утонул во мраке. Духи быстро схватили Сюань-цзана и потащили обратно.

Когда дракон застрянет на мели,
То потешаются над ним и раки;
Когда покинет тигр дремучий лес,
То на равнине рвут его собаки.

Пусть встретят даже добрые дела
Различные преграды и препоны,
Но кто в таких же затруднениях был,
Как Трипитака, к цели устремленный?

Положив монаха у входа, духи вбежали внутрь.

– Великий князь! – радостно воскликнули они. – Мы притащили монаха.

Между тем старый волшебник уже успел бросить взгляд на Сюань-цзана. Гордо посаженная голова монаха и его величавая осанка произвели на волшебника отличное впечатление.

«Благородные монахи, несомненно, люди высшего порядка, – подумал он про себя, – и с ними действовать просто нельзя. Если я не проявлю все свое могущество, он может и не покориться мне».

И он тотчас же принял грозный вид. Огненные усы и борода его стали торчком, кроваво-красные волосы поднялись дыбом, глаза вот-вот готовы были выскочить из орбит.

– Тащите его сюда! – загремел волшебник.

Все духи-прислужники в один голос откликнулись:

– Слушаемся! – И тут же втащили Сюань-цзана.

Не зря говорит пословица: «Когда идешь под низким карнизом, приходится нагибать голову». Так и Сюань-цзану ничего другого не оставалось, как сложить руки для приветствия и совершить перед волшебником поклоны.

– Откуда ты явился, монах? И куда путь держишь? Выкладывай все начистоту, да поскорее!

– Я Танский монах, – отвечал Сюань-цзан. – По повелению Танского императора иду на Запад за священными книгами. Проходя через эти горы, я счел своим долгом прийти приветствовать вас, но своим приходом как будто обеспокоил вашу милость и очень прошу извинить меня. Когда я достану на Западе книги и вернусь в Китай, я на вечные времена занесу в историю ваше имя.

Выслушав его, волшебник только расхохотался.

²⁶ Уши свисают на плечи – символ храбрости.

– Я так и думал, что ты – птица высокого полета, – заявил он, – и не ошибся! Ты пришел очень кстати! Сейчас я тебя съем! Это чудесно! Ведь я мог прозевать тебя. Но, видно, суждено было нам встретиться, а тебе попасть ко мне на стол. Теперь-то уж я не отпущу тебя! Ну-ка! – приказал он своим подчиненным. – Связать монаха!

В тот же миг духи ринулись на Сюань-цзана, схватили и привязали его к столбу.

– Кто же еще с тобой идет? – снова спросил волшебник, держа меч наготове. – Не мог же ты отважиться пуститься в путь один?

Увидев в его руках меч, Сюань-цзан смиренно ответил:

– Великий князь! Со мной идут два моих ученика. Одного из них зовут Чжу Ба-цзе, другого – Ша-сэн. Оба они отправились сейчас за подаением. В лесу у меня остался белый конь и кое-какие вещи.

– Вот это удача! – воскликнул волшебник. – Два ученика да еще конь. Значит, всех вас четверо. Что же, на раз еды вполне хватит.

– Так мы пойдем притащим их, – сказали тут подчиненные духи.

– Никуда не надо ходить, – отвечал им волшебник. – Закройте только передние ворота. Когда эти двое вернутся с подаением, они, конечно, станут искать своего учителя и, несомненно, придут сюда, к нашим воротам. Пословица говорит: «Легче всего торговать тогда, когда покупатель приходит сам». Обождите, мы всех их потихоньку выловим.

Духи послушно закрыли передние ворота.

Однако оставим пока попавшего в беду Сюань-цзана и посмотрим, что делал в это время Ша-сэн. Разыскивая Чжу Ба-цзе, он прошел уже более десяти ли, однако не встретил на своем пути ни одного селения. Не зная, что делать, он остановился на вершине горы и стал осматриваться. Вдруг он услышал, что кто-то разговаривает. Он пошарил в траве своим посохом и обнаружил там спящего Дурня, который разговаривал во сне.

– Ну и хорош же ты! – сказал Ша-сэн, схватив его за ухо. – Ведь учитель послал тебя за подаением, как же ты посмел уснуть?!

– А сколько сейчас времени? – спросил Чжу Ба-цзе, с трудом приходя в себя.

– Вставай скорей! – торопил Ша-сэн. – Учитель сказал, что без еды можно пока обойтись, а самое главное – это найти ночлег.

Разобравшись, наконец, в том, что ему сказал Ша-сэн, Чжу Ба-цзе взял чашку для подаений, сунул под мышку грабли и отправился с Ша-сэном в обратный путь. Но в лесу они учителя не нашли.

– Все из-за тебя, Дурня, – стал ругать своего собрата Ша-сэн. – И подаения не собрал, и учителя потеряли. Его, конечно, утащил какой-нибудь дух.

– Не говори глупостей, дорогой брат, – сказал смеясь Чжу Ба-цзе. – В таком замечательном месте не может быть никаких злых духов. Учителю, видно, надоело сидеть, вот он и пошел пройтись и посмотреть местность. Пойдем поищем его.

Захватив коромысло с вещами и ведя на поводу коня, они вышли из леса и пустились на поиски своего учителя. Видно, и на этот раз Танскому монаху не суждено было умереть. Поискав его немного, они вдруг увидели в южной стороне золотое сияние.

– Ну, брат, счастливому всегда везет! – воскликнул Чжу Ба-цзе. – Ты посмотри, куда ушел наш учитель. Это сияние излучает пагода, и кто бы мог осмелиться пройти мимо и не поклониться ей? Там для нашего учителя, несомненно, приготовили угощение и он чувствует себя великолепно. Надо поторопиться, авось и нам что-нибудь перепадет.

– Еще неизвестно, что нас там ждет – беда или удача, – с сомнением заметил Ша-сэн. – Что ж, пойдем посмотрим.

И они храбро подошли к воротам пагоды. Однако ворота были крепко заперты. Тут они увидели плиту из белого нефрита с выгравированной надписью из шести иероглифов: «Пещера Боюэ, на горе Ванцзышань».

– Брат, – сказал тут Ша-сэн, – это вовсе не монастырь. Это обитель какого-то духа. И если наш учитель попал сюда, то вряд ли мы его когда-нибудь еще увидим.

– Не бойся, – отвечал Чжу Ба-цзе. – Привяжи коня и стереги вещи, а я постараюсь что-нибудь разузнать.

И Дурень, держа свои грабли наготове, подошел к воротам и крикнул:

– Эй, вы там! Открывайте!

Оборотни быстро отодвинули засов и раскрыли ворота. Но, увидев Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, мигом повернули обратно и бросились к своему повелителю:

– Великий князь! Покупатели пришли!

– Где же они? – спросил волшебник.

– Они стоят у ворот: один с длинной мордой и огромными ушами, да и у другого какой-то зловещий вид.

– Это, конечно, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн! Я знал, что они придут! – обрадовался дух. – Нашли все же! Да! Умеют искать. Как же это они пришли сюда? Смотрите держитесь с ними осторожнее. Дайте-ка мне одеться, – приказал волшебник.

Он надел на себя желтый халат и боевые доспехи, взял меч и вышел из ворот.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн ждали. И вот перед ними выросла зловещая фигура духа.

Пугал

Он ярко-красной бородой.

Сверкал,

Блистал кольчугой золотой;

Доспехи защищали

Грудь и стан...

Когда он выходил

На океан,

Вздвигались волны

До небесных туч,

Когда ж, в безделье,

Он стоял, могуч,

Прижавшись к лону каменному

Скал,

С его дыханьем

Ветер вылетал.

Держал волшебник

В пламенных руках

Свой меч,

На жертвы наводящий страх.

Но как же это чудище

Зовут?

Пусть «Хуан-пао»²⁷ иероглифы

Прочтут.

– Вы откуда явились, монахи? И как смее шуметь возле наших ворот? – крикнул волшебник Желтый халат.

²⁷ Хуан-пао – в переводе «Желтый халат».

– Эй, сынок²⁸, – сказал на это Чжу Ба-цзе, – ты что же, своего отца признавать не хочешь? Я ученик Танского монаха и вместе с ним следую в Индию. А мой учитель – побратим императора и зовут его Трипитака. Так вот, если он у вас, – освободите его сейчас же, чтобы мне не пускаться понапрасну в ход свои грабли и не врываться к вам с боем.

– Так-так-так, – смеясь сказал волшебник. – Есть у нас тут один Танский монах. Но мы ничем не обидели его. Я даже приготовил для него пампушек с человеческим мясом, может, и вы согласитесь отведать их? Заходите.

Тут Дурень, приняв все за чистую монету, уже хотел было войти, но Ша-сэн вовремя удержал его.

– Ведь он обманывает тебя, – сказал он. – Слыханное ли это дело есть человеческое мясо?

Тут только Чжу Ба-цзе опомнился и, взмахнув своими граблями, хотел нанести удар прямо в лицо волшебнику. Однако тот успел отклониться и отразил удар своим мечом. Обладая волшебной силой, оба они взметнулись под облака и там продолжали бой. Ша-сэн тоже не выдержал, оставил вещи и коня и поспешил на помощь товарищу. И вот между двумя грозными монахами и гнусным колдуном завязался отчаянный бой.

Посох взлетал,
Только меч отбивал его яро,
Грабли взлетали,
Меча принимая удары.

Дух показал,
Что в бою он не ведает страха,
Мощь проявили в сраженьи
Два танских монаха.

Девятизубые грабли
Были достойны хваленья.
Меч же волшебника злого
Рубил в исступленье.

Бились они, налетая
И слева и справа:
Желтый халат был увертлив
И скор на расправу.

Блеском серебряным
Меч загорался булатный,
Сила ударов волшебных
Была необъятна.

Воздух вокруг
Затянули пары и туманы
Словно в горах разрушались
Хребты-великаны.

Здесь чародей

²⁸ *Сынок*. – Назвать собеседника сыном или самого себя отцом или дедом собеседника, значит, нанести ему оскорбление.

Утверждал свою честь дерзновенно,
Бился другой за учителя
Веры священной.

Противники схватывались уже несколько десятков раз, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Все они, конечно, дорожили своей жизнью, но им трудно было покончить миром.

Однако, если вы хотите знать, как в конце концов был спасен Танский монах, прочитайте следующую главу.

**Глава двадцать девятая,
из которой вы узнаете о том, как паломники,
избавившись от гибели, прибыли в государство
Баосянго и как Чжу Ба-цзе, преисполненный
благодарности за оказанный прием,
возвратился в горы для борьбы с волшебником**

Когда не можешь ты смирять
Нелепые мечты,
То как же истины достичь
Рассчитываешь ты?

В служенье Будде мы растим
Природных чувств зерно,
Но как переродиться вновь,
Когда в душе темно?

Возможно праведником стать,
Уразумев Закон,
Иначе будешь сотни раз
В пороки погружен.

О совершенствованье чувств
Помысли в жизни сей,
Чтоб смылась скверна всех грехов
С больной души твоей,

Бесчисленные, как песок
На гангских берегах,
Грехи твой омраченный дух
Отяготят в веках.

Итак, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн уже более тридцати раз схватывались с волшебником, но все еще нельзя было сказать, кто окажется победителем. Почему же так случилось? А вот почему. Волшебник, конечно, был так могуч, что даже двадцать таких монахов, как Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, не могли бы справиться с ним. И только потому, что Танскому монаху не суждено было умереть и он находился под покровительством духов и защитников буддизма, в воздухе появились духи тьмы и света Лю-дин и Лю-цзя, пять защитников буддизма, духи – хранители четырех стран света и восемнадцать духов – хранителей буддизма. Они помогли Чжу Ба-цзе и Ша-сэну. Однако оставим пока сражающихся противников и поговорим о Сюань-цзане. Убитый горем, сидел он в пещере волшебника и думал о своих учениках. Что-то они делают теперь? Из глаз у него текли непрошеные слезы.

«У-нэн, – думал он, – в каком селении ты встретил добрых людей и где утоляешь сейчас свой голод подаянием? А ты, У-цзин, – продолжал он размышлять, – удастся ли тебе найти

У-нэна? Может быть, вы уже встретились? Но как вы узнаете о том, что я попал в лапы волшебника и мне грозит смертельная опасность? Когда же наконец я встречу вас, – когда мы освободимся от этих бедствий и отправимся в путь?»

И вот, когда он сидел так, полный горестных раздумий и тревог, он вдруг увидел, как из внутреннего помещения вышла женщина. Опираясь на столб, к которому привязывали смертников, она сказала:

– Отец преподобный! Как вы сюда попали и почему привязаны?

Сюань-цзан полными слез глазами украдкой взглянул на женщину, ей было лет тридцать.

– Милостивая госпожа, – промолвил он. – Зачем спрашивать человека, обреченного на смерть? Я пришел к вам по собственной воле и, если вы хотите съесть меня, ешьте скорее.

– Я не ем людей, – отвечала женщина. – Моя родина расположена в трехстах с лишним ли к западу отсюда. Называется она Баосянго. Я – принцесса, третья дочь правителя этой страны. Зовут меня Бай Хуа-сю. Тринадцать лет назад, в ночь на пятнадцатый день восьмой луны, в тот момент, когда я любовалась луной, меня унес бешеный ураган, вызванный волшебником. Волшебник сделал меня своей женой. С тех пор я живу здесь. Родила двоих детей. О своих родных я не имею никаких сведений и потеряла всякую надежду вернуться когда-нибудь домой. Я часто вспоминаю о своих родителях, но лишена даже возможности повидаться с ними. А вы откуда пришли и как попали к нам?

– Я иду в Индию за священными книгами, – отвечал Сюань-цзан. – И вот неожиданно забрел сюда. Волшебник хочет еще поймать двух моих учеников, зажарить нас всех и съесть.

– Успокойтесь, почтенный отец, – с улыбкой промолвила женщина. – Раз вы идете за священными книгами, я выручу вас. Баосянго лежит как раз на пути, ведущем в Индию. Так вот, если вы согласитесь отнести письмо к моим родителям, я уговорю волшебника освободить вас.

– Милостивая госпожа, – закивал головой Сюань-цзан, – если только вы спасете мне жизнь, я с радостью отнесу ваше письмо.

Тогда принцесса ушла во внутреннее помещение, написала письмо и вручила его Сюань-цзану, освободив монаха от веревок. Взяв письмо, Сюань-цзан сказал:

– Милостивая госпожа! Благодарю вас за величайшее благодеяние, оказанное мне. Проходя через вашу страну, я непременно побываю у вашего отца. Опасаюсь лишь одного. Прошло уже много лет, возможно, ваши родители не захотят даже принять меня. Как мне тогда поступить? Если так случится, и я невольно нарушу свое обещание, вы не ругайте меня.

– Не тревожьтесь, – отвечала на это принцесса. – У моего отца всего три дочери. Поэтому, узнав о письме, он непременно выразит желание повидать вас.

Сюань-цзан запрятал глубоко в рукав переданное ему письмо, поблагодарил еще раз и хотел уходить. Но принцесса задержала его.

– Через передние ворота не ходите, – предостерегла она. – Там сейчас целая толпа духов: они размахивают знаменами, кричат, бьют в барабаны и гонги, помогая своему повелителю вести бой с вашими братьями. Идемте лучше через задние ворота. Если вам встретится сам хозяин, это еще ничего. Он разберется, в чем дело. А вот его подчиненные могут схватить вас и причинят вам вред. Лучше я сама пойду и улажу это дело. Может быть, князь согласится отпустить вас. Тогда вы обождете своих учеников, они разыщут вас, и вы спокойно отправитесь дальше все вместе.

Выслушав ее, Сюань-цзан земно поклонился и выразил полную готовность исполнить любое ее приказание. Затем он вышел через задние ворота и, не решаясь пускаться в путь один, укрылся в зарослях кустарника.

Между тем принцесса, задумав хитрый план, поспешила за ворота и стала пробираться через толпу младших духов. За воротами стоял невообразимый грохот. Это дрались в высоте Чжу Ба-цзе и Ша-сэн с волшебником.

– Господин Желтый халат! – изо всех сил закричала принцесса.

Услышав ее голос, волшебник покинул поле боя, спустился на облаке вниз и, бросив оружие, подошел к жене.

– Что тебе надобно, женушка? – спросил он.

– Господин мой, – отвечала женщина, – сейчас, когда я спала у себя в комнате, во сне ко мне явился святой человек в золотых латах.

– Что за святой мог явиться сюда? – спросил волшебник.

– Когда я была маленькой, – сказала на это принцесса, – и жила у себя во дворце, я мечтала о достойном муже и дала обет, что если найду такого, то отправлюсь на знаменитую гору, поклонюсь святым местам и сделаю подношение монахам. Но, став твоей женой и проводя время в удовольствиях, я позабыла об этом. И вот во сне ко мне явился святой и потребовал, чтобы я выполнила свой обет. Когда он крикнул, я проснулась и поняла, что это был сон. Я тотчас же пошла к тебе, мой господин, чтобы рассказать об этом, но неожиданно увидела привязанного к столбу монаха. Умоляю тебя, мой господин, выполни мое скромное желание и сжался над ним. Тогда я смогу выполнить данный мною обет и поднести подаяние этому монаху. Не знаю только, согласишься ли ты на это.

– Очень уж ты суеверна у меня, женушка, – сказал волшебник. – А впрочем, не такое уж это важное дело. Если мне захочется поесть человеческого мяса, я достану сколько мне будет нужно. А этого монаха можешь отпустить. Пусть идет на все четыре стороны.

– Господин мой, – промолвила принцесса, – я уже отпустила его, он вышел через задние ворота.

– Тогда в чем же дело? – спросил волшебник. – Отпустила – и ладно. А через какие ворота – это все равно.

Затем он схватил свой стальной меч и громко крикнул:

– Эй, Чжу Ба-цзе, иди сюда! Я тебя не боюсь, но сражаться с тобой не буду. Из уважения к моей жене я сохраню жизнь вашему учителю. Он ушел через задние ворота, ищите его там и отправляйтесь дальше. Но если когда-нибудь вы снова попадете в мои владения, пеняйте на себя: пощады не будет!

Услыхав эти слова, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, словно их освободили из ада, ринулись обратно в лес, взяли под уздцы коня, схватили носилки с вещами и моментально окрылись. Обойдя кумирню, они подошли к задним воротам и позвали своего учителя. Узнав их по голосу, Сюань-цзан тотчас же откликнулся. Раздвинув кустарники, Ша-сэн помог учителю выйти и сесть на коня. И вот:

Синеликий демон, угрожая,
Встал пред ними, страшный злобной силой.
Бай Хуа-сю появилась, к счастью, —
Путников от смерти защитила.

Так и рыба, изрыгнув из пасти
Золотой крючок, – уходит в море,
Резво бьет хвостом по волнам синим,
Весело играет на просторе.

Итак, они отправились дальше, Чжу Ба-цзе, как и раньше, шел впереди, а Ша-сэн следовал позади. Выйдя из соснового леса, они очутились на широкой дороге. В пути Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не переставали ссориться, обвинять друг друга то в одном, то в другом, Сюань-цзан едва успевал мирить их.

С наступлением вечера они пораньше устраивались на ночлег, а на рассвете, с первым криком петуха, снова пускались в путь. И так, привал за привалом, они незаметно прошли еще двести девяносто девять ли.

И вдруг они увидели перед собой прекрасную страну. Это и была страна Баосянго – чудесный край.

Далекая дорога
И цепи гор вдали,
А край богат все так же,
Хоть он за сорок ли.

Луна сияет ярко,
Блаженны облака;
Колеблются туманы
Дыханьем ветерка.

Прекрасная картина:
Здесь, у подножья скал,
Ручей на перекатах
Белее яшмы стал.

Тропинками повсюду
Исчерчены поля,
В ростках душистых злаков
Кормилица-земля.

На трех ручьях немного
Увидишь рыбаков,
На две горы лесистых
Один лишь сборщик дров.

Железною стеною
Там город окружен,
И рвом с водой кипящей
Надежно защищен.

И, в счастье соревнуясь,
Здесь весел каждый дом,
Высокий спорит терем
С блистательным дворцом.

Террасы высотой
В десятки тысяч чжан;
Как пестрые знамена,
Дворцы Хуанчайдянь,

На золотых ступенях
У яшмовой стены,
На лестницах дворцовых —

Придворные чины.

Колокола и флейта,
Свирель и барабан
Гаремное томленье
Развеют, как туман,

В садах императрицы
В росе стоят цветы,
Каналы государя
Прозрачны и чисты.

Сгибает ветер ветви
Прибрежных тонких ив,
Над водами каналов
Причудливо склонив.

В повозках пятиконных
На стогнах городских,
Блистают горожане
В одеждах дорогих;

В местах уединенных
Приволье для стрелков:
Они одной стрелой
Пронзают двух орлов.

Полночных развлечений
Построены дома,
И песни оглашают
Дворцы и терема.

Такое сладострастье,
Такая красота
Веселью не уступят
Лоянского моста.

Идя за книгой, старец
И плакал и скорбел
О славном Танском царстве,
Кляня его удел.

Ученики же старца,
Узрев его печаль,
Безмолвно устремились
Умом и сердцем вдаль.

Сюань-цзан и его ученики не могли налюбоваться красотами страны Баосянго. Наконец они собрали свои вещи и, ведя коня, отправились в гостиницу при почтовой станции, где и

остановились. После этого Сюань-цзан пешком отправился к воротам дворца и обратился к дворцовой страже:

– Я – монах, посланец Танского императора, – промолвил он. – У меня есть письмо к вашему государю. Покорнейше прошу доложить обо мне.

Дежурный у ворот чиновник поспешил к своему повелителю.

– Великий государь, – произнес он. – Сюда прибыл почтенный священнослужитель, посланец Танского императора: он хочет засвидетельствовать вам свое почтение и передать какую-то бумагу.

Государя очень обрадовало это известие, и он тут же распорядился ввести Сюань-цзана во дворец. Когда Трипитаку подвели к трону, он трижды громко приветствовал государя. Находившиеся на приеме чиновники в один голос с одобрением говорили, что сразу, дескать, видно выдающегося представителя великой страны, поскольку лишь такой человек может с подобным благородством и так свободно воздавать почести.

– По каким делам вы прибыли сюда, почтенный отец? – спросил Сюань-цзана правитель страны.

– Я – житель Танского государства и последователь учения Будды, – отвечал на это Сюань-цзан. – По велению моего императора я следую сейчас на Запад за священными книгами. По этому случаю мне выдана специальная бумага, которую я и хотел в соответствии с существующим порядком представить вашему величеству и просить выдать мне разрешение на дальнейшую поездку. Вот почему я и решил побеспокоить вас, государь.

– Если у вас действительно есть бумага, выданная самим Сыном Неба, то покажите ее нам, – промолвил правитель.

Тогда Сюань-цзан, взяв обеими руками бумагу, развернул ее и почтительно положил на столик перед государем. В бумаге говорилось:

«Настоящая бумага выдана Сыном Неба, по воле неба управляющим Великой Танской империей, в стране Джамбудвипа. Несмотря на мои скромные способности, мне, как наследнику, пришлось принять на себя управление страной, а также стать слугой святых. В результате я попал в чрезвычайно опасное положение. Однажды, по той причине, что я не смог оказать помощь обратившемуся ко мне дракону реки Цзинхэ с просьбой спасти ему жизнь, дракон погиб и попал в преисподнюю. Оттуда ко мне прибыл посланец ада. И только потому, что в небесной книге не был точно указан год моей смерти, я по милости владыки ада был возвращен к жизни. По этому случаю я велел отслужить молебен, чтобы помочь душам умерших перейти в другой мир. И вот помогавшая всем страждущим бодисатва Гуаньинь явилась ко мне в золотом сиянии и сказала, что на Западе у Будды есть священные книги, которые помогут бесприютным душам умерших перейти в царство мрака. Настоящей бумагой повелеваю преподобному отцу Сюань-цзану отправиться в дальний путь за священными книгами и псалмами. Просьба оказывать всякое содействие подателю сей бумаги, который будет проезжать по западным странам, дабы он мог выполнить возложенную на него миссию. Выдано в тринадцатый год правления Чжэнь-гуань, Великой Танской династии, в присутствии императора. Бумага скреплена императорской печатью».

Прочитав бумагу, правитель страны Баосянго взял императорскую печать и, скрепив ею свою подпись, передал Сюань-цзану. Сюань-цзан поклонился государю и поблагодарил его за оказанную милость.

– А теперь я хочу передать вам письмо от ваших родственников, – сказал Сюань-цзан.

– Что за письмо? – обрадовался государь.

– Письмо от вашей третьей дочери-принцессы, ваше величество, – отвечал Сюань-цзан, – которую похитил волшебник из пещеры Боюэ. Мы встретились с ней совершенно случайно, и она попросила меня передать вам письмо.

Услышав это, государь залился горячими слезами.

– Тринадцать лет я не видел моей дочери, – промолвил он. – Скольких гражданских и военных чиновников отстранил я за это время от должности! Сколько казнил служанок и евнухов! Но все они твердили одно: что принцесса вышла из дворца и заблудилась. Где только ее не искали! Бесчисленное количество жителей нашей страны было привлечено к ответу, однако, где принцесса, установить так и не удалось. Кто мог знать, что ее захватил волшебник? Вот почему эта весточка о ней привела меня в такое отчаяние и даже вызвала слезы.

Тем временем Сюань-цзан вынул из рукава письмо и почтительно передал его императору. Но как только император прочел обычные слова обращения с пожеланием благополучия, у него сразу же опустились руки, и он не мог читать дальше. Тогда он приказал позвать ученого из императорской академии и, когда тот явился, передал ему письмо и приказал читать вслух. Все гражданские и военные чиновники, а также находившиеся в покоях рядом с залом государыня с придворными дамами, затаив дыхание, приготовились внимательно слушать.

«Ваша непочтительная дочь Бай Хуа-сю, – начал читать ученый, – сто раз склоняет свою голову перед великолепным тронem своего высокодобродетельного отца и желает ему много лет здравствовать. Кланяюсь я также своей матери-государыне, а также всем вашим государственным и военным сановникам, которые присутствуют у вас на приеме. Я чувствую глубокую признательность за те многочисленные заботы, которыми была окружена в вашем доме и за которые не смогла отплатить вам, хотя всегда старалась выказывать вам свое почтение и уважение. Но вот тринадцать лет тому назад, в пятнадцатый день восьмой луны, в ту прекрасную ночь, когда по вашему высочайшему повелению я готовила пир во дворце и все собравшиеся гости веселились и любовались луной, откуда-то налетел благовонный ветер, из которого вышел князь демонов. Глаза у него были огненные, лицо – синее, волосы – черные. Он схватил меня и на волшебном луче унес в пустынный горный край. Избавиться от него или перечить ему я, конечно, не могла, и он, пользуясь своей силой, заставил меня стать его женой. Так я и живу с ним вот уже тринадцать лет и родила от него двух оборотней. Я знаю, что одно упоминание об этом заслуживает осуждения и может нанести ущерб правам и обычаям нашей страны. Возможно, мне и не следовало сообщать вам об этом. Но я боюсь, что могу умереть, и вы даже не узнаете, что случилось со мной, станете меня упрекать и осуждать. И вот неожиданно для меня преподобный монах Танской империи тоже был схвачен этим волшебником. Я писала это письмо со слезами на глазах, затем набралась смелости, помогла ему освободиться и пересылаю с ним эту весточку вам. Я хотела еще высказать вам свое заветное желание и почтительно просить вас, государь-отец, пожалеть свою дочь и направить к пещере Боюэ на горе Ваньцзышань войско, чтобы расправиться с волшебником, спасти меня и вернуть ко двору. Буду век благодарна вам за вашу милость. Ваша недостойная дочь Бай Хуа-сю нижайше кланяется вам».

Ученый кончил читать. Государь горько заплакал. Заплакала и государыня. Даже чиновники и все, кто присутствовал здесь, тяжело переживали это горе. Наконец государь перестал плакать и обратился ко всем военным и гражданским чинам с просьбой повести войска, выловить волшебника и освободить его дочь принцессу Бай Хуа-сю. Он несколько раз спросил, кто возьмется за это дело, но все молчали. Поистине это были деревянные полководцы и сановники.

Правителя охватило отчаяние, и он снова залился горячими слезами. Тогда сановники опустились перед ним на колени и промолвили:

– Не отчаивайтесь, ваше величество. С тех пор как исчезла принцесса, прошло тринадцать лет и все это время никто ничего не знал о ней. Лишь благодаря тому, что она встретила Танского монаха, ей удалось прислать нам письмо. Неизвестно еще, насколько оно достоверно. Кроме того, все мы, ваши подданные, простые смертные. Мы изучили военные книги и тактику, знаем, как разбивать лагерь и расставлять войска, можем охранять государство от наше-

ствий врагов. А этот волшебник умеет летать на облаках и тумане; как же мы можем пойти против него? Как можем спасти вашу дочь! Вот паломник, идущий за священными книгами, принадлежит к высшему разряду священнослужителей. Учение его настолько могущественно, что он может подчинять себе тигров и драконов, добродетели его так велики, что он в силах противостоять всяким духам и оборотням, кроме того, ему, конечно, известно, как покорять духов. Ведь еще в древние времена говорили: «Тот, кто любит болтать о чужих грехах – сам греховодник». Поэтому следует попросить этого почтенного монаха усмирить волшебника и спасти принцессу. Это единственно правильный выход из положения.

Тогда правитель обратился к Сюань-цзану:

– Почтенный отец, если вы знаете, как расправиться с волшебником, освободите мою дочь и привезите ее сюда, незачем вам идти на поклонение Будде. Вы можете отрастить волосы, а я готов признать вас своим братом. Будем вместе управлять страной и наслаждаться богатством и счастьем. Как вы на это смотрите?

– Я еще не до конца постиг учение Будды и потому не могу подчинять злых духов, – поспешил почтительно ответить Сюань-цзан.

– Если вы не умеете усмирять духов, как же вы отважились отправиться в Индию? – спросил государь.

Сюань-цзану пришлось признаться в том, что с ним вместе идут его ученики.

– Одному мне, конечно, рискованно было бы пускаться в такой путь, ваше величество, – почтительно отвечал он. – Но у меня есть два ученика, которые без труда преодолевают непроходимые горы и перебрасывают мосты через реки. Лишь благодаря им я и смог добраться сюда.

– Что же вы за монах, если не знаете правил, – сердито сказал государь. – Вы должны были прибыть вместе со своими учениками? Может быть, я и не преподнес бы им каких-либо особых даров, но на скромное подаяние они все же могли рассчитывать.

– Мои ученики так безобразны, – сказал тогда Сюань-цзан, – что я не осмелился привести их ко двору из опасения, как бы они своим присутствием не оскорбили ваше царское достоинство.

– Вы только послушайте, что говорит этот монах, – рассмеявшись, сказал государь. – Неужели я испугался бы?

– Не знаю даже, как и сказать вам, – промолвил Сюань-цзан. – Старшего моего ученика зовут Чжу Ба-цзе. У него длинная морда и отвратительные клыки. Тело его покрыто щетиной, а уши, как веера. Вдобавок ко всему у него огромный живот. Когда Чжу Ба-цзе идет, подымается ветер. Второй мой ученик – монах. Зовут его Ша У-цзин. Рост у него два чжана. Плечи широченные. Лицо синее, рот, как лохань. Глаза у него горят, зубы, как зубья у бороны. Вот почему я и не решился привести своих учеников сюда.

– Ну, после того как вы уже описали нам их наружность, – сказал государь, – нам нечего бояться их. Давайте позовем их сюда.

И он тотчас же отправил посланца с императорской биркой в гостиницу за Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Когда Дурень услышал о том, что их приглашают ко двору, он, обращаясь к Ша-сэну, сказал:

– Дорогой брат! Помнишь, ты говорил, что не надо брать письма? А теперь сам можешь убедиться, какую пользу оно принесло нам. Государь, вероятно, велел принять нас, как полагается принимать людей, доставивших письмо, и уж конечно устроил пир в честь нашего учителя. А поскольку аппетит у нашего учителя не велик, то он и вспомнил о нас. Ну что ж, поедим как следует, а завтра тронемся в путь.

– Дорогой брат, – сказал на это Ша-сэн, – ведь ты не знаешь, что там произошло. Однако делать нечего, придется идти. Вещи и коня мы оставим в гостинице, с собой же захватим только оружие.

Порешив на этом, они вместе с посланцем отправились ко двору и вскоре предстали перед тронном правителя. Они громко приветствовали его, но не двинулись с места. Сановники, все как один, пришли в ужас.

– То, что эти монахи так безобразны, еще можно было бы стерпеть, – говорили они между собой. – Но как бесцеремонно они ведут себя, ведь они не совершили перед нашим правителем ни одного поклона и стоят, как ни в чем не бывало!

– Уважаемые господа! – сказал тут Чжу Ба-цзе. – Не осуждайте нас. На первый взгляд вид наш действительно вызывает отвращение. Однако если привыкнуть к нам, то ничего страшного нет.

А надо вам сказать, что и сам правитель трона, увидев, до чего они безобразны, испугался не на шутку, когда же Дурень заговорил, царь задрожал от страха и почувствовал слабость в ногах. К счастью, один из придворных чинов поддержал его. Окончательно растерявшись, Танский монах опустился перед правителем на колени и, не переставая отбивать поклоны, говорил:

– Ваше величество, я достоин смерти, велите казнить меня. Я ведь говорил, как безобразны ученики мои, и поэтому не осмелился взять их с собой ко двору, опасаясь, что они могут нанести вред вашему царскому величеству. Так оно и случилось. Они напугали вас, ваше величество.

Тут только государь, не переставая дрожать, подошел к Сюань-цзану и через силу проговорил:

– Спасибо вам, преподобный отец, что вы заранее предупредили меня об этом. Если бы вы ничего не сказали мне, я умер бы от страха.

Много времени прошло, пока, наконец, правитель успокоился и заговорил:

– Почтенные отцы Чжу Ба-цзе и Ша-сэн! Кто из вас наиболее искусен в усмирении злых духов?

Дурень, не разобравшись толком, в чем дело, сразу же ответил:

– Я умею покорять духов.

– Как же вам удалось научиться этому? – спросил государь.

– Когда-то я был небесным полководцем, – отвечал Чжу Ба-цзе. – Но, нарушив законы неба, был сослан на землю. Теперь же я встал на путь Истины, сделался монахом и из Китая прибыл сюда. Я первый вступил в борьбу с этим волшебником.

– Если вы – сошедший на землю небесный полководец, – сказал на это государь, – то вы несомненно владеете искусством превращений.

– Этим как раз я не могу похвастаться, – произнес Чжу Ба-цзе. – Хотя некоторые превращения мне известны.

– Ну-ка, совершите хотя бы одно из них, я посмотрю, – попросил государь.

– Какое именно превращение вы хотели бы видеть? – спросил Чжу Ба-цзе. – Я выполню ваше желание.

– Ну, сделайте больше! – сказал государь.

А надо сказать, что Чжу Ба-цзе действительно владел искусством тридцати шести превращений. И вот он проделал движение руками, произнес: «Увеличивайся!» – затем согнулся и сразу же увеличился до девяти чжанов, став похожим на духа, расчищающего путь умершим. Выстроившиеся возле трона двумя рядами сановники, глядя на него, задрожали от страха. А один из них даже окаменел и замер, вытаращив глаза. В этот момент какой-то полководец спросил:

– Почтенный отец! Но без конца вы, вероятно, не можете увеличиваться?

Тут Дурень снова стал рассказывать всякие удивительные вещи.

– Я могу, например, превращаться в восточный и в западный ветер, – сказал он. – Если поднимется южный ветер, то в синем небе я могу сделать большое отверстие.

– Прекратите свое волшебство! – испуганно воскликнул государь. – Я уже знаю, что вы умеете.

И вот, когда Чжу Ба-цзе принял свой обычный вид, государь снова спросил его:

– Ну а если вы отправитесь на бой с волшебником, каким оружием вы будете с ним сражаться?

Тут Чжу Ба-цзе вытащил из-за пояса свои грабли и сказал:

– Вот этими граблями.

– Да с таким оружием вы в два счета окажетесь побежденным, – рассмеялся государь. – На моих складах есть хлысты, когти, молотки, мечи, копья, алебарды, большие топоры, рапиры, сабли, рогатины, пики, серпы и прочее оружие. Вы можете взять что хотите. А ваши грабли разве оружие?

– Вам, ваше величество, вероятно, неизвестно, что эти грабли, хотя и грубы на вид, но я не расстаюсь с ними с малых лет. Когда я был полководцем в небесном водном дворце и в моем подчинении находилось восемьдесят тысяч воинов, эти грабли были моим единственным оружием. Вот и теперь, очутившись на земле и охраняя нашего учителя, я укрощаю этими граблями диких зверей в горах, усмиряю водяных драконов.

Услышав это, государь остался очень доволен и приказал девятой наложнице принести вина из императорских складов, чтобы достойно проводить Чжу Ба-цзе. Он собственноручно наполнил кубок и, поднося его Чжу Ба-цзе, промолвил:

– Почтенный отец! Пусть этот кубок вина послужит благодарностью за тот труд, который вы берете на себя. Когда же вы расправитесь с волшебником и освободите мою дочь, я в благодарность устрою вам великолепный пир и щедро вознагражу вас деньгами.

С виду Дурень был неуклюж и неотесан, однако знал правила приличия. Приняв от царя кубок, он обратился к Сюань-цзану с такими словами:

– Учитель! Этот кубок следовало бы, конечно, вначале поднести вам, но, поскольку государь милостиво пожаловал его мне, я не смею нарушить его волю и прошу вас разрешить мне выпить его. Это поможет мне успешно завершить начатое дело и выловить волшебника.

С этими словами Дурень мигом осушил кубок. Затем государь снова наполнил кубок и преподнес его Сюань-цзану.

– Я не пью вина, – смиренно отвечал тот, – а вы, братья, пейте, пожалуйста!

Тогда вперед выступил Ша-сэн и принял кубок. В этот момент у ног Чжу Ба-цзе появилось облако, и он вознесся ввысь.

Увидев это, государь сказал:

– Оказывается, почтенный отец Чжу Ба-цзе может летать на облаках!

Тем временем Дурень уже исчез из виду. А Ша-сэн, выпив вино, обратился к Сюань-цзану.

– Учитель, – сказал он, – боюсь, что Чжу Ба-цзе не справится один с волшебником. Даже когда мы вдвоем вели с ним бой, и то едва выдерживали его натиск. А Чжу Ба-цзе один и вовсе не устоит.

– Ты совершенно прав, ученик мой, – отвечал на это Сюань-цзан. – Отправляйся ему на помощь.

Тут Ша-сэн оседлал облако и бросился вдогонку за Чжу Ба-цзе. Правитель заволновался:

– Почтенный учитель, – сказал он Сюань-цзану, схватив его за руку, – вы-то хоть не улетайте, а побудьте со мной.

– К моему великому сожалению, – признался Сюань-цзан, – я и полшага не пролечу на облаке.

Однако не будем распространяться о том, как, оставшись вдвоем, они вели беседу. Вернемся лучше к Ша-сэну, который, догнав Чжу Ба-цзе, сказал ему:

– Дорогой брат, а вот и я.

– Ты зачем явился? – спросил Чжу Ба-цзе.

– А меня послал учитель в помощь тебе, – отвечал Ша-сэн.

– Вот это правильно! – обрадовался Чжу Ба-цзе. – Очень хорошо, что ты пришел. Если мы вдвоем как следует возьмемся за этого волшебника, он, несомненно, окажется в наших руках. Большой заслуги тут, конечно, нет, но все же в этой стране мы оставим о себе славную память.

Так на облаке счастья они
Оставляли столицу,
На сияющем в тучах луче
Миновали границу.

– Вот это правильно! – обрадовался Чжу Ба-цзе. —

И у горной пещеры спустились
По царскому слову,
Чтоб искусно добиться пленения
Волшебника злого.

Вскоре Чжу Ба-цзе и Ша-сэн прибыли к пещере и спустились на землю. Чжу Ба-цзе схватил свои вилы и что было сил хватил ими по воротам, пробив дыру величиной с кадущку. Перепуганные стражники поспешили открыть ворота, но, увидев Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, опрометью бросились назад.

– Великий князь, – доложили они, – беда! Опять этот длинномордый с большими ушами и тот, у которого зловещий вид, явились сюда и разбили наши ворота.

– Это Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, – сказал, сильно встревоженный волшебник. – Ведь я помиловал их учителя, как же посмели они снова явиться сюда, да еще ломать мои ворота!

– Может быть, они забыли что-нибудь из своих вещей, – сказали оборотни.

– Что за глупости! – рассердился волшебник. – Если даже они и забыли что-нибудь, зачем ломать ворота?! Нет, тут что-то не так.

Говоря это, он быстро надел боевые доспехи, взял меч и, выйдя из пещеры, крикнул:

– Эй вы, монахи! Ведь я помиловал вашего учителя, почему же вы снова явились сюда и ломаете наши ворота?!

– Ах ты, гнусный волшебник! – заорал Чжу Ба-цзе. – Хорошенькими делами ты здесь занимаешься! Нечего сказать!

– О каких это делах ты говоришь?!

– Ты обманом выкрал третью принцессу государства Баосянго. Силой заставил ее стать своей женой и держишь ее здесь уже тринадцать лет. Ты должен немедленно освободить ее. Мы пришли сюда по воле государя этой страны для того, чтобы схватить тебя. Иди в пещеру и скажи, чтобы тебя связали, а то нам неохота возиться с тобой.

Выслушав это, волшебник рассвирепел. Он стоял с грозным видом – один, как гора, скрипел зубами, дико вращал вытарашенными глазами, словом, выглядел как настоящий герой. Взмахнув своим мечом, он нацелился прямо в голову Чжу Ба-цзе. Однако тот успел уклониться от удара и, пустив в ход грабли, ринулся на своего противника. За ним и Ша-сэн, взмахнув своим посохом, вступил в бой. И вот в горах разыгралось сражение, которое нельзя было даже сравнить с предыдущим:

Нередко ложь рождает возмущенье,
И возникает гнев от оскорбленья.

Князь демонов стальным мечом разил,
И граблями монах отважный бил.
Сражался ими Чжу Ба-цзе отменно,
Вздыхался посох смелого Ша-сэна.
Противясь этим воинам небесным,
Князь демонов рубил мечом чудесным:
Не ведал он ни совести, ни страха;
Противились ему два праведных монаха.
Враги ходили – взад-вперед – неспешно,
Один сказал: «Теперь умрешь ты, грешный,
За то, что нарушаешь ты законы!»
Другой ему ответил оскорбленно:
«Ты не в свое не вмешивайся дело,
И мне защита слабых надоела!»
Один сказал: «Принцессу взяв коварством,
Над всем ты посмеялся государством!»
А тот в ответ: «Тебе-то что за дело!»
Меж ними битва снова закипела.
Из-за письма, что передано было,
Сраженье разгорелось с новой силой.

Уже раз девять схватывались они на склоне горы, и Чжу Ба-цзе почувствовал, что теряет силы. Ему стало трудно орудовать своими граблями. Почему же они вдвоем не могли справиться с волшебником? А объяснялось это очень просто. В первый раз, когда они сражались, им незримо помогали духи, охранявшие учение Будды, они находились здесь потому, что в пещере был Сюань-цзан. Теперь же эти духи находились в столице государства Баосянго, охраняя Танского монаха.

– Ша-сэн, – не выдержал наконец Дурень, – ты подерись с ним, а я немного отдохну.

И, не обращая внимания на то, что Ша-сэн удерживал его, он ринулся прямо в заросли густой травы и терновника. Колючки раздирали ему кожу на голове, царапали лицо, но он не чувствовал боли. Как подкошенный повалился Чжу Ба-цзе в траву и тут же уснул. Однако он немного высунул ухо, чтобы слышать, что делается, и сквозь сон до него доносился шум боя.

Между тем, увидев, что Ша-сэн остался в одиночестве, волшебник ринулся на него. Ша-сэн, не ожидая этого, совершил оплошность, и волшебник утащил его к себе в пещеру. Тут Ша-сэну связали ноги.

Однако о том, что случилось дальше с Ша-сэном, вы узнаете из следующей главы.

Глава тридцатая, ***повествующая о том, как злой дух посягнул на истинное*** ***учение и как конь-дракон вспомнил о мятущейся обезьяне***

Мы остановились на том, что волшебник приказал связать Ша-сэна. Однако он не убил его, не подверг избиению и даже не выругал. Взяв в руки свой стальной меч, он стал размышлять:

«Танский монах относится к высшему разряду людей, и с ним следовало обращаться по определенному этикету. В конечном счете я должен был сохранить ему жизнь. А его ученики, которых он прислал, ничего со мной не сделают. Постой-ка! – вдруг вспомнил он. – Вероятно, моя жена отправила к себе на родину письмо, и, таким образом, тайна оказалась раскрытой. Сейчас пойду узнаю у нее, как было дело».

И, приняв грозный вид, волшебник решил убить принцессу. Между тем принцесса, ничего не подозревая, закончила свой туалет и спокойно вышла в парадное помещение. Увидев рассвирепевшего мужа, который зло вращал глазами, теребил брови и скрежетал зубами, принцесса все же с улыбкой приветствовала его.

– Господин мой, – промолвила она, – вы чем-то удручены?

– Ты – низкая женщина, с сердцем собаки, – не выдержав, стал ругаться волшебник. – Ты нарушаешь все нормы людских отношений²⁹. Ведь когда я привез тебя сюда, я не сказал тебе ни одного плохого слова. Я одел тебя в шелка, подарил золотые украшения, в общем, доставил тебе все, что ты желала. С каждым днем я все больше люблю тебя. Почему же ты думаешь только о своих родителях и не чувствуешь никакой привязанности к мужу?

Услышав это, перепуганная принцесса упала на колени перед волшебником.

– Господин мой, – сказала она, – почему это ты вдруг вздумал говорить о разводе?

– Не знаю, кто из нас хочет этого: ты или я, – сердито ответил волшебник. – Я хотел поступить с тем лысым ослом по своему усмотрению, почему же ты, не сказав мне ни слова, освободила его? Теперь я все понимаю. Ты тайком написала своему отцу письмо и решила отослать его с монахом. Вот поэтому эти монахи снова явились сюда, напали на мою пещеру и требуют, чтобы я тебя отдал им. Разве все это не твоих рук дело?

– Господин мой, – произнесла женщина, – напрасно ты ругаешь меня. Разве осмелилась бы я послать какое-то письмо? – Так ты еще вздумала отпираться! – заорал волшебник. – Да я только что поймал одного из этих монахов, и он сейчас здесь. Разве это не явное доказательство твоей виновности?

– О ком ты говоришь? – спросила принцесса.

– О втором ученике Танского монаха – Ша-сэне, – отвечал волшебник. – Никому не хочется умирать, и каждый, конечно, старается свалить вину на другого.

– Господин мой, – сказала принцесса, – ты не сердись. Давай спросим этого монаха. Если окажется, что такое письмо действительно было, тогда можешь убить меня; я охотно приму смерть. Но если никакого письма не было, зачем меня убивать?

Однако волшебник не пожелал больше разговаривать с ней, протянул свои синие, огромные, как веяльная плетушка, руки и, схватив принцессу за волосы, подтащил к себе, повалил на пол и занес над ней меч. Но, прежде чем убить ее, он все же решил спросить Ша-сэна.

– Эй ты, Ша-сэн! – крикнул он. – Как это вы с Чжу Ба-цзе осмелились явиться сюда? Не иначе как эта женщина отправила к себе на родину письмо и ее отец послал вас сюда.

²⁹ *Нормы отношений между людьми («У-лунь»)*. – Пять норм общественных и семейных отношений: отношения между государем и подданными, отцом и сыном, мужем и женой, братьями, друзьями.

Взглянув на рассвирепевшего волшебника и на меч, занесенный над принцессой, Ша-сэн подумал:

«Я, конечно, знаю, что она отправила письмо, но ведь она спасла нашего учителя от смерти, тем самым совершив великое благодеяние. Если я скажу волшебнику правду, он убьет принцессу. А так, конечно, не платят за добро. За все время, что я нахожусь с Танским монахом, я ничего еще не сделал, чтобы отблагодарить его. И вот сейчас, раз уж я все равно привязан, я пожертвую своей жизнью, чтобы отплатить за великую милость, оказанную моему учителю». Подумав так, Ша-сэн тотчас же обратился к волшебнику.

– Эй ты! – крикнул он. – Не будь таким невежественным! Из-за какого это письма ты вздумал лишить принцессу жизни! Мы явились сюда совсем по другой причине. Это произошло потому, что ты захватил нашего учителя и не хотел отпускать его, а он случайно увидел здесь принцессу. Когда же он прибыл в Баосянго, то, явившись ко двору, чтобы получить разрешение на дальнейший проезд, разговорился с государем. Тот спросил учителя, не встречал ли он где-нибудь его дочери-принцессы, и описал ее наружность. Учитель в свою очередь рассказал о том, как выглядит принцесса и какие у нее манеры. Тут государь понял, что это и есть его дочь. Тогда он преподнес нам по бокалу вина и попросил отправиться сюда, схватить тебя и вернуть принцессу во дворец. Все это – истинная правда. Так что письмо, о котором ты говоришь, тут ни при чем. Если же тебе непременно хочется убить кого-нибудь, убивай меня, зачем же губить жизнь невинного человека и совершать преступление против законов неба?!

Услышав, как смело и решительно говорит Ша-сэн, волшебник выронил из рук меч и, поднимая принцессу, сказал:

– Я был очень груб и оскорбил тебя. Прости, пожалуйста, и не сердись.

Он заботливо разгладил на ней платье, осторожно поправил прическу и, всячески стараясь загладить свою вину, нежно подняв принцессу, унес ее в помещение. Здесь он усадил ее и принес ей извинения, совершив поклоны. Ну а принцесса, как всякая женщина, видя, что волшебник всячески старается оказать ей почести, решила воспользоваться этим.

– Господин мой, – сказала она, – если ты действительно любишь меня, вели ослабить веревки у этого монаха.

Волшебник сразу же приказал развязать Ша-сэна и запереть его. Ша-сэн очень обрадовался такому обстоятельству.

«Еще в старину говорили, – подумал он: – “Делая добро другим, – делаешь добро и себе”. Если бы я не выручил ее, разве догадалась бы она попросить волшебника освободить меня от веревок?»

Между тем волшебник велел устроить пир, чтобы извиниться перед принцессой за причиненное ей беспокойство. И вот, захмелев, он вдруг надел новое платье, взял в руки меч и, поглаживая принцессу, сказал:

– Ты оставайся дома, жenuшка, пей и закусывай. Только хорошенько смотри за детьми да монаха не выпускай. Я же, пользуясь тем, что Танский монах сейчас в Баосянго, хочу побывать там и познакомиться со своими родственниками.

– С какими же родственниками ты хочешь знакомиться? – спросила принцесса.

– С твоим отцом-государем, – отвечал волшебник. – Ведь я как-никак прихожусь ему зятем, а он мне тестем. Почему бы нам и не познакомиться?

– Нельзя тебе ходить туда, – сказала принцесса.

– Почему же это? – удивился волшебник.

– Да потому, что страна, которой правит мой отец, не завоевана им в битвах и сражениях, – сказала принцесса. – Царство досталось ему по наследству от предков, и еще в младенческом возрасте он вступил на престол. Он никогда надолго не покидал свою страну и никогда не был таким свирепым, как ты. К тому же весь твой облик так безобразен, что он, увидев тебя, может напугаться. Нет, уж лучше тебе туда не ходить.

– Но я могу принять другой, более пристойный вид, и все будет в порядке, – сказал волшебник.

– Ну-ка, прими, я посмотрю, – предложила принцесса.

О, чудесный волшебник! Он тут же встряхнулся и превратился в статного красавца.

Он был красив. Не гнулся стройный стан;
Речь, – как у тех, что носят важный сан.
Казалось, что ему немало лет.
И духом был он, как Цзы Цзянь³⁰ – поэт;

Пань Аню³¹ был подобен красотой,
Тому, которому народ простой,
Когда его на улице встречал,
В восторге лучшие плоды бросал.

Любил сорочью шапку надевать
И выпускать волос густую прядь;
Носил он разноцветные шелка
И рукавом покачивал слегка;

Блестящий пояс ярко был расшит...
Поистине – великолепный вид!
И даже пестрой вышивкой сапог
Красавец этот похвалиться мог.

Увидев его, принцесса пришла в восторг.

– Ну как, женка, хорош я теперь? – спросил смеясь волшебник.

– Хорош, очень хорош! – воскликнула принцесса. – В таком виде ты можешь идти ко двору. Государь, мой отец, конечно, не откажется от такого родственника; он созовет гражданских и военных сановников и устроит в честь твоего прибытия роскошный пир. Только смотри, будь осторожен и хорошенько следи за тем, чтобы случайно не принять свой настоящий вид. Если обман раскроется, получится большая неприятность.

– Об этом можешь не тревожиться, – сказал волшебник. – Я знаю, что делать.

И вы только взгляните: он взобрался на облако и в тот же миг очутился в стране Баосянго. Подойдя к воротам дворца, он обратился к начальнику стражи:

– Доложите, пожалуйста, государю о том, что прибыл его зять.

Один из стражей поспешил к государю.

– Великий государь! Сюда прибыл твой зять, муж третьей принцессы. Он ждет у ворот дворца.

В этот момент государь как раз беседовал с Сюань-цзаном. Услышав, что прибыл третий зять, он, обращаясь к своим приближенным, сказал:

– У меня есть только два зятя, откуда же взялся третий?

– Третий зять, – сказали на это сановники, – не кто иной, как сам волшебник!

– Что получится, – растерянно произнес государь, – если мы пригласим его сюда?

Между тем Сюань-цзан, услышав это известие, пришел в полное замешательство.

³⁰ Цзы Цзянь. – Имеются в виду семь выдающихся литераторов в эпоху Цзянь-ань (196—220 гг.).

³¹ Пань Ань – имя человека, прославившегося своей красотой.

– Ваше величество, – промолвил он, – ведь это же колдун! Если бы он не умел превращаться в призрак, он не мог бы быть колдуном. Ему известно и прошлое и настоящее. Он обладает искусством ездить на облаках и тумане. Пригласите вы его или нет, он все равно войдет. Лучше уж пригласить. Будет меньше неприятностей.

– Введите его, – приказал государь.

Волшебника ввели в зал. Подойдя к трону, он, грациозно изогнувшись, отдал полагающиеся почести. Когда сановники увидели перед собой статного, красивого мужчину, никому из них и в голову не пришло, что перед ними волшебник. Он ничем не отличался от простого смертного, да к тому же с виду был прекрасным человеком.

А государь, увидев перед собой такого красавца, готов был принять его за одного из великих мужей, которые отвечают за управление государством.

– Дорогой зять, – сказал он, обращаясь к нему, – скажите, пожалуйста, где ваш дом, из какой страны вы прибыли, когда успели жениться на принцессе – моей дочери, и почему только сейчас пришли познакомиться со мной?

– Дорогой тесть, – отвечал, земно кланяясь, волшебник, – ваш покорный слуга – властелин пещеры Боюэ на горе Ваньзышань, которая лежит к востоку от вашей страны.

– А далеко эта гора отсюда? – снова спросил государь.

– Совсем недалеко, всего триста ли, – отвечал волшебник.

– Триста ли? – удивился государь. – Как же моя дочь попала туда и как вы поженились?

Тут волшебник стал придумывать весьма сложную историю.

– Дорогой тесть, – сказал он. – С малых лет я увлекался охотой из лука и верховой ездой. Охота – мое главное занятие. Тринадцать лет тому назад в сопровождении нескольких десятков слуг я отправился на охоту с соколами и собаками. Вдруг мы увидели полосатого тигра, который нес на спине женщину. Тигр спускался с горы. Тут я натянул свой лук, пустил стрелу и подстрелил тигра. Женщину мы отвезли в мои владения, выкупали ее в теплом источнике, и она пришла в себя. Таким образом нам удалось спасти ей жизнь. Мы стали расспрашивать, откуда она родом, но она ни разу не назвала вашего имени. Если бы она хоть упомянула о том, что является третьей дочерью государя, разве я осмелился бы жениться на ней. Я счел бы своим долгом явиться к вам во дворец и просить какой-нибудь должности, чтобы прославить свое имя. Но она говорила, что она дочь простых родителей, потому я и оставил ее у себя. Она оказалась очень умной, способной девушкой, мы понравились друг другу, поженились по обоюдному желанию, и теперь уже много лет состоим в браке. Я хотел убить тигра и пригласить на пир родственников, но моя жена попросила не убивать его. Причину своей просьбы принцесса изложила в нескольких строках, в которых очень хорошо была показана ее нравственная сущность. Строки эти гласили:

Милостью земли и неба
Мужем и женой мы стали,
Без свидетелей и сватов
Нашу свадьбу мы сыграли.

Жениху с невестой ноги
Красный шнур вязал когда-то,
А для нас был тигр свирепый
За свидетеля и свата.

– Выслушав ее, я приказал отпустить тигра, и он умчался вместе со стрелой, которую я выпустил в него. Я даже не знал, что он остался жив. Живя в горах, он все эти годы совершенствовался, стал волшебником и кормился тем, что вылавливал сбившихся с дороги путников.

Мне стало известно, что за это время там проходило несколько паломников за священными книгами, все это были монахи из страны Танов. Несомненно, что этот тигр погубил и последнего Танского монаха, завладел его бумагами и, приняв его облик, явился к вам во дворец, чтобы обмануть вас, дорогой тесть. Да вот этот разукрашенный чурбан, – воскликнул он, указывая на Сюань-цзана, – и есть тот самый тигр, который тринадцать лет тому назад утащил вашу дочь. Не думайте, что это паломник за священными книгами.

И вот слабовольный и не очень далекий государь не только не распознал волшебника, но, наоборот, принял все его рассказы за истинную правду.

– Дорогой зять мой! – сказал он. – Как же вам удалось узнать в монахе тигра, который утащил мою дочь?

– Уважаемый тесть, – отвечал волшебник, – я живу в горах, и питаюсь тиграми, и сплю на их шкурах. Я, можно сказать, ложусь и встаю вместе с ними. Как же мне не знать их!

– В таком случае заставьте этого тигра принять свой настоящий вид! – сказал государь.

– Прикажите принести мне полчашки чистой воды, – попросил волшебник, – и я заставлю его принять свой настоящий вид.

Государь приказал принести воды и передал ее зятю. Волшебник подошел к Сюань-цзану и, применив способ «черные глаза устанавливают тело», произнес заклинание и, набрав в рот воды, прыснул ею на Сюань-цзана и крикнул: «Изменись!» В тот же миг тело монаха поднялось вверх, а сановники, будучи простыми смертными, увидели перед собой полосатого тигра.

Вздымалась голова,
На лбу пятно белело,
Броски огромных лап
Несли громаду тела.

Как молнии небес,
Сверкал тигриный взор,
А шкуру испещрял
Причудливый узор.

Как крючья, круто
Когти изгибались:
В добычу, как мечи,
Они вонзались.

Вгрызались зубы,
Словно зубья пил...
Тигр – в ярости
На кошку походил.

Остервенясь,
Казался нравом злобным
Он диким, желтым буйволам
Подобным.

Как лук, натянут был
Язык шершавый...
Зверь тяжело дышал
Смертельною отравой;

Вздымал стальную шерсть,
Как острую щетину,
Как будто сотни спиц
Унизывали спину.

Был страшен этот зверь:
Огромный, полосатый,
И рык его потряс
Дворцовые палаты.

При виде тигра у государя душа ушла в пятки, а сановники разбежались кто куда. Однако нашлось несколько отважных полководцев, которые вместе с подчиненными им командирами ринулись вперед и начали напропалую колотить тигра. И если бы Сюань-цзану суждено было умереть, то на этот раз будь на его месте даже двадцать монахов, они все были бы превращены в кровавое месиво. Но, к счастью, в этот момент появились духи – хранители учения Будды, духи Лю-дин и Лю-цзя и духи- стражи, которые, находясь в воздухе, охраняли Сюань-цзана. Поэтому оружие, с которым на него бросились воины, не причинило ему ни малейшего вреда. Воины бушевали до вечера и, наконец, взяли тигра живым, связали его железными прутьями и посадили в железную клетку.

Между тем государь вызвал главного казначея и приказал ему устроить в честь зятя пир, желая отблагодарить его за то, что он избавил их от смертельной опасности и разоблачил монаха. В тот вечер сановники очень поздно покинули дворец. Волшебник вошел в зал Серебряного спокойствия. Во дворце были отобраны восемнадцать красавиц, которые играли, пели, танцевали, приглашая волшебника пить вино и веселиться. Волшебник восседал на почетном месте. По обеим сторонам от него расположились обворожительные, изящные девушки. Волшебник изрядно выпил и ко второй страже совсем опьянел. Тут он забыл о всякой предосторожности. Вскочив на ноги, он расхохотался, принял свой настоящий облик, и у него возникли злодейские намерения. Он протянул свои огромные лапы к находившейся рядом с ним девушке, игравшей на пиба³², схватил ее и в один миг откусил ей голову. Остальные семнадцать девушек, обезумев от страха, бросились бежать сломя голову.

Дамы при дворе
От страха растерялись,
И в испуге
Падают красотки,
Каплями дождя ночного,
Что в саду стекают
По решетке,
Окружающей цветущий лотос.
Разбежались милые подруги;
Как цветы гортензий
Под дыханьем ветерка весенним,
Задрожали,
Помышляя только о спасенье.
Лютни и пиба
Поразбивали,

³² *Пиба* – четырехструнный музыкальный инструмент.

Лютни и пиба
Они сломали,
Спотыкаясь, падая
В смятенье.
Прижимаясь в ужасе
Друг к другу,
Не поймут,
Куда им скрыться
От беды жестокой:
К северу бежать им
Или к югу,
К Западу стремиться,
Иль к востоку.
Спотыкаясь, падая,
Бежали,
Красоту теряя
В столкновенье.
Каждая бежала,
Что есть силы,
Помышляя только
О спасенье.

Была глубокая ночь, и девушки не осмеливались даже крикнуть, чтобы не потревожить государя. Мы не будем говорить о том, как они, дрожа от страха, спрятались, притаившись около стены, а вернемся лучше к волшебнику. Оставшись один, он то и дело наливал себе вина. Выпьет чашку, схватит какого-нибудь человека и в два счета проглотит его, упиваясь кровью.

Между тем в городе прошел слух, что Танский монах оказался тигром-оборотнем. Разговоры об этом распространялись, пока, наконец, не дошли до гостиницы «Золотой павильон». А там в этот момент никого не было, кроме коня Сюань-цзана, который в это время жевал заданный ему корм. А как вы знаете, читатель, конь этот был не простым конем, а сыном царя драконов Западного моря. За нарушение небесных законов ему отрезали рога и превратили его в животное. Впоследствии он был превращен в белого коня, который должен был везти Сюань-цзана на Запад за священными книгами.

Услышав о том, что Танский монах совсем не монах, а оборотень-тигр, конь подумал: «Наш учитель, несомненно, хороший человек, не иначе как какой-нибудь волшебник превратил его в тигра и хочет погубить его. Что же теперь делать? Как быть? Нашего старшего брата давно уже нет с нами, а от Чжу Ба-цзе и Ша-сэна тоже никаких вестей».

Дождавшись второй стражи, он вскочил на ноги.

– Если я не спасу Танского монаха, – сказал он себе, – то никогда не смогу искупить своей вины.

И, не в силах сдерживать себя, он разорвал повод, которым был привязан, и сбросил с себя седло и сбрую. Затем он потянулся и поспешил принять свой прежний вид, превратившись в дракона. Взлетев в облака, он поднялся прямо на девятое небо и стал осматриваться. Об этом сложены стихи, которые гласят:

Трипитака пошел на Запад,
Он Будде желал поклониться;
В руки волшебника злобного
На пути попался нечаянно.

Тот превратил его в тигра, —
Как ему освободиться!
Белый конь его вздыбился,
Чтобы сбросить хозяина.

И вот сын царя драконов увидел зал Серебряного спокойствия. Он был ярко освещен и, казалось, сиял. Там были зажжены восемь фонарей с восемью свечами. Дракон спустился пониже и, присмотревшись внимательно, увидел, что волшебник, восседая на почетном месте, попирая священные законы, пьет вино и закусывает человеческим мясом.

– Ну, негодяй, пришла твоя смерть, выдал ты себя с головой, – смеясь сказал дракон. – Смотри, как он ликует! Да, в пожирании людей ты большой знаток. Однако где же может быть учитель? Пока что мне удалось встретить только эту низкую тварь. Сыграю я сейчас с ним штуку. Главное – расправиться с волшебником, а спасти учителя я еще успею.

О, прекрасный молодой дракон. Он встряхнулся и сразу же превратился в одну из придворных девушек, очаровательную и грациозную. Плавно она поспешила в зал и, склонившись перед волшебником, пожелала ему всяческого счастья и благополучия.

– Зять, – сказала она, – надеюсь, вы не причините мне вреда, я пришла наливать вам вино.

– Ну что ж, наливай, – согласился волшебник.

Тогда дракон взял кувшин и налил в чашку волшебника вино. Но налил он так, что вино было на три – пять фыней³³ выше краев и тем не менее не разливалось. Это оказалось возможным потому, что дракон владел способом умирения воды. Увидев это, волшебник очень удивился.

– Так вот что ты можешь делать, – сказал он.

– Я могу налить еще на несколько фыней выше, – сказал дракон.

– Ну-ка, наливай, наливай, – попросил волшебник.

Тогда дракон начал лить, а вино в чашке все поднималось и поднималось, пока не достигло высоты тринадцатизэтажной башни. Несмотря на то что этот столб был узким и высоким, из него не вылилось ни капли. Тут волшебник вытянул морду, выпил вино и, подтянув к себе убитую им жертву, откусил от нее.

– Ты петь умеешь? – спросил он.

– Умею немножко, – сказал дракон и тут же спел песенку.

– А танцевать ты можешь? – спросил волшебник.

– Немного могу, – отвечал дракон. – Однако танцевать с пустыми руками как-то некрасиво.

Тогда волшебник скинул с себя кафтан и, вытащив из висевших у него на поясе ножен меч, передал его дракону. Тот взял меч, осторожно проделал им три выпада вверх, четыре вниз, пять влево, шесть вправо, а затем прибегнул к «способу цветущего меча». Увидев это, волшебник от злости заскрежетал зубами. А дракон, схватив меч, нарисовал им в воздухе иероглиф-цветок и намеревался с силой ударить волшебника. Но тот вовремя уклонился в сторону. Волшебник не растерялся и, схватив стоявший рядом огромный фонарь, отразил удар. А надо сказать, что фонарь был сделан из кованого железа и вместе с подставкой весил около девяноста цзиней.

После этого оба противника покинули зал Серебряного спокойствия. Дракон принял свой настоящий вид и, взметнувшись на облако, вступил в бой с волшебником. Этот бой во тьме был поистине удивительным.

Один из них был чародеем,

³³ Фынь – мера длины, равная 0,1 цуня.

В горах Ваньцзышань рожденным,
Другой же низринутым с неба
Был Западных вод драконом.

Один из них свет своих подвигов
Метал, словно молнии, бурно,
Другой источал свою силу,
Подобную туче пурпурной.

Один был, как слон белоклыкий,
Что к людям приходит и внемлет...
Лисой с золотыми когтями
Другой опустился на землю.

И первый поддерживал небо,
Нефритовой высясь колонной,
Другой же поддерживал море, —
Он балкой лежал золоченой.

Драконом серебряным в небе
Летал, в высоте извивался,
А желтый волшебник, взмывая
И падая вниз, — кувырчался.

И меч остановки не ведал,
Разил он, как будто играя,
И в вихре качался фонарик,
Метался от края до края.

Раз девять они уже схватывались, и дракон почувствовал, что слабеет. Волшебник же был по-прежнему полон энергии. Не имея сил противостоять своему противнику, дракон бросил в него меч. Но волшебник знал способ улавливания меча. Он схватил одной рукой меч, второй швырнул в него фонарем и продолжал драться. Наконец дракон промахнулся, и волшебник схватил его за заднюю ногу. Тут дракон опрометью бросился вниз и, на его счастье, ему удалось укрыться в реке и спасти свою жизнь. И вот, когда он скрылся в воде, волшебник, бросившийся за ним, потерял его из виду и, не найдя его, взял меч и фонарь и вернулся в зал Серебряного спокойствия. О том, как он там продолжал пить вино и затем уснул, мы пока говорить не будем.

Вернемся теперь к дракону. Опустившись на дно реки, он выждал там с полстражи³⁴ и, не слыша никакого подозрительного шума, решился выглянуть наверх. Он взобрался на облако и вернулся в гостиницу. Здесь он снова принял вид коня и прошел в конюшню. Но вид у него был жалкий; он весь был мокрый, с израненными ногами.

Однако мы не будем пока говорить о тяжелом положении Сюань-цзана и о том поражении, которое потерпел молодой дракон, а вернемся сейчас к Чжу Ба-цзе. Покинув Ша-сэна, он поспешил укрыться в траве и, свернувшись там клубком, захрапел. Проспал он до глубокой ночи. Проснувшись, никак не мог понять, где находится. Протирая глаза, он с трудом пришел в себя и начал внимательно прислушиваться. И тут понял, что находится в отдаленных горах,

³⁴ В старом Китае ночное время делилось на стражи. Стража равна двум часам.

где не слышно ни лая собаки, ни крика петуха. Взглянув на Большую Медведицу, он определил, что сейчас должна быть уже третья стража, и подумал:

«А ведь надо идти выручать Ша-сэна. Вот уж поистине правильно говорится: “Из одной шелковинки нельзя сделать нитки, одной ладонью нельзя хлопнуть в ладоши”. Хотя, постой! Отправлюсь-ка я в город проведать учителя... Затем соберу в помощь себе храброе войско, а завтра вернусь сюда выручать Ша-сэна».

И вот наш Дурень вспрыгнул на облако и, очутившись в городе, сразу же прибыл в гостиницу. Вокруг было тихо. На небе сверкала луна. Чжу Ба-цзе осмотрел все помещение, но Сюань-цзана нигде не обнаружил. Он нашел только коня, который спал в стойле. Конь был весь мокрый, а на задней ноге у него зияла огромная черная рана.

«Вот уж не везет, так не везет, – подумал, окончательно встревожившись Чжу Ба-цзе. – Этот конь ведь никуда не ходил, почему же он весь в поту и на ноге у него рана? Наверное, какой-нибудь злодей напал на учителя и поранил коня».

А конь, узнав Чжу Ба-цзе, вдруг обратился к нему человеческим голосом:

– Брат, это ты!

Услышав это, Чжу Ба-цзе от страха повалился на землю, но тут же вскочил на ноги и бросился бежать. Однако конь вскочил и зубами схватил Чжу Ба-цзе за полу.

– Дорогой брат, – промолвил он, – не бойся меня.

– Брат, – сказал тогда, не переставая дрожать Чжу Ба-цзе, – почему это ты сегодня заговорил человеческим голосом? Вероятно, произошло какое-нибудь большое несчастье?

– Знаешь ли ты о том, что с учителем стряслась беда?

– Ничего не знаю, – сказал Чжу Ба-цзе.

– Вижу, что ты ничего не знаешь, – отвечал дракон. – Когда вы с Ша-сэном показали перед государем свои способности, у него появилась мысль захватить этого волшебника, и он попросил вас взяться за это дело, обещая щедрое вознаграждение. Однако волшебник оказался сильнее вас. Хорошо еще, что в гостиницу вернулся один человек и я услышал от него, что произошло. Спросить его, я, конечно, не мог, однако услышал, что волшебник под видом красивого и благородного человека проник во дворец, чтобы познакомиться со своим тестем. Там он превратил нашего учителя в полосатого тигра, которого придворные схватили и посадили в железную клетку. У меня сердце разрывалось на части. Вас с Ша-сэном здесь не было, и я боялся, что если упущу момент, то жизнь учителя окажется в опасности. Поэтому я и решил принять вид дракона и спасти учителя. Однако, прибыв ко двору, учителя я нигде не нашел. А в зале Серебряного спокойствия увидел волшебника. Тут я принял вид придворной дамы и обманул волшебника. Он заставил меня танцевать с мечом. Улучив момент, я хотел ударить его, но ему удалось увернуться и ускользнуть. Тогда он обеими руками схватил фонарь и нанес мне удар. Я бросил в него меч, однако он ловко поймал его. Затем он швырнул в меня фонарем и поранил мне заднюю ногу. Тут уж мне пришлось думать о спасении своей жизни, и я, ринувшись вниз, скрылся на дне реки. Вот откуда у меня на ноге рана.

– Неужели все это правда? – спросил Чжу Ба-цзе.

– Зачем же мне обманывать тебя? – удивился дракон.

– Что же теперь делать? Как быть? – в раздумье произнес Чжу Ба-цзе. – А двигаться ты можешь?

– Могу, а что?

– Если ты можешь двигаться, уходи в море, – сказал Чжу Ба-цзе. – А я заберу свои вещи и вернусь в деревню Гаочжуан, к родному очагу.

Услышав это, дракон схватил зубами полу одежды Чжу Ба-цзе и решительно отказался отпустить его.

– Брат, – со слезами на глазах сказал он, – ты не должен быть таким нерадивым учеником.

– Ну а что же, по-твоему, я должен делать? – спросил Чжу Ба-цзе. – Ша-сэна захватил волшебник, а я с ним справиться не могу. Чего же нам еще ждать? Надо расходиться по домам.

Дракон долго думал и наконец снова заговорил:

– Дорогой брат! Не говори так. Если хочешь спасти учителя, надо позвать кого-нибудь на помощь.

– Кого же ты хочешь, чтобы я позвал? – спросил Чжу Ба-цзе.

– Не теряй времени, – отвечал дракон, – отправляйся на облаке на гору Цветов и плодов и позови сюда нашего старшего брата Сунь У-куна. Он обладает силой усмирения волшебников. Пусть он придет сюда, спасет нашего учителя и заодно отомстит за те поражения, которые потерпели мы с тобой.

– Лучше я позову кого-нибудь другого, – сказал на это Чжу Ба-цзе. – С этой обезьяной я не в ладах. Когда мы еще были на горе Белого тигра и он убил там волшебника – Белую кость, он рассердился на меня за то, что я надоумил учителя прочесть псалом о сжатию обруча. Я хотел просто пошутить и вовсе не думал, что учитель примет все всерьез, начнет читать псалом и прогонит Сунь У-куна. Ты знаешь, как это тревожит меня. Да потом он ни за что не согласится идти сюда. Если в чем-нибудь перечить ему, он пустит в ход свой посох. А когда он, ни с чем не считаясь, начнет размахивать им, то мне живым не выбраться оттуда.

– Зачем он станет бить тебя? – сказал на это дракон. – Все же он гуманный и справедливый, Царь обезьян. Когда увидишь его, не говори, что с учителем стряслась беда. Скажи только, что учитель соскучился без него. В общем, замани его как-нибудь сюда. А вот когда он узнает, что произошло, то он разозлится и схватится не на жизнь, а на смерть с этим волшебником: тогда волшебнику конец, а учитель будет спасен.

– Ладно-ладно, – сказал Чжу Ба-цзе. – Раз ты принимаешь все это так близко к сердцу, придется мне пойти, а то выходит – мне до всего этого никакого дела нет. Я отправлюсь на гору Цветов и плодов. Если Сунь У-кун согласится прийти сюда, вернусь вместе с ним. Если же он откажется, я не вернусь, не жди меня больше.

– Ладно, иди, иди, – сказал дракон. – И непременно приведи его сюда.

Тут Дурень подхватил свои грабли, заправил за пояс рясу и, прыгнув вверх, оседлал облако и отправился прямо на восток. И на этот раз не суждено было Танскому монаху погибнуть. Дурень плыл с попутным ветром. Огромные уши служили ему парусами, и вскоре он достиг Восточного моря. Здесь он опустил на землю и, даже не замечая времени, углубился в лес и стал искать дорогу. И вот в тот момент, когда он продвигался вперед, он вдруг услышал голоса. Внимательно присмотревшись, он увидел в горной долине Сунь У-куна. Вместе с ним там было множество оборотней. Сунь У-кун сидел вверху, на каменной скале, а перед ним стройными рядами расположились более тысячи двухсот обезьян, которые восклицали:

– Да здравствует отец наш, Великий Мудрец!

«Вот это почет! – подумал Чжу Ба-цзе. – Что же удивительного в том, что он не хотел быть монахом и все время рвался к себе домой? Так вот, оказывается, в каком хорошем месте он живет, а какое хозяйство! И к тому же столько обезьян, которые ухаживают за ним. Да если бы у меня была такая гора, я ни на минуту не остался бы монахом. Однако как же мне быть? – думал он. – Раз уж я прибыл сюда, хочешь не хочешь, а придется повидаться с ним».

А надо сказать, что Дурень все же побаивался Сунь У-куна и не осмеливался прямо и открыто предстать перед ним. Прячась в траве, он тайком проскользнул в толпу обезьян и вместе с ними начал отбивать перед Царем обезьян вемные поклоны. Но он не учел, во-первых, того, что Сунь У-кун сидел высоко и ему все было видно, а во-вторых, забыл про весьма зоркие глаза своего старшего брата.

– Что это там за дикарь и как безобразно он кланяется? – громко спросил Сунь У-кун. – Откуда он взялся? Приведите-ка его сюда.

И только он это сказал, как обезьяны набросились на Чжу Ба-цзе, вытолкнули вперед и поставили перед Сунь У-куном.

– Ты откуда пришел? – обратился к нему Сунь У-кун.

– Я не осмеливаюсь обратиться к вам, – опустив голову, сказал Чжу Ба-цзе. – Я совсем не чужой, а ваш хороший знакомый.

– Все мои подчиненные обезьяны, – сказал на это Сунь У-кун, – совершенно одинаковы. У тебя же морда совсем другая. Да и выглядишь ты каким-то увальнем. Конечно, ты оборотень и неизвестно откуда пришел. Ну а раз ты пришел со стороны и хочешь быть моим подчиненным, то прежде всего расскажи о себе, кто ты такой? Когда ты сообщишь мне свое имя, я, может быть, оставлю тебя здесь, и ты будешь жить, как и все остальные. Но я могу и не оставить тебя здесь. Как же ты посмел явиться сюда и нарушить церемонию?

– И не стыдно тебе, – обиделся Чжу Ба-цзе, надув губы и опустив голову. – Взгляни на меня! Сколько лет я был твоим нареченным братом, а ты даже не хочешь признавать меня и называешь чужеземцем.

– Ну-ка, подними голову, дай мне посмотреть на тебя, – сказал смеясь Сунь У-кун.

Тут Чжу Ба-цзе вытянул свою морду и крикнул:

– Ну, видел? Если не признаешь меня, хорошо, что хоть физиономию мою признал!

– Чжу Ба-цзе! – не удержавшись, расхохотался Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе даже подскочил.

– Ну, конечно, это я, Чжу Ба-цзе, – закричал он. «Раз узнал, так и разговаривать будет легче», – подумал он.

– Почему же ты оставил Танского монаха и явился сюда? – спросил Сунь У-кун. – Ты, видно, оскорбил учителя, и он прогнал тебя? Есть у тебя какое-нибудь свидетельство об отставке? Дай-ка я посмотрю.

– Учителя я не оскорблял, – сказал Чжу Ба-цзе. – Никакой бумаги он мне не давал и не прогонял меня.

– Почему же в таком случае ты пришел сюда?

– Учитель соскучился по тебе, – сказал тут Чжу Ба-цзе, – и послал меня за тобой.

– Вовсе он меня не приглашал, да и не соскучился по мне, – сказал на это Сунь У-кун. – Он перед небом дал клятву, что отказывается от меня навсегда и в доказательство этого своей собственной рукой написал мне свидетельство. Почему же это он вдруг заскучал обо мне и послал тебя в такую даль за мной? Нет, нечего мне идти туда.

Чжу Ба-цзе растерялся.

– Но он действительно соскучился по тебе, – поспешил он заверить Сунь У-куна.

– Что же это он вдруг заскучал? – спросил Сунь У-кун.

– Вот, например, когда мы идем, – сказал Чжу Ба-цзе, – учитель обращается ко мне, а я не слышу. Ша-сэн тоже прикидывается глухим. Тут учитель всегда вспоминает о тебе и говорит, что мы никуда не годимся. Он считает тебя умным и сообразительным. Если тебя позвать, ты всегда откликаешься. На каждый вопрос у тебя готово десять ответов. В общем, учитель ощущает твое отсутствие. Поэтому он и послал меня за тобой. Очень прошу тебя – пойдем со мной. Ты не должен огорчать учителя и, кроме того, подводить меня, я ведь шел за тобой издалека.

Выслушав его, Сунь У-кун спрыгнул со скалы и, схватив Чжу Ба-цзе за руку, сказал:

– Дорогой брат! Раз уж ты пришел издалека, давай прогуляемся.

– Время не ждет, – отвечал Чжу Ба-цзе. – Учитель не хочет задерживаться в пути, и мне не до прогулок.

– Нет, раз уж ты попал сюда, ты должен посмотреть, какие у нас здесь красивые места, – сказал Сунь У-кун.

Дурень не смел больше отказываться и пошел за Сунь У-куном. Шли они, обняв друг друга, а за ними следовали подчиненные Сунь У-куна. Они поднялись на вершину горы Цветов и плодов. Здесь было удивительно красиво. Возвратившись в свои владения, Великий Мудрец за короткое время успел навести образцовый порядок:

Синева была подобна
Зимородка оперенью;
На горах водились тигры,
Жили в логовах драконы.

В облака вступали горы;
Раздавались в отдаленье
Журавлиный крик печальный,
Обезьяний визг и стоны.

По утрам клубились тучи,
И туман вставал в ущелье,
На закате в чашу леса
Солнца падало сиянье;

И звенели там потоки,
Словно кольца ожерелья,
И нежней казалось лютни
Струй спадающих журчанье.

На горах росли деревья
И, цветя и зеленея,
Перед цепью этой горной,
Шли подъемы и откосы;

Подымали горы миску,
Ту, в которой ночью феи
Умывались и плескались,
Мыли шелковые косы.

А внизу сходили горы
К Млечному Пути, откуда
Посылается на землю
Рек раздольное теченье;

И земля сливалась с небом,
И казалась светлым чудом,
Красотой, Пэнлаю равной,
Вызывая восхищенье.

Чистота и муть когда-то,
Разделясь, образовали
Небожителей бессмертных
Драгоценное жилище.

Кисть художника и краски
Воссоздали бы едва ли
Эти скалы, что сияют
Блеска солнечного чище.

Перед этою задачей
Отступил бы даже гений,
Свет гирляндами вздымался,
И вершина засияла;

Темно-красными лучами
По камням скользили тени,
Ароматов легких нити
Вдруг сплелись зарею алой.

Рай земной такие горы —
И полны благословенья:
В красоте первоначальной
И утесы и долины.

Здесь растут на горных склонах
Вечно свежие растенья,
Новые цветы одели
Неприступные вершины.

Чжу Ба-цзе смотрел, смотрел и никак не мог налюбоваться окружающей красотой. Чрезвычайно довольный всем виденным, он в восторге воскликнул:

– Дорогой брат, какое чудесное здесь место! Это, несомненно, самая красивая гора во всей Поднебесной!

– Ну что, брат, – спросил Сунь У-кун, – можно здесь жить?

– Что ты, – смеясь сказал Чжу Ба-цзе, – это благословенная земля, а ты спрашиваешь, можно ли здесь жить.

Так, беседуя и шутя, они не заметили, как пролетело время. Спустившись с горы, они увидели около дороги нескольких обезьян, которые почтительно преподнесли им огромные гроздья темно-красного винограда, душистые груши и финики, отливающие желтизной пива, дымчато-красные спелые сливы.

– Великий Мудрец, – промолвили обезьяны, встав на колени, – разрешите пригласить вас завтракать.

– У моего брата, – сказал смеясь Сунь У-кун, – неплохой аппетит, и одними фруктами его, пожалуй, не накормишь. Ну, да ладно. Ты уж не побрезгуй тем, чем мы богаты. Может быть, они заменят тебе пироги?

– Хоть аппетит у меня действительно неплохой, – сказал на это Чжу Ба-цзе, – но я всегда уважаю обычаи тех мест, где мне приходится бывать. Давайте, я попробую, что у вас за фрукты.

И Чжу Ба-цзе вместе с Сунь У-куном принялись за еду. Между тем день уже был в самом разгаре, и Дурень начал беспокоиться о том, что они не успеют спасти Танского монаха.

– Дорогой брат, – стал он торопить Сунь У-куна, – учитель, верно, ждался нас. Нам следовало бы поторопиться.

– Почтенный брат мой, – отвечал на это Сунь У-кун. – Прошу тебя пройти в пещеру Водного занавеса и отдохнуть немного.

– Я очень признателен тебе, дорогой брат, за твою любезность и гостеприимство, – ответил Чжу Ба-цзе, – но учитель и так давно ждет нас. Уж лучше нам, пожалуй, не ходить в пещеру.

– В таком случае не смею больше задерживать тебя, – сказал Сунь У-кун. – Тогда мы здесь с тобой и распрощаемся.

– А разве ты не пойдешь со мной? – спросил Чжу Ба-цзе.

– Зачем же мне уходить отсюда? – сказал Сунь У-кун. – Здесь я не подчиняюсь ни небу, ни земле. Живу в свое удовольствие, совершенно свободен, не бегаю, как мальчик на побегушках, и перестал быть монахом. Нет, я не пойду, иди сам и скажи Танскому монаху, что раз он прогнал меня, так нечего и скучать.

Выслушав это, Дурень не решился больше настаивать, боясь, как бы Сунь У-кун не рассердился и не пустил в ход свой посох. Пробормотав несколько слов на прощанье, Чжу Ба-цзе отправился в обратный путь. Между тем Сунь У-кун послал вслед за ним двух проворных, сообразительных обезьян, чтобы узнать, как поведет себя Чжу Ба-цзе. Не пройдя и четырех ли³⁵, Дурень повернулся и, указывая пальцем на то место, где, по его мнению, должен был находиться Сунь У-кун, начал ругаться.

– Ах ты, мерзкая обезьяна, – кричал он. – Тебе не нравится звание монаха, ты предпочитаешь быть оборотнем-обезьяной. Грязная ты обезьяна, я пришел с добрыми намерениями, а она, видите ли, не желает идти. Ну, не идешь – и черт с тобой!

Пройдя немного, Чжу Ба-цзе снова принимался ругаться. Услышав это, следившие за ним обезьяны опрометью бросились назад.

– Отец наш, Великий Мудрец, – докладывали они, – этот Чжу Ба-цзе очень нехороший человек. Он идет и все время ругает вас.

Услышав это, Сунь У-кун рассвирепел и, собрав своих обезьян, бросился догонять Чжу Ба-цзе. Догнав его, они повалили Чжу Ба-цзе на землю, схватили его и поволокли обратно.

Однако о том, как Сунь У-кун проучил Чжу Ба-цзе и удалось ли Дурню выбраться живым, вам, читатель, расскажет следующая глава.

³⁵ Ли – мера длины, равная 576 метрам.

**Глава тридцать первая,
повествующая о том, как Чжу Ба-цзе, сохраняя
верность, привел в возбуждение Царя обезьян
и как Сунь У-кун мудростью покорил духа**

Верность долгу,
Глубокое чувство
В душе пробудила;
Так в учении Будды
Таится
Великая сила.
Всем явлениям
Самую сущность
Она возвращает,
Цзинь и Му³⁶ —
Элементы стихий, —
Усмирив,
Сочетает.
И бессмертье готовят
Былые источники страсти,
Чтобы вместе
Вошли мы
В миры
Бесконечного счастья.
Так к учению буддизма,
К вратам его
Мы приступаем;
Сутра —
Путь совершенства,
Который отныне
Мы знаем.
Будда
Этим путем
Посылает
Свой дух первородный.
Братья —
Старший и младший —
Встречаются
В дружбе свободной.
От пяти элементов
Все демоны
Форму приемлют.
Шесть разрядов существ

³⁶ Цзинь и Му – Цзинь-гун и Му-му. Под этими именами иногда выступают в романе Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе.

Уничтожив,
В Далэйиньскую землю
Устремились монахи,
Благочестьем к святыне влекомы.
Поклониться во храме
Раскатов великого грома.

Итак, обезьяны толпой с шумом налетели на Дурня, стали тащить его и в конце концов порвали ему халат.

– Ну, теперь все, – бормотал, читая про себя псалмы, Чжу Ба-цзе. – На этот раз они меня прикончат.

Обезьяны притащили Чжу Ба-цзе к пещере. Великий Мудрец сидел на крутой скале над обрывом.

– Ах ты, грязная тварь, – стал он ругать Чжу Ба-цзе. – Ну, ушел ты от нас – и дело с концом, зачем же было оскорблять меня?

– Дорогой брат, – отвечал Чжу Ба-цзе, опустившись перед Сунь У-куном на колени. – Разве осмелился бы я ругать тебя! Да я откусил бы себе язык, если бы поступил подобным образом. Я говорил лишь, что ты не хочешь идти со мной и придется мне возвращаться одному и доложить об этом учителю. Тогда уж пусть он поступает, как хочет.

– Разве можно обмануть меня? – сказал тут Сунь У-кун. – Ведь сам подумай, стоит мне взять себя за левое ухо, и я все могу услышать, даже то, что говорят в обители Будды, если же я потяну книзу свое правое ухо, то могу услышать, как сам князь ада Янь-ван сводит в преисподней счета со своими судьями смерти. Как же ты мог подумать, что я не слышу твоих оскорблений?

– Дорогой брат, – сказал на это Чжу Ба-цзе, – ведь я знаю твой коварный характер, не иначе как ты опять изменил свой облик и следовал за мной, чтобы подслушивать.

– Ну-ка, ребята! – крикнул тут Сунь У-кун. – Принесите мне дубинку, да побольше! Для начала всыпьте ему двадцать ударов спереди. Затем разукрасьте его спину еще двадцатью ударами. А потом я еще на прощанье угощу его своим посохом.

– Дорогой брат, – взмолился перепуганный Чжу Ба-цзе, повалившись на колени и непрерывно отбивая поклоны, – умоляю тебя, пощади меня ради нашего учителя.

– О каком это учителе ты вспомнил, любящий милосердие и долг сын мой? – сказал на это Сунь У-кун.

– Дорогой брат, – продолжал молить Чжу Ба-цзе, – если тебе не жаль учителя, то сделай это хотя бы ради бодисатвы.

Услышав имя бодисатвы, Сунь У-кун заколебался.

– Ну, вот что, брат, – сказал он, – я пока бить тебя не буду. Но смотри говори всю правду и не вздумай меня обманывать. С Танским монахом случилось какое-то несчастье, а ты пришел сюда морочить мне голову. Не так ли?

– Да говорю же тебе, что ничего не произошло, – продолжал твердить Чжу Ба-цзе. – Он действительно по тебе соскучился.

– Ты что же это, негодяй, хочешь, чтобы тебя действительно побили! – вскипел Сунь У-кун. – Зачем ты водишь меня за нос! Вернувшись в пещеру Водного занавеса, я ни на минуту не забывал о нашем учителе, так как знал, что на каждом шагу его поджидают бедствия и несчастья. Так вот, если не хочешь быть битым, говори скорее, что случилось.

– Дорогой брат, – взмолился Чжу Ба-цзе, отбивая поклоны. – Я действительно хотел обмануть тебя. Мне и в голову не приходило, что ты обладаешь такой прозорливостью. Пощади меня, разреши мне встать, и я все расскажу тебе.

– Ну ладно, вставай и рассказывай! – приказал Сунь У-кун.

Обезьяны отпустили Дурня. Он тотчас же вскочил на ноги и стал дико озираться по сторонам.

– Ты что высматриваешь? – спросил его Сунь У-кун.

– Смотрю, где дорога пошире, чтобы удобнее было бежать.

– Куда же ты думаешь бежать? – спросил Сунь У-кун. – Ты можешь тронуться в путь на три дня раньше меня, и все же я догоню тебя. Говори же скорее, – приказал он. – И смотри, если еще раз рассердишь меня, пощады не будет.

– Теперь я скажу тебе всю правду, – отвечал Чжу Ба-цзе. – После того как ты ушел от нас, мы вдвоем с Ша-сэном остались охранять учителя. Мы шли, шли и вот очутились у густого соснового леса. Учитель спешил и послал меня собирать подаяние. Я долго шел, но так никого и не встретил. Сильно утомившись, я прилег в траву и уснул. Кто мог подумать, что и Ша-сзн уйдет от учителя? Оказалось, что он отправился разыскивать меня. Ну а ты знаешь, что учитель не может спокойно сидеть на месте. Оставшись один, он пошел прогуляться и, выйдя из лесу, увидел золотую пагоду, от которой исходило сияние. Он принял пагоду за монастырь. Но оказалось, что там живет дух по прозвищу Желтый халат. Вот он и схватил нашего учителя. Когда же мы с Ша-сэном отправились на поиски, то нашли только коня и вещи, а учителя нигде не было. Тогда мы ринулись к обиталищу духа и вступили с ним в бой. Однако на наше счастье учитель повстречал свою спасительницу. Это была принцесса – третья дочь правителя страны Баосянго, которую также похитил дух. Она написала домой письмо и поручила нашему учителю отвезти его к отцу. А в благодарность за это уговорила духа освободить учителя. И вот, когда мы прибыли в главный город страны Баосянго и учитель передал письмо, правитель стал просить его усмирить духа и вернуть ему дочь. Ну а ты, брат, сам знаешь, как наш учитель умирят духов. В общем, пришлось нам с Ша-сэном снова вступать с ним в бой. Однако оказалось, что дух обладает огромной волшебной силой, поэтому ему и удалось захватить Ша-сэна. Потерпев поражение, я отступил и укрылся в траве. А дух тем временем, превратившись в статного, благородного человека, проник во дворец и заявил, что пришел познакомиться со своей родней. Пустив в ход свои чары, он превратил нашего учителя в полосатого тигра. И лишь благодаря случайности конь-дракон услышал об этом. Приняв свой настоящий вид, дракон ночью отправился на поиски учителя. Однако учителя он не нашел, зато встретил духа, который сидел в зале Серебряного спокойствия и распивал вино. Превратившись в придворную девушку, дракон подносил духу вино чашу за чашей, а затем стал исполнять танец с мечом и хотел зарубить духа, но тот успел увернуться, схватил фонарь и ранил дракона в ногу. А сейчас дракон послал меня за тобой. Он говорит, что ты благороден и справедлив, не станешь вспоминать старых обид и, конечно, не откажешься прийти на помощь учителю. Умоляю тебя, брат, вспомнить пословицу: «Кто хоть один день был моим учителем, тот всю жизнь будет моим отцом», и выручить нашего учителя из беды.

– Ах ты, Дурень этакий! – выслушав его, сказал Сунь У-кун. – Ведь, уходя, я несколько раз наказывал тебе: если какой-нибудь дух захватит учителя, скажи ему, что у учителя есть старший ученик по имени Сунь У-кун. Почему же ты не сделал этого?

Чжу Ба-цзе подумал: «Лучше уж рассердить полководца, нежели просить его. Так я и сделаю!»

– Дорогой брат, – сказал он, – не следовало мне упоминать твоего имени. Услышав его, дух пришел в ярость.

– Что-то я не совсем понимаю, – сказал Сунь У-кун.

– Сейчас объясню, – отвечал Чжу Ба-цзе. – Я сказал духу, чтобы он не безобразничал и не вздумал причинить какого-нибудь вреда учителю, не то придет наш старший брат Сунь У-кун, обладающий огромной волшебной силой, и расправится с ним. Выслушав все это, дух еще больше рассвирепел. «Какой там еще Сунь У-кун! – заорал он. – Очень я боюсь его! Пусть только посмеет показаться здесь: я шкуру с него сдеру, все жилы вытяну, кости разгрызу, а

сердце съем. Правда, худосочен он, как всякая обезьяна, но все равно, я изрублю его и поджарю».

Услышав это, Сунь У-кун от ярости стал дергать себя за уши, тереть щеки и подпрыгивать.

– Значит, этот негодяй осмелился ругать меня! – закричал он.

– Конечно, Желтый халат действительно ругал тебя. И я счел своим долгом рассказать это тебе. Но ты успокойся, дорогой брат, – сказал Чжу Ба-цзе.

– Почтенный мой брат, – отвечал Сунь У-кун, – встань! Я, честно говоря, не хочу идти, но раз этот дух позволил себе так оскорбить меня, я должен усмирить его и отправлюсь вместе с тобой. Пятьсот лет тому назад я учинил дебош в небесном дворце, и с тех пор все небесные полководцы, завидев меня, низко кланяются и величают меня не иначе как Великим Мудрецом. А это чудовище посмело так оскорбить меня! Ну, ничего, сейчас я поймаю его и искромсаю на мелкие кусочки. Пусть знает, как ругать меня, а потом снова вернусь домой.

– Совершенно правильно, дорогой брат, – поддакнул Чжу Ба-цзе. – Ты только поймай этого духа и отомсти за нанесенное тебе оскорбление. А вернешься ты после этого или нет, это уж твое дело.

Тут Великий Мудрец соскочил со скалы и ринулся в пещеру. Он сбросил одеяние волшебника, оправил на себе шелковый халат, надел кафтан из тигровой шкуры, взял в руки железный посох и вышел. Испуганные обезьяны обступили его.

– Отец наш, Великий Мудрец, – запричитали они. – Куда же ты уходишь, провел бы с нами хоть еще несколько лет и дал бы нам возможность пожить в свое удовольствие.

– Что же это вы, дети мои, говорите! – воскликнул Сунь У-кун. – Я ведь должен охранять Танского монаха и являюсь его учеником, об этом знают все и на небе, и на земле. Ведь он не прогнал меня, а отпустил домой проведать вас и пожить с вами некоторое время. Но сейчас, раз уж так получилось, я должен покинуть вас; будьте осторожны, с усердием ведите хозяйство, вовремя сажайте ивы и сосны и следите за порядком. Ждите меня, я буду сопровождать Танского монаха в его поездке за священными книгами, затем доставлю его в Китай и после этого вернусь к вам. Вот тогда-то мы вместе будем наслаждаться дарами природы.

Обезьянам не оставалось ничего другого, как примириться. А Великий Мудрец, покинув свои владения, вместе с Чжу Ба-цзе взобрался на облако, и они отправились в путь. После того как они миновали Восточное море и достигли Западного, Сунь У-кун вдруг остановил свое облако.

– Ты потихоньку продвигайся дальше, а я спущусь вниз и очищу свое тело, – сказал он Чжу Ба-цзе.

– Надо торопиться! – отвечал на это Чжу Ба-цзе. – А ты выдумал еще какое-то очищение тела!

– Где уж тебе понять это? – сказал Сунь У-кун. – Побывав у себя дома, я снова стал походить на оборотня. А учитель любит чистоту и, боюсь, будет относиться ко мне с отвращением.

Чжу Ба-цзе поверил Сунь У-куну и не стал возражать. Сунь У-кун вмиг выкупался, и они на облаке отправились дальше на Запад. Вскоре они увидели золотую пагоду, излучающую сияние.

– А вот и жилище волшебника, – сказал Чжу Ба-цзе, указывая на пагоду. – Ша-сэн все еще там.

– Ну, вот что, – сказал Сунь У-кун. – Побудь в воздухе, а я спущусь вниз, посмотрю, что там происходит и подходящее ли это место для боя.

– Тебе незачем ходить туда, – сказал Чжу Ба-цзе, – духа нет дома.

– Я знаю, – сказал Сунь У-кун.

О, чудесный Царь обезьян! Он опустился на облаке у самой пещеры и здесь увидел двух мальчиков. Они играли, загоняя мяч в лунки палками с изогнутым концом. Одному из них

было чуть побольше десяти, а другому лет восемь-девять. Сунь У-кун ринулся к ним и, не спрашивая кто они такие, схватил за волосы и потащил за собой. Перепуганные ребятишки подняли крик и встревожили находившихся в пещере духов. Те бросились к принцессе и сообщили ей, что какой-то человек утащил мальчиков. Читатель, конечно, догадался, что это были дети принцессы и духа. Услышав это, принцесса поспешила выйти из пещеры и тут увидела Сунь У-куна, который стоял на высоком утесе, намереваясь бросить вниз ее детей.

– Эй, благородный муж, – истошным голосом закричала перепуганная принцесса. – Ведь мы не ссорились, и я не сделала вам ничего плохого, почему же вы утащили моих детей?! Учтите, отец у них грозный и, если вы причините им хоть какой-нибудь вред, вам не поздоровится.

– Вы, верно, не знаете кто я такой, – сказал Сунь У-кун. – Я старший ученик Танского монаха, и зовут меня Сунь У-кун. У вас в пещере сейчас находится мой брат монах Ша-сэн. Если вы освободите его, я верну вам ваших детей. Думаю, что такой обмен будет выгоден для вас, ведь я дам двух за одного.

Принцесса тут же позвала духов-стражей, отправилась вместе с ними к Ша-сэну и освободила его.

– Принцесса, – сказал ей Ша-сэн, – вам не следовало освобождать меня. Ведь дух, возвратившись домой, хватится меня и весь свой гнев обрушит на вас.

– Почтенный отец, – отвечала ему принцесса, – вы – мой благодетель. Вы доставили мое письмо отцу и тем спасли мне жизнь. Я сама думала отпустить вас. Но к пещере неожиданно явился ваш старший брат Сунь У-кун и требует, чтобы я немедленно освободила вас.

Как только Ша-сэн услышал имя Сунь У-куна, ему показалось, что голову его смазали елеем, а в сердце проникла благословенная роса. Радость Ша-сэна вздымалась до небес, грудь его наполнилась ощущением весны, он так обрадовался, словно нашел золото или драгоценный нефрит. Схватив свое монашеское платье, он выбежал из пещеры и поклонами приветствовал Сунь У-куна.

– Дорогой брат, – воскликнул он, – тебя послало само небо. Умоляю, спаси меня!

– Ах ты, глупый Ша-сэн! – смеясь сказал Сунь У-кун. – Вспомни, замолвил ли ты за меня хоть словечко, когда учитель читал псалом о сжатию обруча? Только губами шлепал. Без меня захотели охранять учителя. Почему же сейчас не продолжаете свой путь, а застряли здесь?

– Не говори так, дорогой брат. Ты ведь знаешь: «Благородный человек не помнит старых обид». Мы – полководцы разбитой армии, и похвалиться нам нечем. Так что ты уж помоги мне, будь милостив.

– Ну, подымайся сюда, – сжалился над ним Сунь У-кун.

Ша-сэн подтянулся и, сделав прыжок, очутился на скале.

А Чжу Ба-цзе, находившийся в это время в воздухе, увидев вышедшего из пещеры Ша-сэна, спустился на своем облаке и обратился к Ша-сэну.

– Дорогой брат, – сказал он, – тебе много пришлось вытерпеть.

– О брат Чжу Ба-цзе! – увидев его, в свою очередь воскликнул Ша-сэн. – Откуда ты явился?

– Вчера, после того как мы потерпели поражение, – стал рассказывать Чжу Ба-цзе, – я ночью вернулся в город. Там я повстречал белого коня и узнал от него, что дух посредством колдовства превратил нашего учителя в тигра. Мы посоветовались и решили призвать на помощь старшего брата, с которым я и прибыл сюда.

– Ну, Дурень, хватит разглагольствовать, – прервал его Сунь У-кун. – Берите по одному из этих ребят, отправляйтесь в страну Баосянго и постарайтесь так раздражить духа, чтобы он примчался сюда. А уж когда он здесь появится, я разделаюсь с ним.

– Да как же мы это сделаем? – спросил Ша-сэн.

– А вот как. Вы оба отправляйтесь на облаке в город, – сказал Сунь У-кун, – остановитесь там перед залом, в котором император дает аудиенцию, а ребят бросьте вниз так, чтобы они упали прямо к трону. Вас, конечно, начнут спрашивать, что это за ребята, а вы скажете, что это сыновья духа и что вы сами принесли их сюда. Как только дух услышит это, он непременно вернется домой. Мне же не следует появляться в городе, ведь нам придется напускать тучи, туман, ветер. И если мы начнем бой над городом, это напугает всех жителей дворца и население.

– Дорогой брат, – сказал смеясь Чжу Ба-цзе, – а ты все же хочешь отыграться на нас.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивился Сунь У-кун.

– Ведь ребят поймал ты, – отвечал Чжу Ба-цзе. – Они и сейчас перепуганы насмерть. Видишь, они уже охрипли от крика. А пройдет еще немного времени, и они испустят дух. А если бросить их вниз, одно мокрое место останется. Волшебник, конечно, поспешит на выручку своих детенышей и тут уж разделается с нами. А ты выйдешь сухим из воды. Ведь против тебя улик не будет. Ну, не значит ли это, что ты хочешь отыграться на нас?

– Если он затеет с вами драку, – сказал на это Сунь У-кун, – вы постарайтесь завлечь его сюда. Здесь, по крайней мере, просторно. Вот тут-то я и вступлю с ним в бой.

– Совершенно правильно, – согласился Ша-сэн. – Наш брат говорит вполне справедливо. Итак, мы отправляемся.

И они, приняв грозный вид, двинулись в путь, захватив с собой детей. А Сунь У-кун соскочил со скалы и подошел к воротам пагоды.

– Эх ты, монах, – стала укорять его принцесса, – тебе, оказывается, верить нельзя. Ведь ты обещал отдать мне моих детей, как только я освобожу вашего монаха. Ну вот, ваш монах свободен, а детей моих ты почему-то не отдаешь... А сейчас ты еще зачем-то подошел к моим воротам.

– Не гневайтесь, принцесса, – отвечал улыбаясь Сунь У-кун. – Вы уже давно живете здесь, и сейчас мы взяли ваших детей, чтобы они навестили своего деда.

– Не будь столь бесцеремонным, – сказала принцесса. – Мой муж обладает необычайными способностями, и если ты напугаешь наших детей, то накличешь на себя его гнев.

– Дорогая принцесса, – сказал смеясь Сунь У-кун. – Как вы думаете, какие поступки людей следует считать преступными?

– Я знаю какие, – отвечала принцесса.

– Да что вы, женщины, можете знать? – возразил Сунь У-кун.

– Когда я жила во дворце, – сказала принцесса, – меня с малых лет обучали отец и мать. Помню, что в древних книгах говорится: «К пяти разделам уголовных наказаний относится три тысячи преступлений. И самым тяжким из них считается непочтение к родителям».

– Так вот, вы как раз и повинны в этом преступлении, – сказал Сунь У-кун. – Стихи гласят:

Дал отец мне жизнь,
Вскормила мать
И о них всегда
Мне думать больно.
Жизнь они
Смогли мне даровать,
Изнурясь в работе
Подневольной.

Почитание родителей – источник всех дел и корень всякого добра. Как же вы могли соединить свою жизнь с жизнью духа и забыть о своих родителях? Разве не является это непочтением к родителям?

От этих справедливых упреков принцесса зарделась до ушей и, сгорая от стыда, растерянно произнесла:

– Вы совершенно правы, почтенный отец! Но разве я забыла родителей? Ведь дух похитил меня, и теперь я вынуждена подчиняться законам, которые установлены им. Ведь я и шага не могу сделать по собственной воле. А до родительского дома далеко, и все это время не с кем было даже отправить весточку. Я хотела покончить с собой, но мысль о том, что родители никогда не узнают о постигшей меня судьбе и могут подумать, что я бежала от них, остановила меня. Выхода не было. Пришлось влачить жалкое существование. Невольно я превратилась в преступницу.

Излив душу, принцесса разрыдалась.

– Не отчаивайтесь так, принцесса, – стал утешать ее Сунь У-кун. – От Чжу Ба-цзе я узнал о том, что вы написали своим родителям письмо и спасли жизнь нашему учителю. Значит, вы не забыли отца и мать. Я пришел сюда, чтобы расправиться с духом и помочь вам вернуться домой. Вы найдете себе другого мужа и будете ухаживать за своими родителями до конца их дней. Каково ваше мнение?

– Ты очень добр, – сказала принцесса. – Но не ищи своей смерти. Вчера твои братья вступили в бой с моим супругом. Они дрались отважно и смело, но все же не смогли одолеть духа. А ты так тщедушен, совсем, как краб, кожа да кости. Как же ты осмелился сказать, что расправишься с духом? Откуда у тебя такие способности?

– Вам не понять этого, – сказал смеясь Сунь У-кун. – Разве можете вы распознать настоящего человека? Недаром говорит пословица: «Мал золотник, да дорог». С виду-то они действительно великаны, а что толку? В дороге им мешают ветер, на их одежду требуется много ткани. У них нет расчетливости. Сталкиваясь с опасностью, они робеют. В общем, зря они хлеб едят, пользы от них никакой. А вот я хоть и мал, зато как полновесный цзинь³⁷ полон необыкновенных нравственных качеств.

– Так вы действительно обладаете необыкновенными способностями? – недоверчиво спросила принцесса.

– О, вы еще не знаете, каким искусством я владею, – молвил Сунь У-кун. – Я могу усмирять духов и покорять волшебников.

– А вы не обманываете меня? – усомнилась принцесса.

– Что вы! – воскликнул Сунь У-кун.

– Каким же способом вы собираетесь усмирить духа? – спросила принцесса.

Не отвечая на вопрос, Сунь У-кун сказал:

– Вы вот что, скройтесь сейчас куда-нибудь подальше, ваше присутствие будет стеснять меня. Только мне кажется, что вы очень любите своего супруга и не хотите с ним расстаться.

– Как вы можете говорить подобные вещи! – воскликнула принцесса. – Он ведь силой держал меня здесь. Что могла я сделать?

– Но вы прожили вместе тринадцать лет, – сказал Сунь У-кун, – неужели же вы не питаете к нему никаких чувств? Поймите, что я шутить не стану. Мы будем драться и дубинами и кулаками, и лишь когда я одолею его, вы сможете возвратиться к своему отцу во дворец.

Принцесса послушалась и решила укрыться в отдаленном месте. Таким образом, Великому Мудрецу самой судьбой было предназначено положить конец совместной жизни принцессы и духа. Спрятав принцессу в надежном месте, Царь обезьян встряхнулся, принял вид принцессы и, вернувшись в пещеру, стал дожидаться духа.

³⁷ Цзинь – мера веса, равная примерно 596 граммам.

Между тем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн прибыли в Баосянго и, достигнув дворца, бросили детей прямо к трону. От несчастных ребят осталось одно месиво: кровь брызнула фонтаном и кости разлетелись на мелкие кусочки. Перепуганные насмерть придворные побежали доложить императору.

– Беда! Беда! – воскликнули они. – С неба прямо к трону упало двое ребят.

– Это дети духа по прозвищу Желтый халат, – раздался сверху грозный голос Чжу Ба-цзе. – Мы с Ша-сэном привезли их сюда!

Между тем все еще пьяный дух находился в зале Серебряного спокойствия и никак не мог прийти в себя. Вдруг сквозь сон ему показалось, что кто-то называет его имя. Он перевернулся с боку на бок, поднял голову и увидел Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, которые, стоя на облаке, отчаянно бранились:

«То, что Чжу Ба-цзе здесь, меня не удивляет, – подумал дух. – Но Ша-сэн? Как очутился он здесь? Ведь я оставил его связанным у себя дома. Каким же образом ему удалось освободиться? Неужели это дело рук моей супруги? А дети как попали к ним? Все это натворил Чжу Ба-цзе, чтобы вызвать меня на бой. Если это так, то я должен драться с ними. Но, увы! Ведь я совсем пьян! Стоит ему разок ударить меня своими граблями, и от моего величия не останется и следа. Тогда раскроется моя тайна! Отправлюсь-ка я лучше сейчас домой и узнаю, что с моими детьми. Ну а с этими мальчишками поговорить еще успею».

О, чудесный дух! Не простившись даже с правителем страны, он вмиг очутился в своих владениях и пошел в пещеру разузнать, что там творится. А тем временем всем стало известно, что появившийся во дворце гость – дух. Уцелевшие придворные дамы в пятую стражу явились к государю и доложили о том, что дух съел одну из них, а также, рассказали ему обо всем, что там происходило. То обстоятельство, что гость покинул дворец, ни с кем не простившись, еще больше убедило всех в том, что он дух. Не будем рассказывать, как государь приказал охранять превращенного в тигра Танского монаха.

Вернемся лучше к духу. Итак, он очутился у пещеры. Увидев духа, Сунь У-кун вмиг придумал хитроумный план, чтобы обмануть своего врага. Он тер глаза, плакал, топал ногами, бил себя в грудь. Пещера огласилась отчаянными воплями. Дух, ничего не подозревая, бросился к Сунь У-куну.

– Женушка, – воскликнул он, обнимая Сунь У-куна, – что случилось? Почему ты так убиваешься?

У Великого Мудреца была готова целая история. Изменив голос, плача и рыдая, он стал жаловаться:

– Господин мой! Недаром люди говорят: «Когда в доме не хватает мужчины, то нет хозяйина для богатства жены; если у женщины нет мужа, жизнь ее лишена всякого смысла». Ведь ты вчера отправился ко двору знакомиться с моим отцом, почему же вернулся лишь сегодня? Утром Чжу Ба-цзе тайком освободил Ша-сэна и утащил наших детей. Я умоляла его, но он не пощадил меня. Он сказал, что хочет показать их дедушке. Но времени прошло уже очень много, а детей все нет, и я не знаю даже живы ли они. А тут ты еще задержался, я была совершенно одна. Все это и привело меня в такое отчаяние.

Выслушав это, дух рассвирепел:

– Значит, там, во дворце, я видел моих детей!

– Конечно, – подтвердил Сунь У-кун. – Чжу Ба-цзе утащил их.

– Довольно, хватит! – в бешенстве заорал дух, мечась из стороны в сторону. – Он убил моих детей! Их нет больше в живых! Сейчас мне остается лишь отомстить за все и убить монаха. Не плачь, жена! Если ты плохо себя чувствуешь, походи отдохни и успокойся.

– Я-то здорова, – отвечал Сунь У-кун. – А вот мысль о судьбе наших детей причиняет мне нестерпимую боль.

– Не печалься, – стал утешать мнимую жену дух. – У меня есть одна драгоценная вещица: стоит потереть ею больное место, и все как рукой снимет. Но смотри будь осторожна, не нажимай на нее пальцем, не то увидишь мой настоящий образ.

«Вот черт проклятый! – радуясь, подумал Сунь У-кун. – Вопреки ожиданиям он ведет себя вполне честно. Его никто не вынуждает силой, он сам во всем признается и приносит себя в жертву. Ладно, пусть покажет свою драгоценность, я нажму на нее и посмотрю, какой вид примет это чудовище».

И вот дух, поддерживая Сунь У-куна, прошел с ним в потайное место пещеры и вытащил у себя изо рта заветный шарик. Этот шарик был величиной с куриное яйцо и представлял собой пилюлю, образованную из сожженных костей Сакья-муни и очищающую сердце человека.

«Чудесная вещица! – с удовлетворением подумал Сунь У-кун. – А сколько труда на нее потрачено, сколько лет ее плавил и шлифовали, сколько было неудач, прежде чем получили такую чудодейственную вещь? Видно, суждено ей попасть ко мне в руки».

Сунь У-кун взял шарик и притворился, что трет им больное место, а сам в это время надавил на него пальцем. Дух растерялся и бросился отнимать у него. Что же, вы думаете, обезьяна испугалась? Ничуть. Поспешно засунув шарик в рот, она тут же проглотила его. Дух в бешенстве сжал кулаки и набросился на Сунь У-куна. Защищаясь, Сунь У-кун в то же время потер себе лицо и принял свой настоящий вид.

– Ну что ты за невежда, – сказал он духу. – Посмотри хорошенько и скажи, узнаешь ли ты меня?

– Ха! – изумился дух. – Что за странный вид у тебя, жена?

– Я тебе покажу, мерзкая тварь, – зло сказал Сунь У-кун. – Какая я тебе жена. Что ж ты предка своего не признаешь?

– Как будто начинаю припоминать, – отвечал дух.

– Пока что я драться с тобой не буду, взгляни на меня хорошенько и скажи, узнаешь ли ты меня, – сказал Сунь У-кун.

– Лицо твое мне очень знакомо, вот только не могу припомнить, как тебя зовут. Кто же ты такой и откуда прибыл? Куда девал мою жену и как удалось тебе попасть в мой дом и выманить у меня мое сокровище? Ведь это наглость!

– Значит, не можешь узнать меня? – снова спросил Сунь У-кун. – Я старший ученик Танского монаха – Сунь У-кун. Пятьсот лет тому назад я уже был твоим предком.

– Что за вздор ты мелешь? – воскликнул дух. – Не может этого быть. Когда я схватил Танского монаха, у него было всего два ученика – Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. А твоего имени никто и не упоминал. Ты просто оборотень и явился неизвестно откуда, чтобы обмануть меня!

– Да, в то время я действительно не был вместе с ними, – сказал Сунь У-кун. – И случилось это потому, что учитель – человек добрый и сострадательный, не мог примириться с тем, что я погубил множество духов и оборотней, и прогнал меня. Поэтому-то ты и не знаешь, как зовут твоего предка.

– В тебе нет никакого чувства достоинства, свойственного великим мужам! – воскликнул дух. – Учитель тебя гонит, а ты с наглой физиономией лезешь к нему.

– Смотри у меня, негодяй, – крикнул Сунь У-кун. – Разве ты не знаешь пословицы: «Кто хоть один день был моим учителем, тот всю жизнь будет моим отцом», или еще: «Между отцом и сыном не бывает вражды, которая бы длилась более одной ночи». Ведь ты причинил вред моему учителю, как же я могу не прийти ему на помощь? И не только ему ты причинил зло. А что ты обо мне говорил? Ты порочил мое доброе имя!

– Когда это я порочил твое имя? – удивился дух.

– Мне сказал об этом Чжу Ба-цзе, – отвечал Сунь У-кун.

– Не верь ему. У этого Чжу Ба-цзе морда острая, а язык как у старой бабы.

– Ну ладно, хватит попусту разговаривать, – произнес Сунь У-кун. – Скажи лучше, почему ты так плохо принимаешь гостя, прибывшего издалека. Если у тебя нет ни вина, ни закусок, подставь тогда свою голову – я стукну по ней посохом. Пусть хоть это будет вместо чая!

Услышав угрозы Сунь У-куна, дух громко расхохотался.

– Послушай, на этот раз ты промахнулся, – сказал он. – Я знаю, тебе хочется подраться, но ко мне лучше не суйся! В моем распоряжении более сотни оборотней, и, будь у тебя хоть сто рук, тебе все равно не выбраться отсюда!

– Ну, хватит болтать глупости, – перебил его Сунь У-кун. – Да будь у тебя хоть тысячи, даже десятки тысяч подчиненных, я их всех перебую. Ни один удар у меня не пропадет даром. Так что знайте, от вас здесь и следа не останется.

Услышав это, дух кликнул клич, и в тот же миг со всех сторон – с горы, из-под горы, из пещеры, из-за пещеры – примчались духи и выстроились перед своим начальником. У каждого из них в руках было оружие. Они крепко-накрепко заперли все четверо ворот, чтобы Сунь У-кун не мог убежать.

Сунь У-кун с удовольствием смотрел на все эти приготовления и, держа посох наготове, крикнул:

– Изменись!

Тотчас же он превратился в существо с тремя головами и шестью руками, затем помахал своим посохом, и у него вместо одного оказалось три посоха. Размахивая ими, он легко прокладывал себе путь. Казалось, будто тигр ворвался в овечье стадо или же сокол влетел в курятник. Головы несчастных духов разлетались на части, из тел их летели клочья. Кровь текла рекой. А Сунь У-кун продвигался вперед совершенно свободно, будто перед ним никого не было. В конце концов остался один Желтый халат. Он бросился за Сунь У-куном, и, нагнав его у ворот, крикнул:

– Ах ты, мерзкая обезьяна! Да ты настоящий разбойник! Как смел ты явиться сюда и так подло оскорблять всех?!

Сунь У-кун стал манить его рукой.

– Иди! Иди сюда! Вот когда я тебя одолею, тогда можно будет говорить о каких-то моих заслугах!

Тут дух взмахнул своим мечом и, нацелившись прямо в голову Сунь У-куну, нанес ему удар. Но Сунь У-кун смело ринулся навстречу противнику. И вот на горе, среди туч и тумана, разыгрался бой.

Владел Мудрец Великий силой чар,
Колдун имел такой же чудный дар:
Мудрец легко удары отражал,
Когда свой посох поперек держал.

Колдун же наискось мечом стальным
Размахивал над недругом своим.
Был грозен блеск взлетавшего меча,
Бросался посох в небо сгоряча.

Бойцы отходят, вновь бегут вперед...
Один другому место отдает;
Один внезапно свой меняет лик,
Другой же телом вырастает вмиг:

Тот огненный выкатывает глаз

И силу обезьянью напоказ
Являет в мощных жилистых руках,
Другой же – злобой вызывает страх:

То тигровую спину хищно гнет,
То глазом золотым во тьме блеснет;
По правилам они свой бой ведут
И нападения очередь блюдут.

Трактатом «Сань-люе»³⁸ руководясь,
С врагом боролся обезьяний князь,
А колдуна трактат «Лю-тао»³⁹ пленял,
И правила его он применял.

Один противник – демонов слуга,
Другому – честь монаха дорога.
Рассвирепел владыка обезьян,
Колдун бросался, гневом обуян.

Они сражались насмерть в облаках
Лишь для того, чтобы святой монах
Вперед на Запад продолжал идти
И мог моление Будде вознести.

Уже раз шестьдесят схватывались противники, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

«А меч у этого негодяя хорош, может даже поспорить с моим посохом, – восхищенно подумал Сунь У-кун. – Сейчас попытаюсь надуть его. Посмотрим, попадет ли он на мою удочку».

О, прекрасный Царь обезьян! Он поднял обеими руками посох и применил прием «лазутчика на высоте». Дух, ничего не подозревая, стал размахивать мечом во все стороны. В этот момент Сунь У-кун быстро повернулся и занял положение «все спокойно», избежав удара. А затем, снова применив прием «кража персиков под листьями», нацелился в голову духа и нанес ему такой удар, что от того и следа не осталось. Опустив посох, Сунь У-кун огляделся, но духа обнаружить не мог. Это привело его в смятение.

– Сынок мой! – воскликнул он. – Видишь, что я наделал! От тебя и следа не осталось. Если я убил тебя, то должна хоть кровь остаться. Почему же нет никаких следов? Уж не сбежал ли ты?

Подумав это, Сунь У-кун прыгнул на облако, осмотрелся кругом, но нигде ничего не увидел.

«Да ведь я все вижу, – подумал Сунь У-кун. – Как же это дух сумел скрыться от моих глаз... Понял! – решил наконец Сунь У-кун, – дух говорил, что знает меня и, кроме того, существо он неземное. Он дух, сошедший с неба».

При этой мысли Великий Мудрец пришел в ярость, схватил свой посох, сделал гигантский прыжок и сразу же очутился у Южных небесных ворот. Небесные стражники: Лю, Лун, Гоу, Би, Чжан, Бао, Дэн, Син и остальные, задрожали от страха при его появлении, выстрои-

³⁸ «Сань-люе» – военный трактат; составлен древним полководцем Хуан Ши-гуном.

³⁹ «Лю-тао» – военный трактат, написанный полководцем Цзян гуном.

лись двумя рядами и низко склонились. Таким образом Сунь У-кун беспрепятственно прошел прямо к дворцу Космического света, где повстречал четырех небесных наставников: Чжана, Хэ, Сюя и Цю.

– Что привело вас сюда, Великий Мудрец? – спросили они Сунь У-куна, приветствуя его.

– Мы вместе с Танским монахом прибыли в страну сяngo и там встретили духа, – отвечал Сунь У-кун. – Этот дух похитил принцессу и совершил покушение на моего учителя. Пришлось мне вступить с ним в бой, но оборотень неожиданно исчез. Я думаю, что дух – существо неземное. Вот я и решил узнать, не исчез ли один из ваших духов.

Выслушав Сунь У-куна, небесные наставники пригласили его в зал Священного неба и здесь доложили о случившемся Нефритовому императору. Император разрешил произвести проверку. Они побывали во дворце девяти светил, двенадцати созвездий, созвездий пяти стран света, осмотрели Млечный Путь, звезды пяти гор и четырех рек, проверили на месте ли все небожители. Оказалось, что никто не покидал неба. Затем они проверили духов звезд, расположенных за Южной Медведицей, но когда стали проверять духов двадцати восьми созвездий, то оказалось, что их осталось только двадцать семь, не хватало духа созвездия Андромеды. Тогда небесные наставники доложили Нефритовому императору о том, что дух созвездия Андромеды спустился на землю.

– И давно он покинул небо? – спросил Нефритовый император.

– Он отсутствовал на четырех переключках. Если считать, что каждая переключка производится раз в три дня, то прошло ровно тринадцать дней.

– Тринадцать дней на небе равны тринадцати годам на земле, – промолвил Нефритовый император. – Таким образом, он находится там уже тринадцать лет.

Он тут же отдал приказ вернуть исчезнувшего духа на небо. Повинуясь приказу, двадцать семь духов вышли из небесных ворот и начали читать заклинания. Это встревожило духа созвездия Андромеды. Кстати, следует сказать вам о том, что когда-то, учинив бунт на небе, Великий Мудрец побил многих полководцев, и в том числе этого духа. И вот сейчас, спасаясь от беды, дух скрылся в водах горного потока. Водяные пары скрыли облако, на котором находился Сунь У-кун, и потому он не мог увидеть духа. Услышав, что духи двадцати восьми созвездий читают заклинания, дух выглянул и вместе с ними поднялся на небо. Здесь путь ему преградил Великий Мудрец, который хотел вступить с ним в бой. Но духи уговорили Сунь У-куна оставить его в покое и под стражей привели к престолу Нефритового императора. Здесь провинившийся дух вынул табличку и, низко склонившись, приготовился выслушать приговор за содеянное им преступление.

– Дух созвездия Андромеды, – промолвил император, – ведь на небе так много чудесных мест! Почему же ты решил тайком бежать на землю?

Склонившись перед императором, дух созвездия Андромеды почтительно отвечал:

– Ваше величество! Смилуйтесь надо мной. Вы должны знать, что принцесса – дочь правителя страны Баосянго – была в свое время прислужницей в храме возжигания фимиама. Она согласилась стать моей женой. Но я опасался, что, вступив в связь, мы оскверним небесные чертоги. Тогда, помышляя о мирском, она решила сойти на землю и там перевоплотилась в новорожденную принцессу. Я же принял вид духа, поселился на горе и, похитив принцессу, прожил с ней тринадцать лет. Ведь каждый кусок пищи и каждый глоток воды предопределены заранее. Но вот сейчас в мои владения явился Великий Мудрец и в бою со мной одержал победу.

Выслушав духа созвездия Андромеды, Нефритовый император принял от него золотую табличку и отправил его во дворец Тушита прислуживать великому Лао-цзюню: разводить огонь, носить посох и выполнять различные поручения. При этом император предупредил его, что если он будет работать хорошо, то займет свое прежнее место, в противном случае его подвергнут суровому наказанию.

Распоряжение Нефритового императора доставило Сунь У-куну огромное удовольствие, он не утерпел, громким голосом приветствовал императора, а затем обратился к выстроившимся в ряд небожителям:

– Господа, я ухожу!

– А эта обезьяна так и осталась неотесанной, – смеясь говорили между собой небесные наставники. – Ей помогли усмирить духа, а она даже не поблагодарила за оказанную ей милость и ограничилась лишь приветствием.

– Спасибо, что она хоть бед не натворила, – сказал император, – и не нарушила спокойствия и благополучия на небесах.

Между тем Великий Мудрец спустился на облаке к пещере Лунного света на горе Ваньцзышань, разыскал там принцессу и стал рассказывать ей о том, что говорил дух, как он, охваченный земными страстями, устремился с небес на землю. Вдруг сверху донеслись отчаянные крики Чжу Ба-цзе и Ша-сэна:

– Дорогой брат! – кричали они. – Оставь нам хоть нескольких духов, мы добьем их!

– Да от этих духов и помину не осталось, – крикнул в ответ Сунь У-кун.

– В таком случае, – сказал Ша-сэн, – теперь нам ничто не мешает доставить принцессу во дворец. Ну, братья, нечего зря время терять. Давайте применим способ «сокращения расстояния».

Тут в ушах у принцессы засвистел ветер, и через какое-нибудь мгновение она вместе со своими спутниками очутилась во дворце. Они все втроем провели принцессу в зал Золотых колокольчиков. Там она поклонилась родителям, поздоровалась с сестрами, после чего ее приветствовали придворные. Затем принцесса обратилась к отцу:

– Сунь У-кун благодаря своей магической силе покорил духа по прозвищу Желтый халат. Он выручил меня, помог мне вернуться домой.

– Что же это за дух по прозвищу Желтый халат? – поинтересовался император.

– Ваш зять, – отвечал Сунь У-кун, – дух созвездия Андромеды, а дочь – фея – служительница храма возжиганий фимиама. Однажды, охваченная земными помыслами, эта фея задумала сойти на землю к людям и принять человеческий образ. В том, что случилось, нет ничего особенного, так как все это записано в книге судеб, и свадьба вашей дочери с волшебником тоже была предопределена судьбой. Я отправился на небо и доложил о духе Нефритовому императору. После выяснения оказалось, что этот дух не был уже на четырех проверках и вот уже тринадцать дней, как покинул небо, а тринадцать дней на небе, как известно, равняются тринадцати годам на земле. Тогда император приказал духам двадцати восьми созвездий вернуть беглеца на небо и отправил его прислуживать во дворец Тушита. Я же спас таким образом вашу дочь и прибыл сюда.

Выслушав Сунь У-куна, государь поблагодарил его за оказанное им великое благодеяние и приказал привести Трипитаку. Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн вместе с чиновниками отправились во внутреннее помещение дворца. Там они вытащили железную клетку с тигром и освободили его от проволоки, которой он был окутан. Однако надо сказать, что Сунь У-кун, в отличие от всех остальных, видел перед собой не тигра, а человека. Дело в том, что Трипитака хоть и находился под действием чар духа, мог действовать, двигаться, все понимал, только был лишен рта и глаз.

– Учитель, – смеясь сказал Сунь У-кун, – ведь вы честный, порядочный монах, как же это вы приняли такой зловещий вид? Вы ругали меня за то, что я совершал злодеяния, даже прогнали меня. Все ваши помыслы и стремления были направлены к добру, как же после этого вы могли очутиться в столь ужасном виде?

– Послушай, брат, – сказал тут Чжу Ба-цзе, – зачем насмехаться над учителем? Лучше помоги ему.

– А ты вот любишь подстрекать других, – отвечал на это Сунь У-кун, – и потому считаешься примерным и покладистым учеником. Но спасти учителя ты все же не смог, – пришлось позвать меня. Помнишь, мы договорились с тобой, что, как только я расправляюсь с духом и отомщу ему за то, что он оскорблял меня, я тут же возвращусь к себе домой.

Тут к Сунь У-куну подошел Ша-сэн и, опустившись перед ним на колени, сказал:

– Дорогой брат! Еще в древности говорили: «Не смотри на монаха, а смотри на Будду». Раз уж ты, брат, пришел сюда, помоги нашему учителю, умоляем тебя. Если бы мы могли обойтись без твоей помощи, то не стали бы беспокоить тебя: ведь ты проделал такой длинный путь.

– Да разве мог я оставаться спокойным, если бы не спас учителя?! – воскликнул Сунь У-кун, помогая Ша-сэну встать. – Принесите поскорее воды, – приказал он.

Тут Чжу Ба-цзе стрелой ринулся в гостиницу, схватил вещи, коня, зачерпнул в золотую чашку для подаяний немного воды и, вернувшись, передал ее Сунь У-куну. Сунь У-кун произнес над чашкой заклинание, набрал в рот воды и прыснул на голову тигра. В тот же миг чары рассеялись, и Трипитака, освободившись от оболочки тигра, предстал в своем обычном виде. Только сейчас, внимательно приглядевшись, он узнал Сунь У-куна.

– Как ты очутился здесь? – воскликнул Трипитака, схватив Сунь У-куна за руку.

Тогда Ша-сэн подробно рассказал Трипитаке о том, как они просили Сунь У-куна помочь им победить духа, спасти принцессу и снять с учителя волшебные чары.

– Мой мудрый ученик, – сказал тогда Трипитака, – лишь благодаря тебе жизнь моя спасена! Теперь, когда мы, побывав на Западе, вернемся в Китай, я доложу Танскому императору о том, что тебе принадлежит главная заслуга в этом деле.

– Не стоит, не стоит говорить об этом, – отвечал смеясь Сунь У-кун. – Вы лучше не читайте больше вашего псалма, это будет для меня вполне достаточным вознаграждением.

После этого правитель страны сердечно поблагодарил Трипитаку и его учеников и устроил в честь их роскошный пир. По этому случаю был открыт Восточный зал. Когда пир закончился, паломники поблагодарили государя за оказанный им милостивый прием и тронулись в дальнейший путь на Запад. Государь со своей свитой далеко провожал их. Поистине можно сказать:

Государь домой вернулся,
Успокоилась столица,
А монах пошел на Запад,
Чтобы Будде поклониться.

Однако о том, что происходило в дальнейшем и когда паломники прибыли в Индию, вы прочтете в следующих главах.

Глава тридцать вторая,
повествующая о том, как дух – страж времени
на горе Пиндиншань предупредил об опасности
и как у пещеры Лотоса Дурень попал в беду

Итак, Сунь У-кун вернулся к Танскому монаху, и с этого момента и учитель и ученики были охвачены единым стремлением: идти на Запад. Прошло много времени с тех пор, как они спасли принцессу страны Баосянго и правитель со своей свитой проводил их с почетом из города. Немало трудностей пришлось перенести им: они терпели голод и жажду, останавливались только на ночь, а с рассветом снова пускались в путь. Наконец наступила весна.

Закачал, как шелковинки,
Ветер ветви тонких ив,

Этот край неизъяснимо
Живописен и красив.

Здесь тепло цветы раскрыло,
Чтоб повеял аромат,

И во двор, к цветенью яблонь,
Снова ласточки летят.

Это время заставляет
Снова птиц счастливых петь.

Хорошо на мир цветущий
С любованием глядеть!

Всюду светлые дороги
В красном мире пролегли,

Блещут пышные одежды,
Льется музыка вдали.

Дуют в дудочки травинок,
Ночь не кажется длинна,

Проходящая в беседе
За кувшинами вина.

И вот однажды, когда Трипитака и его ученики наслаждались окружающей природой, путь им снова преградила гора.

– Ученики мои, – молвил Трипитака, – будьте осторожны. Боюсь, что на этой горе живут оборотни. Как бы они не причинили нам вреда.

– Учитель, – отвечал Сунь У-кун, – монах не должен рассуждать как мирянин. Помните, что говорил о сутре Праджня парамиты⁴⁰ почтенный монах У-чао: «В сердце не должно быть забот. А когда в сердце нет забот, то нет и страха, и мечты уносятся далеко». Нужно только очистить свое сердце от скверны и омыть пыль с ушей своих. Тот, кто не испытал самых горчайших страданий, тот не может стать выше других. У вас нет каких-либо причин для беспокойства. Когда я с вами, пусть хоть само небо обрушится на землю, – вы будете в полной безопасности. Так стоит ли бояться каких-то оборотней!

Остановив коня и обернувшись к Сунь У-куну, Трипитака сказал:

В тот год, получивши указ, я пошел на Закат,
Чаньянь я покинул, чтоб Будде с мольбой поклониться.
Там статуи золотом в пагодах Шэли⁴¹ горят,
Седой волосок меж бровями у Будд серебрится.
Я много прошел не имевших названия рек,
Как волны, вставали хребтов непрерывных громады,
Я горы прошел, где еще не ступал человек...
Когда ж перестанут в пути мне встречаться преграды?

Выслушав это, Сунь У-кун расхохотался.

– Ведь добиться свободы не так уж трудно, – сказал он. – Если вы успешно выполните возложенную на вас миссию, то перед вами откроются все пути, вы сделаете все, что вам предначертано судьбой. И разве тогда вы не будете полностью свободны?

Трипитаке очень понравились слова Сунь У-куна, и, забыв все свои сомнения, он подстегнул коня и поспешил вперед. Въехав в горы, наши путники увидели, что места здесь необычайно суровые, изобилующие кручами.

Острые пики,
Грозные скалы,
В темных ущельях
Всюду обвалы;

В горных потоках
Игры дракона,
Хвост виден тигра
В чаще зеленой.

Вверх к небесам
Обращаются взоры:
Небо пронзили
Острые горы.

А обернешься —
В нижней долине
Воздух, как небо,
Светлый и синий.

⁴⁰ *Праджня парамиты* (санскр.) *сутра*. – Одна из освященных буддийских книг о достижении нирваны. Буквальный перевод: Сутра о высшей мудрости, нравственном и духовном совершенстве.

⁴¹ *Государство Шэли*. – Шэли – транскрипция санскритского слова Шарира. В переводе: драгоценные останки Будды. Здесь: страна Будды.

Горы восходят
Лестницей тесной,
Падают горы
Кручей отвесной.

Смотришь – и в сердце
Вдруг удивленье:
Пиков, утесов
Нагроможденье.

Знахарь-искатель
Разных растений,
Все б утрашился
Этих ступеней.

И дровосек
Пред отвесным обрывом
Вдруг отступает,
Став боязливым.

В дальнем ущелье,
На перевале,
Дикую лошадь
Люди встречали.

Мчатся архары,
Яки лавиной
С пастбищ нагорных
Сходят в долины.

Волчья свирепо
Мечется стая,
Чарам подвластна,
А не простая.

Тропы покрыты
Дикой травой,
Конь пропадает
В ней с головою.

Как без дороги
Не заблудиться!
Будде не сможем
Мы поклониться.

И вот, когда продвигаться вперед стало почти невозможно и Трипитака в нерешительности придержал коня, они вдруг увидели на зеленом склоне дровосека. И вы только взгляните, как этот дровосек был одет:

Из синего войлока шляпа
Имела затейливый вид,
И черный халат его – тоже,
Казалось, особенно сшит.

И шляпа хранила от солнца,
От стужи – халат защищал;
Нагоченный остро топорик
Старик, улыбаясь, держал.

С нарубленным хворостом шел он,
Вязанку неся за плечом,
И в стужу и в знойную пору
Старик не грустил ни о чем.

Был занят всегда размышленьем
И праздных он чувств не имел,
И звездных богов беспокоил
Такой необычный удел.

Доволен своею судьбою,
Он был и в преклонных годах.
Какой же позор или слава
Его задержали в горах?

* * *

Рубя дрова в густом лесу на склоне,
Он увидел почтенного монаха,
Который путь с Востока направлял.

Тогда он тотчас прекратил работу,
Из лесу вышел быстрыми шагами
И поднялся на горный перевал.

– Почтенный монах, – крикнул он Трипитаке, – остановитесь на минутку, я хочу вам кое-что сказать. В этих горах водятся свирепые чудовища, которые пожирают путников.

Услышав это, Трипитака задрожал от страха и едва не свалился с коня.

– Вы слышали, – обернулся он к ученикам, – что сказал дровосек. Кто из вас согласен пойти к нему и подробно расспросить обо всем?

– Не тревожьтесь, учитель, – сказал Сунь У-кун. – Я пойду и в один момент все разую.

И он, широко шагая, стал подниматься в гору. Подойдя к дровосеку, он приветствовал его как старшего брата и стал расспрашивать. Ответив на приветствие, дровосек поинтересовался:

– Почтенный монах, что привело вас в эти горы?

– Не стану вас обманывать, – отвечал Сунь У-кун. – Мы идем из Китая в Индию за священными книгами. Видите, на коне сидит человек? Это наш учитель. Он не очень-то храбрый и как только услышал о том, что в этих горах водятся чудовища и оборотни, сразу же послал меня подробно расспросить вас об этом. Скажите, пожалуйста, какие здесь водятся демоны

и оборотни и когда они стали таковыми? Только говорите прямо: сильны ли они, или же это всего-навсего птенцы желторотые? Тогда я могу послать горных духов и духов земли, чтобы они вернули их на прежнее место.

Выслушав его, дровосек поглядел на небо и громко расхохотался.

– Да ты, оказывается, сумасшедший, – сказал он.

– Отчего же сумасшедший? – удивился Сунь У-кун. – Я ведь правду говорю.

– Какая же это правда? – продолжал дровосек. – И как можешь ты говорить, что выгонишь духов.

– Что-то ты чересчур усердно расписываешь их могущество и своей глупой болтовней стараешься задержать нас. Не иначе как ты им сродни. А если не сродни, так сосед или добрый приятель.

– Ну, ты, кажется, и впрямь спятил, – смеясь сказал дровосек. – Почему ты такой невежа? Я, можно сказать, из самых хороших побуждений решил предупредить вас, чтобы вы в пути были осторожнее, а ты ни с того ни с сего напустился на меня. Тут дело даже не в том, знаю я или не знаю где водятся эти духи и оборотни, просто интересно, каким образом ты хочешь изгнать их отсюда.

– Если это небесные духи, я отошлю их к Нефритовому императору. Если земные – пусть отправляются в преисподнюю. Западные духи вернутся к Будде, а восточные – возвратятся к Лао-цзюню; северные – будут отосланы к Сюану⁴², южных прогоню к Шэнь-нуну⁴³. Если здесь обитают духи из породы драконов, я отошлю их к владыке ада – Янь-вану. Ведь каждый из них имеет свое место, а у меня повсюду есть знакомые, которые выдадут им соответствующие бумаги, и они вмиг вылетят отсюда.

– Нет, ты действительно сошел с ума, – расхохотался дровосек. – Даже тот, кто обладает способностью передвигаться на облаках, знает колдовство, умеет изгонять нечистую силу и умирять чертей, и то не осмелится связываться с этим злобным чудовищем.

– Откуда ты знаешь, что он злобный? – спросил Сунь У-кун.

– В шестистах ли от этой горы, – сказал дровосек, – есть гора Пиндиншань, а на этой горе – пещера, известная под названием «Цветы лотоса». Так вот, в этой пещере живут два повелителя демонов. Они рисуют кабалистические знаки, при помощи которых вылавливают проходящих монахов. Главная же цель их – изловить и сожрать Танского монаха. Так знай, если вы пришли не из Танской империи, то все обойдется благополучно. Если же вы имеете хоть какое-нибудь отношение к Танам, то даже не думайте продолжать свой путь.

– А мы как раз идем из Танской империи, – сказал Сунь У-кун.

– Ну, тогда вас наверняка съедят, – произнес дровосек.

– В таком случае нам повезло! – воскликнул Сунь У-кун. – Интересно только, как они будут есть нас? – спросил Сунь У-кун.

– А как бы ты хотел? – спросил дровосек.

– Если они начнут с головы, это будет одно удовольствие, – сказал Сунь У-кун. —А вот если с ног, худо нам придется.

– Не все ли равно, – удивился дровосек, – с ног они начнут или с головы.

– Да у тебя, я вижу, мало опыта, – отвечал Сунь У-кун. – Как только они откусят голову, я буду мертв. И после этого, что бы со мной ни делали: пусть жарят, варят, – я не буду чувствовать. Но если они начнут с ног и будут грызть меня по кускам – вначале съедят ногу, потом дойдут до половины туловища, – это причинит мне ужасные страдания. Вот почему я и говорю, что это плохо.

⁴² Сюань-у, он же Чжэнь-у – темный дух, или бог севера. Даосы почитают его как высшего небесного владыку. Изображается с распущенными волосами, босоногий и с мечом в руках. Перед ним вывешивается черное знамя, а по бокам от него стоят два полководца в виде черепахи и змеи.

⁴³ Шэнь-нун – один из легендарных императоров Китая (2838 г. до н. э.). Ему приписывают изобретение земледелия.

– Да что ты, монах, – сказал дровосек, – разве у них есть столько времени. Как только они схватят вас, то сразу же сунут в котел, сварят и целиком сожрут.

– Ну, это еще лучше, – засмеялся Сунь У-кун. – Тут даже боли никакой не почувствуешь. Правда, душновато будет немного.

– Ты вот что, брось шутить, – сказал дровосек. – Повелитель духов всегда носит при себе пять драгоценностей и обладает огромной волшебной силой. Да если бы опорой Танского монаха был нефритовый столб, на котором держится небо, и золотые балки, подпирающие моря, то все равно человек, который решил сопровождать и охранять Танского монаха, обречен на сумасшествие.

– А сколько раз у него помутится рассудок? – спросил Сунь У-кун.

– Да раза три-четыре, – отвечал дровосек.

– Ну, это пустяки, об этом и говорить не стоит, – сказал Сунь У-кун. – У нас в год обычно раз восемьсот мутится сознание, а три-четыре раза мы даже и не заметим. Зато получим возможность следовать дальше.

О, чудесный Великий Мудрец! Он не проявил ни малейшего страха. Все его мысли были сосредоточены на том, чтобы надлежащим образом охранять Танского монаха. Он оставил дровосека и быстро пошел назад.

– Особенно опасаться нечего, учитель, – сказал он Трипитаке. – Здесь действительно живет какой-то оборотень. Но поскольку народ в этих местах не отличается храбростью, то у них только и разговоров, что об этом оборотне. Ну а со мной вам бояться нечего. Поехали дальше.

Слова Сунь У-куна успокоили Трипитаку, и он без всяких опасений последовал за ним. Вдруг дровосек исчез.

– Куда же скрылся дровосек, который предупреждал нас об опасности? – спросил Трипитака.

– Вот не везет, так не везет, – сказал Чжу Ба-цзе. – Среди бела дня повстречали привидение.

– Да он, наверное, ушел в лес за дровами, – сказал Сунь У-кун. – Обождите, я посмотрю.

Широко раскрыв свои огненные глаза, Великий Мудрец осмотрел все горы, однако дровосека нигде не было видно. Тут он взглянул вверх и увидел на облаке духа – стража времени. Сунь У-кун тотчас же бросился за ним на облако и, крепко выругавшись, крикнул:

– Почему ты не явился прямо ко мне? Зачем тебе понадобилось проделывать всякие штуки?

Перепуганный дух – страж времени поспешил отдать Сунь У-куну соответствующие почести и сказал:

– Великий Мудрец, я несколько запоздал. Вы уж простите меня. А что касается волшебной силы здешнего духа, то она действительно велика: он владеет искусством различных превращений, и вы можете полагаться только на свою хитрость, изворотливость и ум. Вам следует со всем усердием охранять Танского монаха. Если вы допустите хоть малейшую небрежность, вам нечего и думать о том, чтобы продолжать свой путь.

Сунь У-кун крепко запомнил все, что ему было сказано, и приказал стражу времени возвращаться обратно. Спустившись на облаке вниз, Сунь У-кун увидел, что учитель с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном продвигаются вперед.

«Если я расскажу учителю обо всем, что мне сообщил страж времени, – подумал Сунь У-кун, – он придет в отчаяние, станет плакать и делу ничем не поможет. Пословица говорит: “Когда неожиданно попадешь в омут, то поздно раздумывать, глубокий он или мелкий”. Если учителя захватит волшебник, у меня прибавятся лишние хлопоты. Попробую-ка я поговорить с Чжу Ба-цзе, может быть, он первым вступит в бой с духом. И если ему удастся добиться

победы, пусть эта заслуга принадлежит ему. Если же у него не хватит сил и дух одолеет его, я успею прийти на помощь и тогда проявлю все свои способности».

Однако он тут же подумал: «Боюсь только, что Чжу Ба-цзе не захочет первым вступить в бой и будет всячески выкручиваться. А учитель, по обыкновению, начнет поддерживать его, даже если он и неправ. Ну, да ладно, попробую все же заставить его».

О, чудесный Мудрец! Он решил схитрить и начал так усиленно тереть глаза, что у него даже слезы показались. Увидев слезы на глазах у Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе сказал Ша-сэну:

– Послушай, бросай коромысла и доставай вещи. Мы с тобой разделим их.

– О каком дележе ты говоришь, брат? – удивился Ша-сэн.

– Разделим вещи и разойдемся по домам, – пояснил Чжу Ба-цзе. – Ты вернешься на реку Люшахэ и снова станешь оборотнем, я же возвращусь в селение Гаолаочжуан и буду как прежде жить в семье зятем. Коня мы продадим, а на вырученные деньги купим гроб и преподнесем его в знак почтения нашему учителю. В общем, нужно расходиться и оставить мысль о поездке в Индию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.